

А. Грунтовский

РУССКИЙ КУЛАЧНЫЙ БОЙ

ИСТОРИЯ
ЭТНОГРАФИЯ
ТЕХНИКА

<< Санкт-Петербург 1993 >>

ISBN 5 — 900502-02-3, код 7П/03/

Издание осуществлено "Петербуржским обществом
любителей кулачного боя"

Иллюстрации автора.

Рецензент:

В.А.Купц

Издание включает книгу "Опыты отечественного боевого искусства" - попытку исследовать русские боевые традиции в историческом, этнографическом, практическом и иных аспектах. Здесь же дается боевая традиционная техника и методика подготовки.

Завершает сборник цикл статей "Из исторического наследия", где собраны малодоступные материалы по русскому бою.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЫТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БОЕВОГО ИСКУССТВА

1. История вопроса. Эволюция этики	6
2. Патология агрессивности	8
3. Человек и культура	11
Этика. Человек и человек	13
Эстетика. Человек и искусство	16
Метафизика. Человек и мир	18
4. Исторический обзор боевых искусств	25
5. Боевое искусство Руси	32
6. Психологическая подготовка	45
7. Духовная подготовка	49
8. Конструкция боя	50
9. Психология боя	59
10. Кулачный бой	62
11. Приложение. Этно- и культурогенез	105

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

1. Два слова этнографам	110
2. Об эпическом жанре	113
3. Язык и фольклор	116
4. Припевки (частушки) "под драку"	119
5. Исследователи кулачной традиции	130
6. Литературные источники	135
7. От обзоров до диссертаций	140
8. Обряд боя в изобразительном искусстве	142

ОПЫТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БОЕВОГО ИСКУССТВА

1	Опыт боя в районе населенного пункта	10
2	Опыт боя в районе населенного пункта	11
3	Опыт боя в районе населенного пункта	12
4	Опыт боя в районе населенного пункта	13
5	Опыт боя в районе населенного пункта	14
6	Опыт боя в районе населенного пункта	15
7	Опыт боя в районе населенного пункта	16
8	Опыт боя в районе населенного пункта	17
9	Опыт боя в районе населенного пункта	18
10	Опыт боя в районе населенного пункта	19
11	Опыт боя в районе населенного пункта	20

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

1	Историческое наследие	110
2	Историческое наследие	111
3	Историческое наследие	112
4	Историческое наследие	113
5	Историческое наследие	114
6	Историческое наследие	115
7	Историческое наследие	116
8	Историческое наследие	117
9	Историческое наследие	118
10	Историческое наследие	119
11	Историческое наследие	120

ОПЫТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БОЕВОГО ИСКУССТВА

Я лег на сгибе бытия,
На полдороги к бездне.
И вся история моя -
История болезни.

В. Высоцкий

1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА. ЭВОЛЮЦИЯ ЭТИКИ

Почему человек - "вершина эволюционного древа", "царь природы" уничтожает самое себя? Почему у животных: "ворон ворону глаз не выклюет", а у человека: "око за око"?

По Марксу "труд создал человека", но первый каменный топор оказался не столько орудием, сколько оружием против ближнего своего. Интересно и другое: на протяжении миллионов лет человек почти не развивался и вдруг скачок (верхний палеолит, 35-40 тысяч лет назад) от неандертальца к неантропу (*homo sapiens*). Появляются (на всех континентах одновременно!) языки, искусство, религия. И все потому, что неандерталец стал больше трудиться?

Точкой отсчета представляется нам разделение идеалов и потребностей, т.е. появление различия между духовным и плотским. С одной стороны, мы видим явление абстрактного мышления, с другой, - потерю защитного инстинкта, запрещающего самоуничтожение вида. Утратив инстинктивный механизм, мы не обрели духовного. Однако, если бы такого механизма не было вовсе, мы не дожили бы и до неолита.

"В начале было слово" - некая идея человека - бессмертный Адам. Ему была задана идеальная этика. Обретя плоть, Адам оказался искушаем. Но в этом и состоял Божественный замысел, ибо Бог захотел свободной любви. С этого момента, когда Бог был осознан, а бытие воспринято, как творение, человек стал человеком. Всю свою историю человек через религию пытался упорядочить отношения с самим собой. Вернее, само взаимоотношение человека и Бога и есть история. Появление нравственности обожествило ее носителей (предков) и механизм передачи (обряд). Отсюда возникновение культа предков, эпоса, родовой общины. Один из предков выходит в лидеры и возникает сложная иерархия языческих богов. С каждым новым циклом этноса или с каждым новым завоевателем происходит смена лидера. Отсюда понятие рока (ведь все повторяется): "...продуман распорядок действий и неотвратим конец пути...". Появляется языческое мировоззрение, где нет свободы и совесть не нужна.

Олицетворением "духовного механизма"(совести) стал Христос: "Если пребудете в слове Моем, то... познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ему отвечали: Мы, семя Авраамово, и не были рабами никогда... Иисус отвечал им: истинно говорю вам: всякий делающий грех, есть раб греха" (Иоанна 8:31). Человеческие идеалы, по разному выраженные у разных народов, Христос свел к одному: "Возлюби". "Бога никто никогда не видел: если мы любим друг друга,

то Бог в нас пребывает...И мы познали любовь...и уверовали в нее. Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает и в Боге, и Бог в нем... В любви нет страха..." (1 Иоанна 4: 12, 16, 18).

Но где вера, там и безверие, там всегда есть второй, "запасной" путь в "широкие ворота". В итоге гибель, Апокалипсис. Финал, имеющий место во всех религиях, но очевидный и для материалиста. Если мы взглянем не на всю историю в целом, а на историческую жизнь этноса, то эта схема работает и там. Так или иначе, перед нами цикл эволюции этики и, следовательно, культуры. Каждый из нас подобно эмбриону проживает подобный цикл: рождение - интуитивная вера в добро - познание добра (или не познание) - спасение (или гибель). Для истории это цикл мировоззренческий: стадо - община - государство - стадо-...- община. На культурный цикл накладываются более мелкие: социальные, этнические и, наконец, личные. Общества и народы появляются и исчезают - культура передается как эстафетная палочка, но палочка эта может обернуться и оливковой ветвью, и дубиной. Вот этот-то процесс и занимает наше внимание. Что превращает стадо в общину? - Явление общественных идеалов. В нашем аспекте нас более волнует обратный процесс - утрата идеалов.

Рассмотрим момент выявления идеалов подробнее. Очевидно, что хотя у млекопитающих и есть весь набор человеческих эмоций, их жизнь все же определяется инстинктами. У человека наоборот: он легко перешагивает через инстинкты, поддаваясь эмоциям. О разрушении запрета на самоуничтожение вида сказано выше. Можно проиллюстрировать это разрушение сравнением поведения человека и животного в условиях несвободы (в тюрьме, просто в армии, в детском садике, наконец): всюду возникает сложная иерархия, строящаяся на насилии. У животных иначе: даже хищники весьма любезны друг с другом в клетке зоопарка. Интересна взаимосвязь инстинктов запрета самоуничтожения вида и продолжения рода у животных. Брачные бои самцов, особенно у хищников, - ведь это может стоить им жизни - носят игровой, ритуальный характер. Так же ритуально отстаивается территория.

Вместе с потерей запрета на самоуничтожение вида "эволюционизирует" у человека и инстинкт самосохранения. Ни одно животное не позволяет себе парализующих эмоций и лишь человек способен бездействовать перед лицом смерти. Страх всемогущ над бездуховным человеком. Нет у человека и тех механизмов, которые регулируют отношения между полами (и между родителями и потомством). Т.е. влечения-то есть, а вот управлять ими приходится через сознание. Эту "мутацию" инстинктивных механизмов Библия обозначила через "грехопадение". Прямым его следствием является трагедия Авеля-Канна. "Познав добро и зло", Адам (что переводится как "человек") познал Еву ("жизнь"), в результате чего был зачат первый, в полном смысле, человек - первый братоубийца.

Видимо, у эволюции не было выбора: так у искушаемого есть два пути, у неискушаемого - ни одного. Питекантропы вымерли, неантропы выжили, получив нравственность. Известен так называемый "неандертальский парадокс". Неандертальцы, жившие 300 тысяч лет назад, имели объем мозга больший, чем неандертальцы, жившие 50 тысяч лет назад, более того - больший, чем у современных людей. 300 тысяч лет назад они уже умели обрабатывать

камни и кое-что строить (но не имели искусства). Затем неандерталец деградирует и повсеместно исчезает с появлением homo sapiens, что приписывается кровожадности последнего. Сомнительно. Скорее деградация неандертальцев привела к утрате защитных инстинктов внутривидового ненасилия, а нравственности (духовного механизма) у них не было. И это не единственная "тупиковая ветвь". Недавно в Якутии найдены черепа типа homo sapiens, датированные тремя миллионами лет. С какой попытки получился человек: с десятой, с сотой? Их могло бы быть бесконечно много, если бы в человеке не проснулось духовное. Но всегда ли Человек Разумный становится Человеком Нравственным? Спаситель и не предполагал поголовного посягательства на прозрение и ясно указал, что "Царство Божие не от мира сего". Таким образом, тема выходит за земные рамки.

Впрочем, наша задача много скромнее - взглянуть на традицию русского боя как на средство игрового общения и воспитания.

Задав простой, казалась бы, вопрос (однако кто и где на него ответил) - почему человек бьет человека, мы видим, что его нельзя решить вне религиозного мышления. Секуляризованные¹ науки, будь то психология или история, не могут и не хотят на него отвечать. Мы попытаемся показать, что традиционная культура была той средой, которая являлась коллективным механизмом ненасилия, выразившимся понятием совесть.

2. ПАТОЛОГИЯ АГРЕССИВНОСТИ

Что такое агрессивность?

Разумеется, нас не может удовлетворить социальное объяснение агрессивности: дескать, ребенку нечего делать и он "шалит". Мы 70 лет тащили его из подворотни в клуб, а он почему-то попадает в тюрьму.

Социум влияет на воспитание лишь опосредованно, ибо агрессивность рождается вместе с ребенком: мать отрывает дитя от груди - оно замахивается ручкой.

Из этого делается другой, не менее поверхностный вывод, что агрессивность является врожденным свойством. Но здесь, как подсказывает психоанализ, мы имеем дело не с агрессивностью, а с сексуальностью.

Фрейд показал, что механизмы агрессивности и либидо (сексуального голода) теснейшим образом связаны (если не одни и те же)² Более того, "биологическая агрессивность" человека носит нехищнический характер, т.е. человек, задуманный свыше как существо травоядное, изначально не склонен к агрессии для насыщения³. Сам факт существования боевого искусства, т.е. брачных боев, говорит об этом.

(1) Секуляризованная наука - наука, отсеченная от религии. Секуляризация - попытка получить "чистую", "объективную" науку, свободную от нравственности.

(2) См., например, З.Фрейд "Психология сексуальности".

(3) Отсюда доисторическое преклонение охотника перед жертвой и культ животного-предка. Отсюда само понятие "жертва".

Безусловно, агрессивность носит характер деформированной сексуальности, иными словами, - неудовлетворенности, как следствие вырванной из традиции культуры отношения полов.

Вот истинный источник таких агрессивно-сексуальных явлений, как шоу-карате, культуризм, аэробика. Эйфория, достигаемая через движение (явно сексуального характера), через шоу-поединок, диско-танец и т.д., - является тем же механизмом ухода на животный уровень, что и у алкоголизма, наркомании и прочего.

Причина агрессивности проста - отсутствие духовной жизни вне культурной традиции. Отсутствие это порождает псевдокультуру, направленную на удовлетворение эмоциональных потребностей, в конечном счете - либидо. То, что удерживает культуру (культ ур - служение свету, санскрит) внутри ее развития, обозначим как традицию.

Традиция - это система игровых отношений: игр, обычаев, обрядов, религии и т.п. и, в первую очередь, языка. Традиция есть нечто большее, чем образ жизни, ибо она не обрывается за границами последней (игра - это ра: власть света?).

Отсутствие традиции характеризуется поп-культурой (псевдокультурой), которая, в отличие от подлинной, не передается по наследству.

Отсутствие традиции в области сексуального воспитания дает развитие инверзии (отклонение от сексуальной нормы), что связано с проявлением садизма в явной или скрытой форме.

С раннего возраста агрессивность связана с садизмом. Такой "агрессор" для "ограбления" (зачастую эти копейки ему совершенно не нужны) выбирает именно мальчика, заведомо более слабого (т.е. ближе к девочке), готового к роли жертвы, - а это чувствуется за версту. Такой садизм всегда гомосексуален. Вот почему никогда не грабят девочек, хотя отнять деньги - если речь действительно о деньгах - у них намного легче.

С другой стороны, есть и обратный процесс: влияние жестокости на секс. Жестокость, несомая антикультурой общения: ненависть и страх перед чужими, "войны" двор на двор и т.п., порождает комплекс самоутверждения, захватывающий и сексуальное самоутверждение. Пусть даже и в здоровой форме - оно лежит вне традиции, вне любви и, тем самым, работает на порочный круг: либидо - агрессия.

Утрата чести мальчиком - в смысле унижения безнаказанной агрессией (если сопротивление есть, то нет унижения) - не менее болезненна, чем утрата чести девочкой. Поэтому поговорка "береги честь с молодости" адресовалась в народе, в первую очередь, к мужчине. Утрата мужественности носит абсолютный характер, т.е. это утрата и свободы. Всякий мужчина, каким бы он храбрым не был, помнит о первом своем унижении и воспринимает это как данное изначально бремя трусости, которое, якобы, можно преодолеть силой воли (что такое "сила воли" - остается загадкой).

Антитрадиция насмешек над трусостью действует опережающим способом, вырабатывая комплекс неполноценности даже у еще не побывавших "в деле" мальчиков. Таких мальчиков (и мужчин) драка (а потом, как следствие, и интимные отношения) пугает сама по себе, как факт и даже как возможность. Если же агрессивное унижение в социуме (во дворе) сделалось нормой, - а режим

этому способствует - то понятие чести утрачивается начисто.

Кроме того, агрессивность требует дополнительных энергетических затрат для "заводки" - затрат, соответственно, не духовных. Если кулачный бой зачинался песней и пляской, то драка - через стыд, унижение, через взаимные подозрения в трусости, как противника, так и "товарищей". Энергетическая недостача покрывается, в лучшем случае, водкой. В худшем - за счет поддержания определенной степени жестокости: "бей своих - чужие бояться будут". Бояться - т.е. не быть готовым к бою, в культурной традиции, готовящей должным образом, попросту нельзя. Что же делать, если человек все-таки бояка, а не боец? - Вернуться в традицию, в частности - традицию боевого искусства. Изучение одних лишь приемов никому еще смелости не прибавило. Напротив - тренировка, как таковая - это тоже закомплексованность: "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение, боящийся не совершенен в любви." (1 Иоана 4:18). К сожалению, З.Фрейд раскрутил только последнюю фразу. (Интересно, что отповедь этой односторонности была дана еще до появления фрейдизма: В.Соловьев "Смысл любви".)

Вот какие моменты выделили бы мы в нетрадиционном (в итоге ведущем к инверзии и агрессивности) воспитании.

Фольклор. Традиционная система обрядов определяла сексуальное воспитание. В современном же обществе мы видим только один сублимированный "фольклорный" жанр - анекдот. В иных жанрах народ уже не творит - они монополизированы поп-культурой. Анекдот в уродливом виде концентрирует в себе и обрядовые, и лирические, и эпические функции. Детский сексуальный анекдот наиболее жесток. В фольклорном вакууме он является единственным источником информации о культуре отношения полов. Такое положение делает жестокость нормой и жизни, и современного фольклора. Но можно противопоставить ему подлинную культуру и тогда, Бог даст...

Язык. Специфической формой сексуальной темы в языке является мат. Очевидно, что человек должен обладать определенным набором сакральных понятий, но имеют ли традиционные термины отношение к современному мату?

В русской деревне мат почти безобиден - просто еще одна печальная история времен ига. Мат принесли нам монголы, и в их языке он ничего неприличного не представляет. До ига мата не было, нет его и на западе. Это русский феномен, связанный, как нам видится, с особой ранимостью по поводу унижения в сочетании с рабской покорностью. Выражение: "Е... твою мать", вероятно, означает: Я уничтожил твой род, убил отца, поймел мать - ты мой раб, я хозяин твоего рода. А "х..." - это персонаж монгольских сказок - аналог и синоним нашего "Шипа" - антипода русского "доброего молодца". Отрицательным героем Шипа не назовешь - он просто ловкий проходимец, но живет он вне народной этики. (До монголов мужской половой орган назывался "шипом". С ним связаны определенные сакральные понятия и обряды. Шипом или шипаком назывался также и плем воина и купол собора. Шишка (по латыни - penis) - это то, из чего выходит семя. Доспех воина: шипак, чешуя, палица и т.д. - с одной стороны, собор в миниатюре, с другой - набор фаллических символов. Другое название - "маковка" - опять же у органа или у собора. Это от "мака" по наличию семени, разумеется. Сам процесс "е..." по-русски называется: "еть"-

очевидно, от слова "иметь". Ничего ругательного в этих словах нет.)

В современной жизни мат - самое характерное проявление сексуальной закомплексованности. Человек в глупости своей кричит: "Вот у меня какая большая тема, я только ей одной и выражаю все на свете" - а сам-то не замечает своей наготы, сам-то думает: "Ох, как я грозен!" - стыдитесь, ведь это закодированный страх вашего подсознания. Без психоанализа - все на ладони!

Вовсе не интеллигенция, как принято думать, а сам народ (до начала XX века) стыдился мата, как специфического оружия унижения. И сейчас оно на вооружении всяческих начальников: гражданских, военных и дворовых.

И второе, что более существенно, вы можете и не ругаться вслух, но пока не отучитесь мыслить терминами антикультуры, настоящая культура для вас закрыта и ваше личное иго будет продолжаться. Во все времена сквернословие считалось грехом, ибо идет от плотской чувственности.

Поп-культура. О ней мы будем говорить особо. Здесь же заметим, что это еще одна белка, вернее тигр, в колесе "агрессивность-либидо". В каком-то смысле поп-культура взяла на себя функции сексуального воспитания традиционной культуры. Но в каком? - Вполне бесовском.

Наконец, диагноз: агрессивность есть душевная болезнь (а не какое-то там отклонение от норм поведения), имеющая место вне целостной культурной традиции. Агрессивность - результат ненормального (выходящего за рамки традиционной этики) общения с окружающими.

С "энергетической" точки зрения нет ни агрессивности, ни сексуальности - есть единая плотская энергия, которая, в зависимости от ситуации, проявляется то как агрессивность, то как сексуальность. Агрессивность можно истолковать в модных терминах "экстрасенсорика", как "энергетический вампиризм": насильник стремится "высосать энергию" у жертв. (Ниже мы покажем, что все "энергии" и т.п. есть элемент сознания и вовсе не материальны, как пытаются нас убедить "адепты" восточной оккультистики.) Духовное начало очень мешает насильнику, напоминая о себе муками совести. А потому сожаления о проявленной жестокости забываются жестокостью еще большей, заливаются водкой, закалываются наркотиками.

Все это жертвы, и вместе с тем, источник упадка данной культуры. Бездуховность, отпадение от Бога - вот что такое агрессивность с нравственной, религиозной точки зрения. А всяческие энергетические штучки в христианской терминологии называются "бесами".

Человек обязан позаботиться о своей душе таким образом, чтобы "бесы-вампиры" не смели и пошевелиться в его присутствии. Ни чем иным, чем верой и нравственной чистотой, стяжать духовность нельзя. Но полдела понять, в чем болезнь, - необходимо выяснить, как лечиться.

3. ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

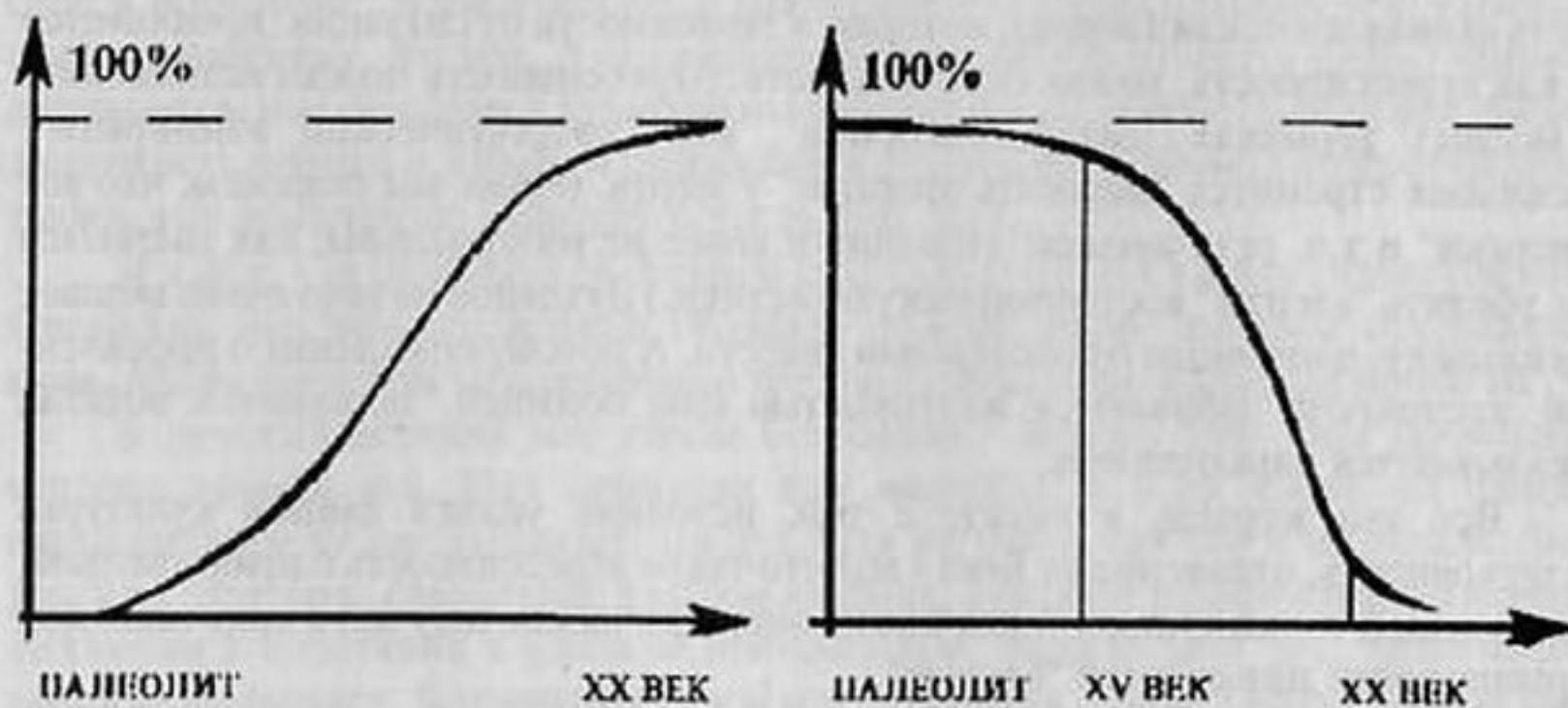
Отсутствие любви - вот бездна между современным человеком и уходящей культурой. Но что это такое, отсутствие чего мы пытаемся обнаружить?

Любовь - есть обожествление - придание творящих начал, а любовь к

человеку - лишь одна из граней любви: к Богу, к земле, к искусству. Цвет, звук, слово обожествляются не потому, что так хочется, а потому, что они обожествлены изначально - построены по законам гармонии, существующей объективно. Вернее сказать, наши понятия о божественном, о гармонии стремятся к единственно возможному неэнтропийному⁴. Все прочее, а "нмя ему: легион" - разрушительно (энтропийно) - т.е. идет к хаосу.

Можно сказать, что ощущение любви в человеке (этика) вытекает из отношения человека к культуре (эстетика), так как сам человек - следствие культуры (традиции). Эстетические и этические идеалы ни из чего не могут быть выведены. Идеал - неэнтропийное понятие. Этику нельзя вывести опытным путем и это подтверждается археологически. Возьмем отношение числа традиционных элементов (украшений, орнамента, форм, т.е. вещей не практических) из одного культурного слоя к общему числу подобных элементов. Не вдаваясь в теорию вероятностей, просим поверить, что в случае создания культуры "естественным отбором" мы получили бы график, изображенный слева. Но в действительности все не так - археология дает правый вариант (временная привязка дана для Руси).

Таким образом, культура (ее идеал) - первична, уже существует, и мы, художно, - в зависимости от эстетической ориентированности - реализуем ее. Но вот вопрос: зачем же исчезает культура, гибнут народы, сменяя друг друга и унося с собой идеалы и произведения искусства? И разве мы виновны, что не можем спасти традицию? И куда смотрит Бог, когда гибнут наши души?

Выходит, этнография, как и история, есть наука, связанная с вопросом теодицеи - противоречием между Божественным и мирским или, лучше сказать, несоответствием тварного Творцу.

Для религиозного мышления всегда было очевидно, что смысл жизни лежит за ее пределами. Умирает человек (неэнтропийные процессы сменяются энтропийными), умирают и звезды. Почему же мы считаем, что этносы должны жить вечно, да еще и пребывая в своей традиционной фазе - в периоде расцвета?

(4) Энтропийный процесс - процесс уменьшения внутреннего порядка системы, потеря энергии. Неэнтропийный - процесс увеличения внутреннего порядка.

Всякая культура, как и всякий человек, однажды родившись, обязана однажды умереть, а умерев, никуда не исчезает, а переходит в иное качество. Мы смеем надеяться, что упадок традиции это не плата за грехи, а естественный исторический процесс. Что же касается спасения души, то это задача не Творца, а наша с вами.

Восстановить культуру нельзя - это понятие энергетическое, но ее душа, как и душа человеческая, бессмертна и может влиять на новую плоть - новую традицию. До новой у нас далеко, но мы ведь и не справили поминок по старой. И здесь роль этнографии трудно переоценить.

Глядя на современных "русофилов", справедливо возмущаются вечные "западники": нужна ли нам традиция вообще? Быть может функция ее исчерпана и агрессивность - наш заслуженный крест? Российская ли это только судьба или:

Все вечности жерлом пожрется
и общей не уйдет судьбы ...

ЭТИКА. ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕК

Если культура от Бога, то цивилизация, порождение агрессивности - результат отпадения от оного. Экономическая теория о появлении городов, классов (вообще исторического процесса) из прибавочного-де продукта выглядит неудовлетворительно. Войны, начатые первобытными общинами, породили города. Само слово "город", "град" от "городить", "ограда" (англ. town - это стан, тын, стена). До станов были села - люди не "вставали", а "садились" на землю (city - древняя часть города, sit - сидеть, англ.). Славянское село не укреплялось - межобщинная агрессия была впереди. (А внутриобщинные отношения хранились еще дольше - до XIX века русские избы не имели замков.) Раздел на наше и вапе изменил стереотип поведения, что вылилось в эксплуатацию через деформацию этики: появилась этика рабов и этика господ (жертв и агрессоров). Традиция затрещала - история двинулась вперед. Традиция, меж тем, не есть что-то застывшее, неразвивающееся. Напротив, именно она разворачивает движение общественного времени по какой-то циклической зависимости. Та же задача и у агрессивности, но в противоположном направлении. Агрессивность "нужна" человеку, примерно, как смерть - условие неизбежное и поэтому вроде бы не обсуждаемое. Нужна ли агрессивность обществу - на это отвечали по разному: от Будды, боявшегося задавить муравья, до Мальтуса, говорившего, что война - это хорошо. Христианская позиция остается однозначной: это грех.

Как же меняется этика в процессе перехода культуры в цивилизацию? Во-первых, о детстве: агрессивная структура общества формирует соответствующие детские отношения. Дети традиционной культуры никогда не играют в войну, а - в обрядовый бой. Быть может, самое страшное в нашей "коридорной системе" - это игрушечные магазины - все, что угодно для убийства. Еще страшнее сама идея государственного воспитания и вообще "идея" воспитания. Традиционное мышление не знает воспитания как такового, оно неотъемлемая часть труда, обряда, досуга. Наши дети потому-то и дерутся так беспощадно, что не умеют ни биться, ни бороться. У архаических народов борьба - одна из

главных игр мальчиков, точно так, как "дочки-матери" и т.п. - главная игра девочек. Функция игр - моделирование взрослой жизни - практическая выработка традиционных навыков, а в итоге - традиционной этики и эстетики.

Очевидно, что традиция не передается кем-то кому-то ни в виде заповедей, ни генетически, но всякий раз вырабатывается личностью - а, вернее, личность-традицией - через Игру из единого небесного "банка данных". В агрессивном обществе система воспитания не может уже строиться на приобщении к идеалу (его нет, есть - идея) и само воспитание превращается в систему поддержания дисциплины, в систему подавления - вне традиционной культуры это процесс неизбежный. Дисциплинарное давление начинается уже с родов - процесса полностью огосударственного: едва ребенок родился, его уже лишают любви - уносят от мамы. Роль педагога (раб, присматривающий за детьми, латинск.) весьма печальна - дозировка свободы учеников. Нет более скверной услуги для детей, чем не дать им возиться, получая какие-то дозированные "побой", ведь все равно побьют и покалечат душу, но к этому можно подготовить - "побить" в игре. Дисциплина, окрик - это как раз то, что делает человека трусом. Воспитание, образование строятся на "заинтересованности", на идее "стимулирования" ("стимул" - дубинка для скота, латинск.), на чем угодно (все ищут "новые" методики), только не на игре. Взрослый бьет ребенка от неумения играть с ним. Вырастая, ребенок мстит волей-неволей за это неумение. Родитель просто устал от собственной неталантливости, ибо его запас игр, песен, сказок - близок к нулю. А усталый воспитатель может только командовать.

Лицо общества - система воспитания, т.е. воспроизводства самого общества, а не система производства продуктов потребления, как полагали "утопичцы". Если от поколения к поколению общество производит нечто похожее на самое себя - можно говорить о традиции. Первой ласточкой загибающейся (в смысле графика) традиции является проблема отцов и детей.

Прежде дети держались при родителях до конца - не из долга только и не потому, что умели любить друг друга, а и потому еще, что было чему учиться ("век живи - век учись"). Учеба огосударвлена, что остается для детей теперь: голая мораль? фраза: "учись, сынок!" и т.п. В детях живет неосознанная ненависть к родителям: их обманули, им недодали что-то, и что же? - Традицию - всего-то делов! Это чревато...

Проблема отцов и детей рождается из проблемы родителей вместе с самими детьми. Молодые люди Цивилизации не имеют простой возможности познакомиться: ни игры, ни обряды, ни общинный труд не подготовили их к общению друг с другом, к той форме общения, которая являлась естественной на протяжении тысячелетий. Остается подмена: производство, которое разобщает, "общественная жизнь", для которой мы все однополы и, наконец, "гулянка" - т.е. дискотека, бар и прочее. О, если бы там было нечто подлинное! Но там царит плотское начало и потому знакомство обречено формироваться на уровне влечения. При всех благих намерениях не будет любви - не вырвутся идеалы из-под спуда поп-культуры. (А потому срочно требуются общие интересы, их порой симулятивно переносят в культуру: вместе в музей или в театр, но отношения остаются плотскими, так как вне традиции личности негде выявить свои истинные качества. Влюбленный тоскует по подвигу, а подвигу нет и не будет

места в цивилизованной жизни.) Если получается семья, то не надолго. Да она уже и не цель, цель - удовлетворение либидо. Отсюда все "прелести" (в православном смысле) нашего времени.

Очевидно, никакая психология или там "социальная" политика не могут решить проблем аборт, разводов, проституции и пр. Это вопрос регенерации культуры. Вопрос более чем исторический.

Куда страшнее всех социальных революций была "революция" сексуальная. Автор отнюдь не против сексуального просвещения (которое в народной традиции было на высоте), но нынешняя катастрофа к просвещению отношения не имеет. Дети, растущие на нынешней "порнухе", цинично и неотвратимо воздадут за наш разврат. Лозунг дня прост: жизнь ради секса. - Так вот что от нас утаили! - восклицает молодежь. - Ну, теперь мы возьмем свое! А взять-то и нечего. А потерять душу.

Идеологи сексреволюции, глядя на мир из соответствующей позы, обнаруживают, что любовь к детям - привычка, к Родине - недоразумение, к Богу - дикость какая-то. И вообще: каждый второй "гармонизирует" с каждой третьей и партнеры могут меняться до бесконечности, отрицая тем самым "старую сказку" о любви. Но суть здесь в ином - в отмене духовной работы над собой, смысл которой в создании семьи, соответствующей идеалам общины, осознанным как долг перед предками и потомками. Т.е. создание единственно возможной негэнтропийной семьи - семьи традиционной. Правда не всегда выдавали раньше замуж по желанию. И тут общинное сознание не случайно оставляло последнее слово не за невестой, а за ее родителями, дабы предотвратить плотский порыв молодых, если за этим не виделось перспективы крепкой семьи. Потому такого количества несчастных браков, как сейчас, не было. Разводов же не было вообще. Создавая семью, думали не об устройстве личной жизни, а о детях и о стариках. Личное счастье было лишь условием для воспитания детей.

Всемирный секс это утрата способности любить - утрата личных игровых отношений. Но помимо игровых отношений с детьми и друг с другом есть еще отношения общественные. Игра или борьба? Существует ли "естественный отбор" или "соборность"? У животных две формы общения: игра и охота. Куда отнести общественную жизнь человека? Охота это плотский уровень общения, игра - душевный. Человек явил третий - духовный уровень: творчество, которое суть игра не тела уже, но духа. И если традиция это система игр, то государство - система охоты (по современному - технологии). В духовном плане это шаг назад, к насекомым. Вот у них-то (у муравьев) полное равенство и братство. Но сво-бо-да?

Итак, появление внутривидовой агрессивности потребовало создания государства, рационализации (технологизации) социума взамен его игрового устройства. Параллельно с традиционным мышлением (интуитивным) потребовалось возникновение мышления идеологического. Теперь клетка государства нам просто необходима, иначе наиболее активные сограждане зашибут наименее активных. Анархия невозможна: кто же спасет жертв и агрессоров друг от друга?

Конечно, и в самые "золотые" времена крестьянской общины, отношения

людей не были идеальны, но все же они были естественны и этические нормы не менялись столетиями. Мы видим, что упадок культуры, вызванный деформацией этики, - процесс естественный, хотя и не неизбежный. Мы - свидетели перехода Культуры в Цивилизацию. Исчезнет ли Россия, как исчезли Эллада и Рим? Каких монстров оставим мы после...

ЭСТЕТИКА. ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВО

Начнем от печки - т.е. от танца. Традиционная пластика, традиционные движения не потому хороши, что традиционны, а потому традиционны, что хороши. Они дают силы, несут энергию, какую бы форму она ни имела - духовную или самую простую: физическую.

Когда мы втягиваемся в игру, в игру в широком смысле: будь то игра детская или взрослый обряд, традиционный труд, наконец, (а игровое содержание действия определяется любовным отношением к делу и друг к другу), то здесь и происходит "зарядка" участников - негэнтропийный процесс. Традиционная культура не может быть энтропийной, ибо в таком случае народ, ее носитель, в условиях натурального хозяйства, давно бы исчез в глубине тысячелетий. Точно так и поп-культура не может быть негэнтропийной, так как тогда бы она уже называлась традиционной и не могла бы хаотично меняться в погоне за модой и создавать электрические смеси. Игра увеличивает внутреннюю энергию человека, но делается это не "движением энергий", не "напряжением мысли", а духовным чувством, в большинстве случаев неосознанным. Это относится и к слову и к орнаменту - ко всей культурной среде, формирующей человека: от домашней утвари до природного ландшафта (эволюция этики деформирует не только мебель, но и горы и реки).

То, что несет культура народа, прошедшего свой пик, чревато и духовным и плотским. Поэтому, в отличие от нашего предка, мы не застрахованы от непонимания искусства и не только фольклора, а вообще...Томик Пушкина сам по себе мертв, его нужно прочесть...а нас не научили, да и не могли научить. И, к сожалению, по пальцам можно пересчитать исполнителей, могущих сегодня с экрана или со сцены прочесть стихи должным образом. Прочих следовало бы гнать - и это даже более гуманно для них, чем для нас. Но и это не все: замечательное исполнение Арсения Тарковского утомляет нас скукой, ибо мы сами воспринимаем его с плотского уровня - любимся кораблем, глядя из-под днища.

Наша педагогика делает все, чтобы иначе и быть не могло. И тут нет никакого мирового заговора - такова сущность процесса: надорвавшийся этнос с каждым поколением выдает все более мелких (духовно) исполнителей, не понимающих уже своих предшественников. Творческие силы этноса иссякают, что говорит об отсутствии благодати и о присутствии попухи. Характернее всего это для нашего театра или кино: что стоит вся станиславщина-мейерхольдовщина по сравнению с народной исполнительской традицией.

Стихи (прозу) можно читать всяко: и вслух, и "с выражением", и без этого, суть в другом: не полюбив произведение - не прочтешь, а не прочтя - не полюбишь. Иными словами, нашей способностью к любви мы задаем уровень

читаемого произведения (действия, картины) и наоборот. Наш уровень может быть и выше авторского ибо в действительности никакого авторства нет (об этом ниже).

Поэзия, музыка, пластика (танец, театр, боевое искусство) в народной традиции являют собой неделимое целое. И весь человек - от рождения до смерти (трудится он или отдыхает) вовлечен в сотворчество. Причем каждый, в любой роли, - всегда - автор. Авторское отношение - вот что является содержанием традиционного исполнения. Не в том смысле, что песня принадлежит мне и как хочу, так и ворочу, а напротив - я принадлежу песне, действию, игре...Такое исполнение, вне зависимости от того, где находится реальный автор и жив ли (душа-то бессмертна), неисповедимыми Божьими путями (или бесовскими - смотря что заслужили) наполняет (соответственно - опустошает) нашу душу.

В традиционном понимании всякое произведение (как и феномен конкретного поэта) существует изначально и нет никакой личной заслуги в развертывании его из небытия - в переводе в слова и звуки. Поэтому мы и не знаем авторов сказок, хотя они и "сочинены" конкретными людьми, а не вообще народом (это очевидно на нашем былинном эпосе). Таким образом, произведение воспроизводится-творится многожды: первый раз "автором" и каждый раз снова - певцом, зрителем, слушателем.

Слушая нечто в исполнении "виртуозов", допустим, не шибко духовных, мы говорим: "ну и что!". А ведь это они, являясь посредниками между автором и нами, задают уровень восприятия ниже должного.

Легко убедиться, что вред поп-музыки, например, отнюдь не в ритмах и децибелах, а главное - в тех негативных смыслах, результатом которых она является. Здесь происходит не "наполнение", а нечто противоположное.

Часто говорят, что таланты есть везде: мол А - это плягер, а вот Б - это здорово! Дескать, вам не нравится, а вот мы так - балдеем. Но дело не в этом: поп-музыка, поп-поэзия и пр. - изначально плотски, в основе сексуальный ритм, сексуальное движение. Вернемся к языку: "балдеть" (от "балда" - палица, видимо, фаллический намек) и "торчать" (тут уж сексуальная подошлека налицо). Но, говорят, нужна же и развлекательная музыка, поэзия, кино...мы зрелищ хотим! - Однако, отдых в падении весьма сомнителен. Да и человек не тягловое животное, чтобы отдыхать: "Душа обязана трудиться и день, и ...".

Духовное не может жить в плотских формах. Не могут духовно пустые авторы создавать великие (пусть и формально) произведения. В культуре нет прогресса (тем более моды). Она, слава Богу, не развивается - это мы развиваемся (или наоборот) относительно нее. Духовная сущность искусства, как требовала, так и требует единства (тождества) духовной формы и духовного содержания.

Смысл искусства один - формирование личности - образа Божьего, т.е. любви, т.е. - культуры. Идеалы, выработанные традицией, - не шаблоны, а возможные (сотворимые в нашем мире) негэнтропийные формы культуры. Сколько их будет, сколько сложится традиций, столько появится этносов в истории.

Человек не только результат, но и "генофонд" будущих традиций. В нем потенциально заложены и взлеты культуры и ее погибель - он свободен.

Разумеется, человек не может повернуть вспять естественный цикл этноса, но именно от него (от нас то есть) зависит, будет ли этот цикл последним, - когда новые народы придут на развалины мертвой культуры, - или нет.

МЕТАФИЗИКА. ЧЕЛОВЕК И МИР

Мы надеемся, что полнота знания остается за традиционной культурой. В одних сказках содержится столько знания, сколько нет и во всех научных трудах. Традиционное искусство не имеет научного аппарата и как будто не искушено в "мировых вопросах", однако и современная секуляризованная философия напрасно претендует на научность. У нее, как и у религии и у искусства, предмет один - человек. И один вопрос - зачем?

Поэтому и философия ничего не дает вне религиозного мышления. Ее как искусство нельзя секуляризовать - отсечь от нравственной позиции.

И еще: примем на веру, что миф ничего не выдумывает, и попытаемся понять его язык. Но прежде чем обратиться к философии, необходимо подвести черту под "общественными" науками. Ведь они претендуют ответить на наши вопросы. "Прогрессисты" не хотят быть битыми - они требуют "свободы, равенства, братства". Они верят, что жизнь можно устроить разумно. Абстрактное братство отбросим сразу - об агрессивности сказано довольно. В остатке - противоречие, сводящее на нет любой радикализм - есть одно, нет другого.

Так в чем же справедливость: в равенстве или свободе? Не правда ли, в вопросе о справедливости, которую требует человек (у кого?), звучит какая-то ущемленность - крах антропоцентризма. Думается, здесь путаются два понятия о справедливости: социальное и нравственное. Идеал христианства прост: жизнь по совести, а это подразумевает свободу. А "равенства вообще" нет ни впереди, ни сзади (в животном мире). Равенство и справедливость христианства - это единство для всех закона совести, и это равенство дано нам со дня творения.

Мы видим, что общественные (социальные) науки всегда занимались тем, что переносили этику в экономику, что заведомо является мистификацией. Это характерная черта материализма, вообще секуляризованных наук цивилизации. Но главный "ответчик" на нравственные вопросы, разумеется, философия. Добравшись до нее, начнем с так называемого "основного вопроса". Что первично: материя или сознание? Но что такое материя? - атомы, элементарные частицы, знакомые нам, как физические модели (меняющиеся в зависимости от решаемой задачи), но совершенно недоступные, как физические тела. Не вдаваясь в дебри физики, заметим, что "физика большого взрыва" говорит о происхождении частиц из вакуума, о их нематериальной, в прямом смысле слова, природе. Думается, сомнительность "основного вопроса" очевидна - так или иначе вселенная сотворима - в ней нет ничего кроме Духа, уже проявившегося в виде материи и непроявленного. Долгое время вакуум так или иначе противопоставляли материи. Одни учения видели в нем (в Пустоте) благо, другие - зло. Христианство же переносит понятия добра и зла на процессы, а не на состояния. Ни "пустота", ни "вещество" не могут быть активны сами по себе. Актом является процесс их взаимных превращений. Стало быть, он и "первичен".

Мы ни в коей мере не посягаем на достижения науки. Научные модели,

проверенные опытом, прекрасно работают. Мы просто еще раз хотим подчеркнуть, что на моделях и заканчивается научное познание, а дальше - дело за философией и философией религиозной.

Мир материалиста чудовищен: начиная, якобы, с первоначального "большого взрыва", все в мире предопределено и однозначно. Движение планет и мыслей и даже сам праведный гнев Скептика. Ничто, кроме физических законов, не правит балом во вселенной, да и в наших извилинах, будущее неизменно и впереди - тепловая смерть. Пусть даже удастся как-то обмануть энтропию, но все-таки предопределенность! Откуда же берется воля вождей, пускающих моря крови для "ускорения процессов", когда все процессы были запрограммированы 18 миллиардов лет назад (так датируется "большой взрыв")? Остается намылить петлю.

Но, может, быть ваше "творчество вселенной" так же предопределено теми же "редукционными" законами? - восклицает оппонент. - Да, но за законами стоит Творец. Предопределенность же исчезает только если мы допустим негэнтропийность вселенной, т.е. постоянный приток энергии в нее - бесконечный процесс творения.

В пользу свободы (непредопределенности - негэнтропийности) бытия говорит многое: во-первых, интуитивные наши познания, в частности, религиозный опыт, во-вторых, негэнтропийный ход эволюции - самоусложнение "материи".

Ничего у эволюционистов-прогрессистов не получается: как при "остывании" материи из N может получиться U, как из косной материи получается живая и т.д. Как произошел сам "большой взрыв", как пространство-время, скрученное в ничто, может оттуда выкрутиться? Как вообще абсолютный покой может перейти в движение?

В настоящее время экспериментальная физика уже покончила с редукционизмом и допустила свободу материи. Вселенная создается, шестой день творения еще не завершён и мы его соучастники. Веревка, оказывается, не нужна. Не думается, однако, что у Создателя есть какой-либо план: строительство "супраментального человека" (Ш. Ауробиндо) или "богочеловека" (В. Соловьев) и пр. План пахнет "исторической неизбежностью". Во всяком случае, не нам гадать о нем.

К "основному вопросу" материализм привязывает "аксиому" о познаваемости мира. Но это было бы доказательством редукционности - отсутствия свободы. Очевидно, что бесконечности познаваемого (сотворимого) соответствует бесконечность непознаваемого (творящего). Примечательно, что та мистика, с которой подается "основной вопрос", выдает идеалистическое, а точнее - языческое содержание материализма. Вера в первичность материи делает ее идолом, а исторический материализм - инструкцией по экспроприации. А главное, материализм не ставит вопроса смысла и, в принципе, не может на него ответить, ибо подменяет понятие смысла понятием пользы. Не признавая бессмертия души, смысл обнаруживать не приходится. Здесь разница между любой идеологией и религией: религия ставит вопрос и ищет ответ. Там. Идеология не ищет, имея готовый ответ здесь.

Запутавшись с "основным вопросом", Маркс поместил духовную жизнь в

"надстройку", а материальное производство - ее следствие - в "базис". Результатом этой рокировки оказались и ужас ГУЛАГа и фарс перестройки. Для того, чтобы убедиться в этом, нам - советским гражданам - достаточно заглянуть в свои души - там один "базис".

То, что мы имеем дело с примитивным язычеством, не вызывает сомнения: и египетская пирамида тирану на главной площади, и чугунные идолы на любой мало-мальской площадке страны, человеческие жертвы которым исчисляются десятками миллионов.

Продолжив противопоставление бытия и сознания, Маркс обнаружил противоречие между трудом и капиталом (вместо естественного тождества) и, следовательно, между "классами" (а дальше "эволюционировать" этике уже некуда). Разбил историю на цепь мифических "общественно-экономических формаций", якобы, неизбежно сменяющих друг друга, посредством "классовой борьбы", предрек "неизбежный социализм". После всех этих жреческих заклинаний ему оставалось воскликнуть только: "убий!" Что он и сделал...

1. Истинным основным вопросом философии является вопрос свободы выбора: если она есть - жизнь еще имеет какой-то смысл, если нет - увольте... Материализм, отделяя сознание от материи (бытие-де определяет чего-то там), отвергает свободу выбора. За сим является "историческая необходимость" и, более того, "историческая неизбежность"! - полное отрицание личности, духа, свободы (может быть - сво бо да: Свойство Богом данное).

Даже монстр Шигалев (из Достоевских бесов) не додумался до неизбежности принудительного "осчастливливания" масс. А между тем, вера - это свобода, это личность и личностное, т.е. творческое, а не интегрально-неизбежное содержание истории.

Материализм и его апофеоз - вернее тушик - марксизм - закономерный результат рационализации мышления - движущей силы цивилизации. Весьма поверхностно представляют рационализм результатом Просвещения или Реформации. Просвещение никогда не одолело бы Церковь, если бы последняя не была причиной и, в каком-то смысле, результатом первого.

Приобретая политическую (идеологическую) структуру (для христианства II - VIII вв.), церковь начинает прибирать кесаревы бразды, обрекая себя на инквизицию, конквисту, на 1793 и 1917 гг. Усвоив эллинистическую логическую культуру, церковь формализуется, превращаясь в государственную машину. Устраняясь от духовной работы, заискивая перед режимом (история пап), официальная церковь отождествляет праведность и справедливость (система индульгенций и т.д.). Идеалом верующего становится добропорядочный гражданин. Но "мир стоит праведником" и поэтому рационализация церкви не могла обернуться деградацией Учения Христова, оно, напротив, развивается, по мере постижения. Глубоко заблуждаются современные авторы, путающие эти процессы, предлагая "второй", "третий", "интегральный" и прочие пути.

Путь только один - во Христе. Можно расходиться в понимании, в непонимании никакого пути нет. Путь этот Евангелием не исчерпывается, а только открывается. Историческое христианство расходилось в постижении - отсюда борьба догм и религиозная утопия, предшественница социальной... а там и фанатизм. Понимание Христа - развитие, но понимание должно быть в вере,

иначе нетерпимость, а всякая нетерпимость (от Ивана Карамазова до Ильича) есть беснование.

Не миновать нам, разумеется, и атеистических нападок, и потому еще одно отступление: наука оперирует относительными категориями, а религия - абсолютными (нравственными). Только последними и возможно доказательство небытия (или бытия) Божьего⁵.

Ясно, что "научный атеизм" такой же нонсенс, как и "научный коммунизм". Практического атеизма просто нет, как и нет материализма вообще. Материализм есть примитивная форма веры - веры в материю, как самосовершенствующую субстанцию.

Говоря языком психотерапии, есть эмоциональная зависимость (точнее: атеизм - плотская, политеизм - душевная) от идеологии, от идола, как и от наркотика - это не суть. Монотеизм это тоже зависимость, но - духовная. Вернее, уже связь, т.е. совесть.

2. Из вопроса о свободе вытекает вопрос о борьбе добра и зла - вопрос теодицеи (богопримирения): почему у доброго Бога получился такой плохой мир.

Многие религии решали этот вопрос просто: Творца два - один добрый, другой злой (дуализм). Зло от злых богов, а посему им нужны кровавые жертвы и т.п. (Заметим, что все идеологические теории дуалистичны: материализму нужно как-то оправдать ту борьбу, к которой он призывает - "...весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...").

Христианский Бог вечен, бесконечен, непознаваем и благ. Второе условие отрицает существование иных "богов" (монизм). Откуда же зло? Сотворенный мир должен быть сразу же Царством Божьим, что не наблюдается. Выходит Бог не способен управлять миром (так думали гностики), что приводило на практике к отрицанию Бога и попранию человека. Между тем, пришествие Сына Человеческого и его искупительная крестная мука говорят о другом. Человек свободен, а это значит, что Господь не может заставить человека делать добро /как не может бес заставить делать зло/. Господь не принуждает, он не диктатор, он - Спаситель. Но и Господь свободен и он может попустить бесу, который всегда наготове, искушать человека. Человек, одолевший искусу, спасается, павший - через боли и муки, смерть близких и т.п. получает шанс к покаянию. Не искушаемый - Бога не ведает. Для того, чтобы нам спастись, нужно было не только распятие и воскресение, но и грехопадение. А для того, чтобы Адам пал, необходимо было пасть Сатане. В каких-то случаях Господь вмешивается в дела мирские: исцеляет, наставляет, благовествует, но ограничивает ли это свободу? - Пути Господни неисповедимы. Так кратко можно показать христианское решение теодицеи.

3. Отсюда вытекает третий вопрос - вопрос спасения. Многие ветхозаветные идеи приобрели в христианстве совсем иной смысл. В первую очередь эсхатологические: конец света и Страшный Суд. У Христа Суд Божий - это не только будущее, но и настоящее: "ибо не знаете часа, когда приду..." - суд совести-

(5) Модный креационизм и т.п. не стоят серьезной критики: подсчет каких-либо вероятностей в бесконечной вселенной не имеет смысла. Творец не нуждается в доказательствах - он уже сотворил вселенную - единственное доказательство себя.

личностное, иудаизму не присущее понятие. Идея же воздаяния по заслугам суть языческая - порочная сама по себе. У Христа нет никакой карающей десницы - его притчи о Царстве Божьем, которое внутри. Не убояться, а возлюбить - зачем же тогда Страшный Суд? В Ветхом Завете не произошло еще полного отделения идеалов от интересов, нравственности от юриспруденции - зерен от шелухи. И это понятно у Моисея: начав с "не убий", он без остановки переходит к "око за око".

Идея эта, развитая католической церковью, дала инквизицию, а перенесенная в социалистический утопизм, легла в основу "диктатуры пролетариата". Спаситель видел в Страшном Суде не проекцию земных кар на небо, а нечто иное и поэтому призывал "подставлять другую щеку"... Может ли хоть одна душа спастись и блаженствовать, пока другие терзаются на земле и в аду? Когда Христа спросили: "Кому же можно спастись?" Он ответил: "человеку невозможно, но Богу". Это надо понимать, что возможно лишь человеку, пребывающему в Боге. Как всеобщим было падение (Адам и Ева), так и спасение должно быть всеобщим. Для этого и полагается второе пришествие, конец света, Страшный Суд, где праведники обрящут не только окончательное спасение, но и новую шлошь.

Спасение "отдельно взятой" души, надо думать, невозможно, потому что ее нельзя взять отдельно. "Изолированная" душа неспособна на творчество. Она энтропийна (души, отверженные Богом, "сгорают огнем неугасимым" - т.е. сходят на нет). Свободна именно связанная с Богом душа. Поэтому она и бессмертна и в этом гарантия смысла. Не с прилета души в рай начинается ее загробная жизнь, а с рождения. Совершая свободные поступки, мы все время творим то рай, то ад в космических масштабах. "Не собирайте сокровищ на земле, но на небе" - еще при жизни, по слову Христа, наша душа проявляет свое бессмертие, собирая небесные сокровища. И при жизни, и после как спасенные, так и падшие души участвуют в нашем бытии через произведения искусства, материальной культуры и т.д.: души падшие могут забирать наши силы, а праведные - умножать их.

4. Наконец (все того же первого вопроса физический аспект), вопрос мерности бытия: в сколь-мерном пространстве мы существуем?

На первый взгляд кажется, что органы чувств отрезают человека от мира: электрон и то "думает", как ему интерферировать (в известном опыте Т.Юнга). Даже растения, как будто, обладают телепатией. А человек? Религиозный опыт показывает, что и человек - не говоря уже о различных чудесах - в процессе обычного мышления пользуется "дополнительными каналами" информации (энергии). В новомодных теориях "дополнительные каналы" видятся авторам как дополнительные измерения пространства, в которые торопятся поместить "Высший (космический) Разум" и т.п. Весьма популярна впервые высказанная Г.Минковским идея представления времени неким измерением или парой измерений - плоскостью, чье движение "перемещает сознание" из одного состояния в другое (см. у А.Мартьянова "Исповедимый путь", Л., 1989 и т.п.). В этом пятимерном мире будущее и прошлое, якобы, сосуществуют в извечной, неизменной своей форме, а мы, "путешествуя" по оси времени, организуем иллюзию движения. Иллюзию более ужасающую, чем редукционная иллюзия

свободы выбора. Ибо тут выбора нет никакого - мы не машины даже, а детали какой-то циклопической киноленты. В этом мире статки ни человеку, ни Богу делать нечего (статка несотворима и Творец не нужен). Зато многие экстрасенсы на основе подобных теорий "научно" обосновывают свои "предсказания" будущего и т.п.

С физической точки зрения эти теории не выдерживают никакой критики: пятимерное пространство-время, якобы, воспринимается нами, как трехмерная голограмма, в каждой точке которой содержится вся информация обо всех остальных точках. Но информацию в голограмме несет не точка, а минимальный структурный объем. У бесконечной голограммы такой объем тоже бесконечен. При любом количестве измерений точка не может обладать бесконечной информацией, т.е. бесконечной энергией. Информация, заметим, присутствует не в каждой точке и отнюдь не вся, а попадает избранным и весьма нечасто, либо бесовскими, либо Божьими путями, и именно ее нравственная окрашенность говорит о нефизичности "каналов информации".

Все эти ухищрения являются развитием идей американского психиатра С.Грофа (предполагавшего, что сознание человека представляет собой бесконечное поле) и продолжением "голографической модели сознания" К.Прибрама и Д.Бома и т.д. Последняя из отечественных гипотез (Б.Искакова) - микролептонная - идет в том же русле: якобы, в каждой точке пространства существуют "микролептонные голограммы" всех тел вселенной, что недалеко ушло от "образов" Лукреция Кара (1 в., Рим). Все эти теории слабоваты уже на уровне физики, поэтому не будем подвергать их религиозной критике. Заметим, однако, что можно (вспомним гностиков) построить какое угодно (ибо недоказуемо!) последовательное секуляризированное (внецерковное) мировоззрение. Но ничего, кроме погребели, подобное вкушение запретных плодов не даст. В области познания Смысла есть только один путь - богооткровение: нельзя доказать логически построенную систему, посягающую на нравственные категории, как нельзя молиться голограммам, будь они даже микролептонные. Характерно, что все попытки построения "метафизик" проистекают от желания объяснить аномальные (по-русски - бесовские) явления, а "смысл жизни" и т.п. появляется в этих теориях уже после этого. Соблазн "открыть" Бога весьма велик: заявить, что вот, мол, "пятое измерение" (или какой-нибудь там "космический разум") это и есть Оно. Вместе с "открытием" Бога отпадает потребность в вере. Человек способен любить лишь живого и непознаваемого Бога, тогда эта любовь делается взаимной.

5. Теперь мы снова вернемся к первому вопросу - о Свободе, т.е. о Смысле. Можно ли сказать, что жизнь имеет цель? Едва ли, как нельзя сказать, что цель реки - море. Реку могут загородить плотиной и пустить не туда. Совсем иное дело - смысл. Это не что-то конечное, а то, что присутствует изначально, до конца и после него, в каждой точке пути.

Смысл жизни полагается Церковью во спасении - в спасении, понятом как образ жизни. Спасение есть служение, которое и лично, и соборно (совместно в рамках семьи, этноса, человечества). Спасение как процесс, требующий духовных затрат, есть истинная свобода - возможность каждое мгновение выбирать между несением креста и висением на нем за счет других. Но это лишь

посюсторонняя часть смысла. Спасение осуществленное как итог, есть ключ к иному Смыслу - Надежда, что есть он, некая неведомая сверхзадача. Ибо для чего же дана нам свобода? Бессмысленно только несвободное существование. Ложность учения о прогрессе должна уже стать очевидной, в том числе, о прогрессе социальном, в котором человек делается заложником мистической цели или, проще, мусором истории, лагерной пылью. Рационализация общества, обусловленная деформацией этики, ведет к утверждению "истины" через насилие:

Чистая правда со временем восторжествует,
если проделает то же, что грязная ложь...

В прогрессе нет смысла, ибо он не свободен, он связан целью.

Что же делают современные философы, физики, экстрасенсы, хватаясь за религиозные вопросы? Да все то же, что делали маги, алхимики и утописты: выводят нравственность из природы, Бога из физики, человека из "естественных законов". Торжество правды в ином мире их никак не устраивает. А в этом они видят лишь одну неправду. Здесь есть гностический соблазн узреть зло в материальном мире. Но об этом уже сказано. Сам факт Творения наводит на мысль, что "материя" наша любима свыше. Мы рискнули бы сформулировать принцип Творения так: любовь есть единственная форма проявления материи. В этом ее истинный прогресс. А прогресс социальный под ницшеанским лозунгом: "бог умер" - не от любви и ничего не создает.

Смысл связывает Творца с Творением. Само слово "смысл" это то, что постигается с помощью мысли. Кстати, само слово "слово" от "словить", таким образом, разум (раз-ум) - антенна в смысловом океане. Синоним "разума" - "соображение" - буквально: сопоставление образов (того, что образует, творит).

Итак, пространство наполнено смыслами - потенцией творения: бесконечное количество энтропийных (бесовских) и негэнтропийных (Божьих) "смыслов" ("слов"), самых обычных душ, святых, ангелов, затем - Бог Дух, Бог Сын(личностное начало), Бог Отец.

Подводя итоги, вот на какие вопросы обратили бы мы внимание.

1. Сотворимость и развиваемость мира - вообще и как фундаментальное условие возникновения человека.

2. Абсолютная нематериальность происхождения мира. Все зримое порождено из небытия, проявлено Божественным сознанием. Из пункта 1 следует 2 и наоборот. Отсюда следует и то, что Творение непрерывно и бесконечно в обоих направлениях времени. Творение есть сущность Творца, косное, пустое пространство - невозможно, ибо не обладает смыслом - потенцией Творения.

3. Наличие объективного времени, а не каких-то иных измерений.

4. Наличие бессмертной души, духовной (нематериальной) субстанции потенциальных смыслов, а не "биоэнергетической" оболочки в виде какого-то неведомого поля. Душа, в отличии от Духа, не бесконечна и бессмертна только в связи с ним.

5. Наличие ноуменальных явлений. Не из неведомых "параллельных" миров и иных "измерений", а имеющих место в нашем мире (в нашем сознании), откуда при определенных ситуациях мы можем получать "ноуменальную информацию", причем как нехорошую (НЛО-нафты, Гиды и пр.бесы), так и Божес-

твенную - всякому по вере его.

6. Наличие свободы выбора, т.е. способность человека самостоятельно включаться как в творческие (негэнтропийные) процессы, так и в противные им. Вероятность свободы выбора у всякого живого, да и "неживого" тела должна присутствовать - это условие пункта 1, но у человека она максимальна.

7. Духовная связь человека с Богом - интуитивный механизм совести, дающий нравственную оценку деяниям. Нравственность (включая этику и эстетику) едина для всех времен и народов и заложена от сотворения. Совесть, понятая материалистически, бессмысленна: мы видим лишь некоторую спонтанность, если не сказать хаотичность, личности, наложение различных вождельней, спонтанность, бесконечно дробимую культурами, во всех фазах - отсюда различные понимания этики и эстетики.

На духовном уровне механизм совести прост и определяется одним словом: возлюби. Сказано: "Возлюби Бога". А значит, и все прочее, что от него.

8. Христианство, указывая смысл в спасении и стяжании Святого Духа, подчеркивает, что логическое определение смысла жизни никогда не может быть найдено. Формулировки его - величайший соблазн всех "прогрессивных" учений мира. Ведь смысл есть нечто большее, чем сама жизнь - жизнь сама есть следствие смысла: если есть смысл (есть Бог), то в силу этого жизнь существует. Заданность, рационалистичность жизни - "исповедимость" пути - это тупик, отсутствие свободы, ибо сказано: "неисповедимы пути Господни", т.е. и наши пути. Смысл бытия, если формулировать по-пушкински: в Бытии, а не в Небытии.

А что же традиционное сознание? Перечисленные вопросы были слишком очевидны для простого человека: ему и не о чем было бы рассуждать. Он всегда знал, что Бог есть, что мир сотворен и вечен, что душа бессмертна, природа жива, а совесть нелжива.

Вернемся к вопросу, поставленному в начале нашей книги. Коснувшись философских тем, мы все же не ответили на него: почему человек бьет человека? Вопрос нравственный - наука ответить не может. А что же традиция? - Если речь о "кулачках" (о брачном бое), то никакого битья тут нет, а есть неперемное условие нормальной жизни. Другое дело, бой увечный: со своими ли, с супостатами, но если бьются за правду, то правильно делают. Если против правды и совести - то это от беса. Почему? - Господь попустил...за грехи.

4. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР БОЕВЫХ ИСКУССТВ

Исторический обзор правильнее начинать с эволюционного. Мы видим, что боевое искусство развивается из игрового боя животных: брачного боя и боя за территорию. Если учесть, что смысл боя - продление рода, а территория лишь условие для этого, то очевидно их внутреннее единство. Подчеркнем и то, что бой животных неагрессивны и являются формой внутривидового (т.е. между самцами) общения, формирующего собой и общение межполовое. Неагрессивный (игровой) бой самцов задает неагрессивное совокупление, а позже - игровое воспитание особи. Мы видим единый процесс, замыкающийся на брачный бой.

Такова же и суть боя у человека. Очевидно также и единство игрового инстинктивного механизма общения особей у животных и нравственного механизма у человека традиционной культуры.

Что же выделяет брачный бой из быта, т.е. делает его искусством? - Все остальные виды искусства: танец, пение и пр. И даже изобразительное искусство (в растительном мире - как состязание формы, цвета, запаха между цветами).

Вот как, например, выглядит бой у гремучей змеи: самцы исполняют загадочный танец, сближаясь по спирали, пока не сомкнутся головами, затем поднимают их над землей и начинается борьба. Соперники пытаются придавить друг друга к земле, при этом головы откинута назад, чтобы случайно не укусить (ибо змеиный яд опасен для них самих). Змея, положенная "на лопатки", удаляется, не проявляя никакой агрессивности. Победитель великодушен и никогда не преследует. Примерно так же выглядят бои и у ядовитых насекомых. Безопасность самцов гарантирована, чего нельзя сказать о совокуплении. У некоторых видов самки, по использованию, убивают самцов (скорпион, например), но никогда наоборот.

Единственное животное, брачные бои которого могут завершиться летально, ... черепаха! Послушные инстинкту самцы стремятся перевернуть друг друга на спину и, если соперник не ретируется, он может быть перевернут и без посторонней помощи не сумеет встать на ноги. Среди миллионов видов этот казус выглядит как еще одно доказательство. Но только чего? Какой такой инстинкт может уместиться на нервном узелке богомола или бабочки?

Поразительно и то, что чем выше мы идем по эволюционному дереву, тем менее точно выполняются ритуалы (т.е. больше свободы). Бой насекомого гуманнее боя человека. Можем ли мы вообще говорить о каком-то прогрессе? Разве усложнение организмов говорит о том, что они делаются совершеннее?

Более того, так как низшие формы лишены анализа и синтеза и прочей человеческой чепухи, то их организация "свыше" должна быть несомненно более развитой, чем у человека. У последнего, как мы уже показывали, эту организацию берет на себя Традиция, а затем Государство. Наконец, человек начинает сам себе придумывать "инстинкты"⁶ и ставит пулеметы на вышках для их реализации. А дальше... либо гибель, либо "возвращение на круги своя".

Низшие животные (а также растения и одноклеточные) должны находиться в постоянном контакте с Творцом, иначе "кто же всем управляет?" - по выражению Воланда.

Культура брачного боя, как и всякая культура (система игровых отношений), присуща всему живому и задана свыше, как некая, сначала весьма жесткая, а затем все более свободная программа. Эволюция прошла путь от "механистичности"⁷ "неживого" к свободе Разума.

Боевое искусство возникло в самом зловещем месте - в точке пересечения Цивилизации и Культуры. С одной стороны, существовала жизненная необхо-

(6) Например, "классовое чутье", "классовое сознание" и т.п.

(7) Механистичность в кавычках: даже на уровне внутриядерных взаимодействий реализуется свобода выбора (виртуальные частицы и т.п.). Редукция нет места нигде, иначе невозможно само явление материи.

димось иметь профессионального бойца - мужчину, способного защитить род от агрессии, с другой стороны, - иметь мужчину, способного стать мужем и отцом, т.е. способного не просто к любви, а к воспитанию в детях добра, к организации культуры через создание нравственной атмосферы в социуме (традиция) и внутри себя. Казалось бы, любовь и агрессивность исключают друг друга. Либо любовь, а подлинная любовь - это любовь ко всему и неспособность поднять руку на человека и, как следствие, незащищенное общество, либо агрессивность и неспособность к любви и, как следствие, деградирующее общество. И вся наша история на этих крайностях.

Золотой середины (разумеется относительно) достигали отнюдь не все народы (древний Египет, Греция периода расцвета, Киевская Русь). Этнический цикл Рима, например, носил агрессивный характер. И в нем не развилось свое искусство, в том числе и боевое.

Разумеется, боевое искусство есть у всякого этноса, но развитие оно получает лишь в период расцвета культуры, а он бывает не всегда. Агрессивные "успехи" этноса часто находятся в противоречии с культурными.

Возможно ли вообще сохранение любви как основы личности при выполнении боевых функций? (Мы помним, мы верим: "гений и злодейство...") - и да, и нет. В каждом случае либо-либо. То есть в случае злодейства, конечно, нет, но для бойца злодейством является бездействие. Сложность еще и в том, что политизация во все века делает понятие злодейства относительным. Именно эта грань сделала боевое искусство - искусством с самого появления человека. Изначально оно стало тайным знанием, связанным с культом.

Первые из описанных поединков происходили между Богами (Риг-веда), а человек впервые вступил в единоборство (поединок Иакова с Ангелом) лишь по предложению Бога (Ветхий Завет).

Еще одна сложность - в сосуществовании борьбы и боя. Первое, говоря о животном мире, - удел хищников, второе - травоядных. Человек - единственное существо, совмещающее бой и борьбу. Это следствие уникальности его сексуального развития. Борьба, естественно, древнее - мы видим ее у одноклеточных. Корни боя тоже глубоки - ведь каким-то образом появились рога у травоядных, немислимые оперения у птиц и т.п. - Все это во многих случаях "работает" только в брачном бою, а в остальное время является обузой.

С самого начала борьба и бой у человека четко различались: разделяла их этика, что привело к созданию различных дисциплин со своими традициями.

Это очевидно на примере Греции. В Крито-Микенский период (2000-1200 гг. до Р.Х.) борьба уже широко распространена. У Гомера Аякс и Одиссей борются по правилам, похожим на русскую борьбу "в крест" или "в обхват". Там же видим и кулачный бой, как атрибут тризны. Что же первично у человека? Кто мы: хищники или нет?

С 776 года до Р.Х. начинаются греческие олимпиады и борьба занимает одно из главных мест. Предание приписывает основание игр Гераклу (1262 - 1216 гг. до Р.Х.), относя их еще на 500 лет. Так или иначе первые игры состоялись как Тризна и кулачный бой должен был там присутствовать. Но в 776

году его нет. И лишь в 664 г. до Р.Х. в Олимпийскую программу включают рукопашный бой ("панкратион")⁸.

130 лет этика не позволяла сделать из тайного учения спортивное состязание. Куда пропали тризны (и вместе с ними кулачный бой) между XII и VIII веками до Р.Х., вполне понятно - дорийское вторжение. Засекречивание и исчезновение знаний сопутствовало каждому вторжению (так знаменитый Шаолинь в Китае образовался в результате маньчжурской экспансии XVII в.).

Панкратион близок к нашему кулачному бою, но куда более немилосерден по своим правилам. Общие протоарийские корни налицо. Налицо также и удары в лицо и то, что русский кулачный бой много древнее, чем гомеровский панкратион, ибо тенденция размывания этических рамок носила всегда одно-сторонний характер.

В панкратии были приняты все без ограничения удары и весь борцовский арсенал. Гомеровские бойцы защищают руки (от жестких блоков) сыромятными ремнями и пах (от ударов ногами) металлическим передником.

В III тысячелетии до Р.Х. в Греции появились арийцы: ахейцы и ионийцы (тогда же, когда и арии в Индии), именно они и приносят эту форму боя на берега Эгейского моря откуда-то с севера. У всех индоевропейцев - от британцев до индусов - прослеживаются единые боевые традиции:

Так опоясавшись оба, выходят бойцы на середину
Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись: смешались быстро подвижников тяжкие руки.
Стук кулаков раздаётся по челюстям; пот по их телу
льётся ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос
резко врага оглянувшегося грянул в лицо, - и не мог он
больше стоять...

(Илиада, песнь 23)

Единая традиция связывает боевое искусство и пение. Гимн и гимнастика - слова однокоренные. Первоначально гимнасий был школой рукопашного боя, где исполнение боевых гимнов являлось неотъемлемой частью обучения. Какое значение греки придавали боевым искусствам, хорошо видно из многочисленной литературы.

Платон вкладывает в уста Крития следующее: "воинское сословие отделено от прочих и членам его закон предписывает не заботиться ни о чем, кроме войны". Здесь, в "Критии" (в рассказе об Атлантиде) Платон моделирует протогреческое общество 10 тысяч лет до Р.Х. В отношении боевого искусства фантастику Платона следует признать весьма научной.

Что касается летописного олимпийского периода, то нетрудно представить уровень школ, на протяжении семисот лет выращивавших олимпийцев⁹.

(8) Сейчас появились "специалисты" по панкратию. Это мистификаторы - панкратион исчез уже в I-II веках.

(9) От "олимпия" - место игр и "никс" - победа (греч.). Впрочем, игры проводились и в Дельфах и других городах.

Уровень этот виден из более чем успешных военных действий греков и македонян.

Самый известный из панкратистов - двукратный олимпиец Пифагор - философ, математик, педагог (580 - 500 гг. до Р.Х.). Известен также Милон Кротонский, земляк и современник Пифагора, победу которому, согласно легенде, приносил целебный камень Алекторий. На Руси же кулачники пользовались змеиными сердцами и некоторыми кореньями. Недавно в Олимпии была откопана каменная гантель для одной руки, принадлежавшая Милону, в 147 кг весу, только-то.

История с боевым искусством, бывшая у ахейцев с дорийцами, повторилась и у римлян, покоривших этрусков, которые по некоторым версиям считаются чуть ли не предками русских. Если это и верно хоть на сколько-нибудь, то, скорее, наоборот. У этрусков мы видим похожие обряды: курган на могиле вождя и тризна с кулачным боем на этом кургане; прыжки через костер, а также бросание соломенного чучела какого-то божества в Тибр на весенних праздниках. Однако это лишь общие обряды земледельческих культур.

Первый деревянный цирк¹⁰ в Риме был возведен Тарквинием Древним (по происхождению этрусском) для ежегодных кулачных боев (Римские игры). Но в процессе превращения общины в государство (завершившемся в период Пунических войн - III век до Р.Х.) кулачников сменили гладиаторы. (Нечто похожее на гладиаторство было и у нас в эпоху крепостного права.)

Знаменитое: "Карфаген должен быть разрушен" аукнулось Риму тем же самым, спустя семь веков. К началу нашей эры, когда Рим добрался до Греции, культура последней вместе с панкратием уже угасала. Так Рим дважды не сумел воспринять боевое искусство от более мудрых, но поверженных соперников. Вообще у поверженных не принято учиться и только русские догадались в конце концов, что "за битого двух небитых дают".

Кулачный бой был тогда в чести и у галлов, и у германцев, и у британцев и римляне хорошо почувствовали это на своей шкуре - в конце концов им пришлось набирать легионы из самих же варваров: боеспособность римских граждан стала нулевой.

Наиболее древние свидетельства о бое относятся к Египту. Росписи гробницы Бени-Гассана (3 тыс. до Р.Х.) сохранили сотни приемов, ударов, бросков, большинство из которых уже не поддается дешифровке.

Но то, что мы видим, говорит о высоком уровне боевого искусства и значимости его в обществе. Есть достаточно сведений об энергетических и т. п. знаниях египтян, в которых они, безусловно, превосходили греков, как те, в свою очередь, римлян.

В средние века, когда межэтническая (и внутриэтническая, как следствие) агрессия достигла своего апогея, боевые искусства Европы ушли в глубокое подполье.

В крестьянской среде боевые искусства хранятся и по сей день (сават во Франции - см. фильм "Дети райка" - сценка в трактире в исполнении Ж.Л.Барро). Найдены и средневековые трактаты о боевом искусстве, засекре-

(10) Цирк - круг (лат.). Отсюда и "церковь" - круг единомышленников.

ченые на манер алхимических. Один из них (немецкий) содержит 200 гравюр с различными приемами, принадлежащих, как полагают, руке А.Дюрера. Если это так, то великий художник и сам, безусловно, владел боевым искусством.

С одной стороны, засекречивание - итог взаимной агрессии, с другой стороны, результат рационализации и упадка культуры.

Военно-прикладная традиция, выхолощенная и разъятая, поднята на небывалую высоту (фехтование и, особенно, стрельба стоят в Европе, конечно, выше, чем на востоке). А единственная из живых школ кулачного боя - школа английского бокса, давно уже лишена всякого духовного содержания.

Мы не будем подробно говорить о востоке - сейчас появляется масса отечественной литературы на эту тему. Отметим две крайности: с одной стороны, только на востоке, в связи с национальным подъемом, боевые искусства подняты на щит, чего не скажешь ни о Европе, ни об Африке. С другой стороны, создан миф о тысячелетних методиках, техниках и пр. На самом деле, большинство восточных школ образовалось в XIX или в начале XX века. Такие системы как карате, дзю-до, айки-до - это уже XX век. Во многих случаях они страдают заумью нынешней цивилизации, сориентированы на шоу, на престиж, на "глупого европейца" и техника их едва ли старше одного-двух веков. И, разумеется, они не могут рассматриваться как этнографический материал. Наиболее молодые и наиболее "усовершенствованные" школы, как правило, и наиболее неудачны, ибо смешивают боевую и спортивную технику.

А что такое "го-ти" (школа у-шу Ханьской эпохи), не знают и сами китайцы. Известно только, что это был круговой бой тотемического животного - Быка.

Соблазн "усовершенствовать" не миновал восточные школы: буддийские и даосские монахи начала эры разрабатывали гимнастику, подражая тотемическим животным и птицам. Кто только не брался за образец - кроме человека! Эта рационализация привела к разрыву между национальным танцем и боевым искусством на востоке.

Оккультная энергетическая магия разрушила народную традицию и испортила, как нам кажется, восточную технику. В настоящее время китайские бойцы достигли больших успехов в киноискусстве, но мы не видим их ни на международном ринге, ни на дорожках фехтовальщиков.

В современных названиях: карате-до, дзю-до и т.п. звучит "до" - путь (дорога), понимаемый как жизненный принцип. Более древние названия не выделяли "до" и не обособляли боевое искусство от культурной традиции.

Как и в Европе, боевые искусства востока происходили из кулачного боя и много позже вобрали в себя запрещенные удары и работу оружием, т.е. превратились из брачных игр в рукопашный бой. "Кулачный бой" чуть не дословно вложен в название восточных школ (что и записывается похожими иероглифами, хотя и по-разному звучит): цюань фа (Китай), кэмпо (Япония), квон-поп (Корея), куэнь-фат (Вьетнам), т.е. "Учение кулака", "Праведный закон кулака". Древнейший кулачный бой (шоу-бо) был, как и у нас, отделен от борьбы (дзю ди). Термин "кунгфу" (правильнее "гун-фу" - усердные занятия) принят на западе. У-шу ("у" - воинственный, воинский, "шу" - техника, искусство) определяет скорее не школу, а все понятие в целом. Первый иероглиф ("у") в

раннем прочтении распадается на два: "чхи" и "ге", что переводится как "остановить оружие"¹¹ и в целом звучит почти так же, как и "самбо" - самооборона без оружия. Понятно, что оружие появилось в руках ушуистов много позже. Бросается в глаза и переход этноса из одного цикла в другой. Иероглифы сохраняются - меняется их содержание (этика).

Ба цзи цюань - "кулак восьми пределов" - на востоке пространство, как и у нас, в старину делилось не на четыре, а на восемь сторон. Надо думать, что ба цзи цюань когда-то представлял собой бой в кругу с восемью противниками. Это наиболее фундаментальная общая тенденция - работа в кругу на Руси, в Индии, в Китае и т.д. В английском боксе ринг стал квадратным лишь в прошлом веке, ring - кольцо, круг (англ.). Здесь, с одной стороны, - общая практическая характеристика группового боя, с другой стороны, - общие солярные религиозные представления. Однако, современные тао (кит.) или ката (яп.) - боевые комплексы приемов и энергетических упражнений - менее всего отвечают задачам боя в кругу: техника и тактика группового боя совершенно иные.

Что касается современных оккультных энергетических упражнений, ставших столь модными у нас, то мы обязаны предупредить, что видим в них пагубу для души. Занятия эти (как и их ритуал: преклонение перед "гуру" и т.п.) несовместимы с православным мировоззрением. Всяческая энергия, черпаемая, якобы, из "дао", из "космоса" и пр. - есть дьявольская энергия. Отсюда рост преступности и всяческих беснований и наличие "выдающихся йогов" в наших психиатрических лечебницах.

Есть пагуба и для плоти. Кто и где проводил какие-либо исследования, что "оздоровительное у-шу" действительно оздоравливает европейцев, и в частности, славян? Наши наблюдения говорят об обратном. Современное увлечение "востоком" плохо не тем, что лежит вне национальной культуры (она не боится инородных вторжений), а тем, что лежит вне культуры вообще: не может выйти из рамок поп-культуры. Русский бой пока в ином положении, по крайней мере, он не придет к нам с заграничной этикеткой, как знак нашей деградации.

Русский человек всегда дрался по-русски, даже если он и не знал кулачного боя, пока на его голову не обрушился поток закордонных видеобоевиков. В настоящее время бросается в глаза изменение характера поведения в конфликтной ситуации. Утрачена одна из типических черт национального характера. В конце концов смешно, что русским мужикам, чтобы подраться, нужно упражняться на азиатский манер. Конечно, не их это вина, что у нас долгие годы скрывалась и уничтожалась народная традиция. А каких бы результатов достигли наши бойцы, если бы силы, потраченные на изучение чужеродных культур, были приложены по назначению? Подлинное же открытие восточных боевых искусств еще впереди - оно за специалистами: историками и этнографами.

Общим слабым местом современных боевых искусств является непонимание его, как брачного боя, т.е. как системы воспитания мужчины.

Увлечение боевым искусством у женщин всегда было конъюнктурным, да оно и безнравственно. Следует серьезно заверить милых барышень, что никакой

(11) См. бюллетень N 1 "Китайская гимнастика ушу", М., 1989.

реальной самообороной они не овладеют, а женственность утратят наверняка. Было бы лучше, если бы они сумели заставить заниматься боем своих женоподобных мужчин. На духовном уровне мужчина вне культуры боевых искусств делается женщиной, а женщина в культуре боевых искусств - мужчиной. Затрагивается и физиология, да так, что влияет на вторичные половые признаки (огрубление голоса у женщин и наоборот и т.д.).

Исключение боя из цивилизованной жизни повлекло за собой не только феминизацию мужчин¹², но, как следствие, и рост внутрисоциальной агрессивности (с соответствующим ростом межсоциальной). Традиция, расслаиваясь, разделяет общество на агрессоров и жертв. Но ни жертва, ни агрессор не могут жить духовной жизнью.

Следствием роста агрессивности является формализация религии. Где нет личности (а в ней подразумевается способность любить), там нет веры. Отсюда начинается деэволюция человека не только в духовном плане, но и в общебиологическом.

Дело далеко не в том, что мужчина перестает быть мужественным: можно "качать железо" или ходить в горы и все, казалось бы, будет на месте. Но как реанимировать традицию и нужно ли это?

Пока заметим некоторые частные вопросы: именно феминизация приводит к таким явлениям, как дедовщина в армии. Грядущая профессиональная армия, к которой мы неизбежно придем, этой проблемы не решит. Ибо агрессивный психологический тип будет передаваться по наследству и не одно поколение. А вот возврат к традиции эту проблему решил бы - если мы решим наши имперские проблемы...

А что такое Традиция боя, давайте посмотрим на отечественном примере.

5. БОЕВОЕ ИСКУССТВО РУСИ

"Стучат бубны и глас сопелей и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и главам их покивание, устам их неприязнен клич и вопль, всескверныя песни, бесовская угодия... и хребтом их вихляние и ногам их скакание и топтание..."

(Ночь на Ивана Купалу во Пскове, Игумен Памфил. 1505 год.)

Рискнем отправиться в наше темное прошлое и, если летопись умолчит о чем-то, то не промолчат язык и фольклор, а археологические раскопки смогут дополниться этимологическими и этнографическими.

Толковый словарь дает три значения слова "яр":

1. Яр (Jr) - сила, энергия (др. слав. и санскрит). Отсюда: ярость, ярый, боярин, языческие имена и названия: Ярослав, Ярмак и пр., яровые (т.е. всходящие под воздействием Ярилы или Яровита (Jro и Vita), т.е. солнца), ярко (в смысле - светло) и пр. и пр.

(12) А печальный процесс эмансипации женщин это наше зеркало, господа: женщина эмансипируется ровно настолько, насколько феминизируемся мы.

2. Яр - брачные бои у самцов птиц и животных. Отсюда: ярка (молодая овца, корова), доярка, ярмо, ярманка - ярмом манить (понятие "ярмарка невест" сохранилось доныне, хотя они и не являются предметом купли, как овцы или коровы), наяривать - относится и к музыке, и к бою, и к танцу.

3. Яр - крутой, заросший склон, овраг. Может быть, яр - особое место, связанное с мистическими представлениями славян. На яру селились волхвы, мельники (весьма оккультные деятели и целители), баба-яга в сказках. Или же Яр - место поклонения богу Яру (второе название Ярилы или Купалы)?

Когда-то понятие яра, в смысле брачных игр, относилось и к человеку и представляло какой-то не дошедший до нас обряд, истоки которого следует отнести к появлению человека (т.е. верхний палеолит - 35-40 тыс. лет до Р.Х.) - к появлению искусства, языка, фольклора. Очень может быть, что фольклор появился раньше языка. Членораздельная речь выделилась из напева при закреплении понятий за звуковыми образами. В основе этих преобразований (в итоге давших Человека) лежит интуитивное открытие гармонии: цвет, звук, пропорции тел, космические орбиты, сам человек и его движения - все строится на единых физических законах натурального звукоряда.

Традиционная культура - это гармонизированный быт. И развиваются культурные формы с опережением социальных институтов: речи, родовых отношений, религии. Разумеется, гармония возникла не потому, что предки знали о натуральном логарифме и золотом сечении, а потому, что всякая иная культура (сколько их помнит история) была обречена на исчезновение.

О механизме передачи традиции мы поговорим ниже. Заметим однако, что она не может быть персонифицирована. Это совместное знание, которое распадается на осознанное и на интуитивное: на со-знание и со-весь. Мы коснемся традиции яра (во втором смысле). Носительница обряда - крестьянская община - донесла эти доисторические действия до XX века. Общий сценарий их таков:

- подготовка к гулянию (обсуждение боев, хождение по дворам за неделю, а то и за две до праздника);

- начало гуляния (сбор возле атамана, при котором, естественно, гуслиар (гармонист), проход по селу под песни и пляски, начинающийся с "ломания", "веселого", "бузы" и т.д., это и разминка, и заводка на бой, но это и игра, т.е. поэзия, смысл которой в ней же самой);

- выход на определенное место сбора, или встречи ("мост", "поляна", "буйвище", "круг" и т.д.), с другой общиной (селом, заставой, городом);

- совместная игровая часть (мужские, девичьи и совместные танцы, песни, игры, прыгание через костер, купания и пр. действия, принятые на данном празднике, в последнее время встреча могла начаться прямо с боя, в некоторых случаях бой предшествовал гулянке и велся супротивными сторонами за право ее проведения);

- борьба и кулачный бой, известный в нескольких вариантах:

1. "Охотничий" ("сам на сам") - один на один;
2. "Стенка на стенку";
3. "Сцеплялка-свалка" (каждый за себя);
4. "Палочный бой".

Имелись общие жесткие правила - не биться "по-увечному" - и правила специальные - "уговоры", устанавливающие выбор и силу ударов непосредственно перед боем. Захваты практиковались в "сцеплялке". Удары ногами разрешались в старину в "охотничком" бою и не допускались в "стенке". Кроме того, в "стенке" не разрешались "раскрутки" и работа спиной к противнику. Начинались кулачные бои с "затравки": подростки затевали "сцеплялку" или борьбу, а заканчивались "стенкой".

В обычае был и поединок "зачинщиков" (атаманов) перед стеношным боем. Он мог быть борцовским, но чаще - кулачным и начинался, как правило, с танца ("ломание", "пляс" и т.п.). На Масленицу стеношные бои длились целую неделю, а сам бой часто длился с конца утренней службы до начала вечерней (т.е. 6 часов). Находились и купцы-меценаты, одевавшие каждую из стенок на свой манер: кушаки, шапки, рукавицы - одним синие, другим красные, например. В таких боях отрабатывалась военная тактика, ибо шла постоянная смена бойцов первого ряда бойцами, стоящими во втором и третьем. Отрабатывалось умение держать фронт и маневрировать по команде атамана и его помощников: атаманов правого и левого "крыла" (сам атаман командовал центром - "Челом"), а также "сотских", "пятидесятских" и "десятников". Команды подавались голосом, свистом и трубами (как на войне). Использовались вполне боевые приемы: удар "свиньей" (клином), удар "с крыла" (флангом), отступление, "засада" и т.д.

Борьба была одной из любимейших потех (и вместе с тем - обрядовым действием), но по сути своей не могла быть коллективным игрищем. Известны разные формы борьбы:

1. "В крест" ("в обхват", "в схватку") - силовая борьба, близкая к вольной. Иногда без техники ног. Основное правило: не разрывать захвата до окончания борьбы, что имело и мистический смысл.
2. "Не в схватку" - с произвольными захватами и работой ног, что близко к самбо. Часто продолжалась и на земле.
3. "Об одной ручке" ("За вороток" и т.п.) - с захватом одной рукой за ворот и с другой, заложенной за спину или в произвольном положении (без захвата). Допускалась работа ног.
4. "На рукавках" - вариант "не в схватку".
5. "На поясах" - вариант "в схватку".

Завершался праздник определенным обрядовым действием, связанным с земледельческим календарем, с культом Солнца и культом предков. Например, в день летнего солнцеворота (Иванов день - 24 июня)¹³ с горы спускали в реку горящее колесо, как символ середины года - "заката солнца". А на Масленицу (победа дня над ночью) - поднимали колесо на шест. Сохранилась поговорка: "жил в лесу - молился колесу".

Кроме того, сам бой имел обрядовый, мистический смысл: задача стеношного боя - проломить "стену" - бой велся на льду реки, - возможно, связана с идеей "помочь" реке вскрыться ото льда.

(13) В то же время проводились греческие Олимпиады. А Масленицу можно соотнести - и по календарю и по содержанию - с дионисиями.

Игровой поединок, помимо брачного боя, воспринимается нами еще и как театрализация битвы двух начал, что связано с древнейшими палеолитическими мистериями, которые отзываются в нашем былинном эпосе.

Все эти обрядовые (игровые) формы общения были, помимо прочего, организующим фоном, на котором складывались сексуальные отношения. Смысл игры в культурной традиции состоит ни в чем ином, как в зачатии и рождении человека. Причем сексуальная сторона никогда не отделялась от духовной. Это и есть традиция, вернее ее необходимое условие: зачать, родить и воспитать в любви, а не в агрессивности.

Мальчик, едва научившись ползать, начинал "брататься" (бороться). Происходит ли этот термин от слова брат? - Нам кажется, что наоборот. Вспомним: В былинах, чтобы побрататься, двум богатырям необходимо побороться. Годом к восьми мальчики уже выходили на "затравку" перед настоящими бойцами, надеясь на их похвалу. Задолго начиная готовиться к бою, мальчишка ощущал себя защитником, мужчиной - таково было сексуальное воспитание.

Затем бой был нужен для знакомства и сватовства. Но и женатые мужики не оставляли боя лет до 40, а их жены продолжали ходить смотреть "стенку" вместе с детьми, что было необходимо, очевидно, для нормальных семейных отношений.

Тема эта обширна и выходит за всякие рамки. Мы же скажем несколько слов о язычестве, прежде чем вернемся к кулачному бою.

Изобретение колеса было столь поэтическим событием, что у всех индоевропейцев (да и у других народов) солнце ассоциировалось с колесом. По небу на колесницах помчались: Гелиос у греков, Тор у скандинавов, Перун на Руси и т.д. Изображение колеса (с шестью, реже с восемью спицами) стало знаком бога-громовника - громовым знаком или Перуновым (Юпитеровым и пр.). Этот символ появится у нас не раз - в технике кулачного боя.

Итак, Бог Отец (Небо): Сварог (индусский Варуна, греческий Уран, немецкий Воудан и пр.) - корень - ар-ур (небо-санскрит). Его дети - сварожичи: Бог Солнца - Дажь-бог (он же - Ярило, греч. Гелиос (Эрос) и т.д.), бог огня - Огонь (он же Сварожич, инд. - Агни). Бог молнии и грома - Перун (он же Яровит, инд. - Индра¹⁴ и Рудра¹⁵ (в ведах есть и Парджанья), греч. Зевс (Арес, Эрот) и пр. и пр. Корень: ру-ро-ра. Ра - свет и, вместе с тем, разрушение (санскр.)

Интересно отметить, что классические греки (после дорийского вторжения) живут под началом третьего поколения богов. Урана (Бога-небо у всех народов мы отождествили бы с эпохой первобытного монотеизма) свергает Кронос, его сын, а Кроноса - кронида: Зевс, Аид и Посейдон. Славяне же (как и индусы вед) живут при втором поколении богов: детей Сварога - сварожичей. В силу изолированности славян, смена этнического цикла задержалась на 2 тыс. лет - сохраняя архаичные формы.

(14) Индра, видимо, плодил чудовищ (как и все арийские боги). У нас место Индры занял Перун, но зато имеется чудо-зверь Индрик. Перун от "переще" (перо) - палица и, вместе с тем, молния. Отсюда: переть, во весь опор, тпру, упряжь, напруга.

(15) Рудра - рудый - красный (славянск. и санскр.).

Ко временам крещения Руси Перун возглавлял языческий пантеон. При свержении истуканов кн. Владимир разработал целую инструкцию по уничтожению Перуна. Последнему отводилась роль и покровителя войны. Но почему же автор "Слова о полку Игореве" называет русских бойцов Дажь-божьими внуками? Видимо, потому же, почему кн. Всеволод тем же автором в миру величается "буй тур", а на поле брани "яр тур". Пусть Дажь-бог и уступил Перуну, пусть он и не зовется Ярилой, но ярь - это энергетическая основа боя ярого (боярин). Поэтому и вполне православная Ярославна обращается к солнцу как к Дажь-богу - "Господине" (солнце для нее мужского рода): "Чему, Господине, простре горячую свою лучю на ладе вой? В поле безводня жаждою имь лучи сыряже, тугою имь тули затче?" Быть может, до христианства в подобной ситуации молили "Господина" даровать Ярь воинам, ибо что же еще спасет в бою?

В современном понятии "ярость" чуть не синоним дебоша. В действительности - ярый бой подразумевает полное владение собой. Иначе невозможны все те "чудеса", которые мы знаем из фольклора, да из опыта, отчасти.

В случае же с кн. Игорем Дажь-бог с самого начала не одобрял похода (затмение), так как он лежал вне Традиции, был несправедлив: "переднюю славу сами похитим". Поэтому Ярило своим лучом луки "сыряже", т.е. согнул, лишив упругости (луки возили со спущенной тетивой и натягали перед боем).

Понятие яри как солнечной силы наполняло не только кулачный бой, но и весь быт и обряд земледельца, целиком зависевшего от небесного светила. Что ни праздник, то - "гуселки яровчатые"¹⁶. Наблюдения показывают, что яр, говоря современной терминологией, - это витальная (vita - жизнь) энергия, которую индусы называли "прана", или "джи" ("джива"). Жива - славянская богиня весны, соперница Мораны (зимы). Жизнь и Смерть - традиционная формула боя.

Никакой "энергетики", "медитации" и пр. наша народная традиция не знала (да, видимо, и восточная - до последнего времени). Обряд, пение, танец действительно направлены на развитие животворящих сил, но, во-первых, не только плотских (как в современных системах), но и душевных, а главное-духовных. А во-вторых, этот процесс всегда подсознателен, вернее, контролируется коллективным сознанием. Естественно, никакого "открытия чакр" и т.п. мистики в этом случае не происходит. Существенно, что адепты "востока", как и современные экстрасенсы, утверждают материальность "праны", "чакр", "биополей", "меридианов" и пр. По нашему убеждению (а это мы исследовали на протяжении ряда лет) все вышеназванное - это элементы сознания, образы, дающие возможность пробудить те или иные плотские силы. Образы не народной традиции, а оккультных сект. Безусловно, подобное сектантство в виде "волхования" было и у нас, но народом оно всегда осуждалось и противостояло традиционному сознанию. Христианство разоблачило этот плотский путь, использовав при этом душевный, народный (пение литургии), и открыв прямой - духовный путь к Богу. В современных системах, к сожалению, "волхвы" взяли верх. Нас Бог уберег. Надолго ли?

(16) Некоторые авторы утверждают, что "яровчатые" от "явора". Явор (тут) растет только в Китае. В Среднюю Азию его начали вывозить с XV века. Наши гусли делаются из елки. Звуковое отверстие на них выполнено в виде громового знака (символ Ярилы).

В соответствии с общинным характером русской традиции, знание не было заперто где-нибудь на недоступных вершинах Удана, а давалось всем и всюду легко, в прямом смысле играючи (сравните, например, круговой массаж ладони в ци-гун и игру "сорока-ворона" у нас и т.д.). Истина была всюду: в игре, в загадке, в сказке. Никаких тайн в кулачном бою не водилось, бой пелся и плясался, а не запрятывался в мистические формы. Все это говорит об архаичности нашей культуры. Есть, очевидно, здесь и роль Провидения, сохранившего именно русскую архаику.

Один из интересных элементов в этом плане - боевой танец ("ломание", "буза") - действие, снимающее стресс охотника, усталость пахаря и опустошенность бойца. Здесь, как в пляске ряженных, делается все не так, все непредсказуемо. Голова мотается, перебор ногами... полное расслабление. Затем голова встряхивается, грудь выкатывается колесом, идет удаль, сила, рождается частушка. Нетрудно "по плодам", т.е. по тому, наполняется ли боец добротой или ненавистью, определить, к чему относится танец: к оккультному действию или к традиции. У животных, заметим, опускание головы означает желание биться, и лишь человек поднимает голову в бою (в современных школах боя, к сожалению, опускает, что говорит о животном уровне школ).

О значении пения (звука) было известно еще раньше, чем сложился язык - это видно из него самого: "дыхание", "воздух" и "дух" в русском языке однокоренные слова. Первое, что слышал человек появившись на свет - это пение. Оно и сопровождало его через все самые важные моменты жизни, вплоть до похорон. Пение обрядового боя - важнейший элемент.

Почему же просто не спеть? Зачем вообще нужно драться - недоумевает нынешний обыватель:

С кем бы, с кем бы нам подраться?

Кулаки заржавляли...

Ярославские ребята

Ножки оправили.

Действительно, с кем? Если вокруг люди. Но для того-то и нужна игра в бой, чтобы мужики проявили свои лучшие качества: все то, что в совокупности составляет общинный идеал "доброго молодца". Здесь нет и намека на естественный отбор. Здесь никого не убьют и в холостяках не оставят. Это Школа. Идея брачного боя и сейчас просматривается в гулянии и гулянках (кстати, голуби "гуляют" именно во время брачного танца). Лирические песни и частушки - это все та же песнь птицы или зверя, только усиленная музыкальным инструментом. А боевые частушки, это уже песнь боевая. Сам язык выдает суть дела: "отбить девчонку", "боевой парень", "разбитая любовь"...

Присутствие боя, как действия, сохранилось в свадебном обряде. Сам жених называется князь, а его помощники - дружки. Это не дружки, а дружинники, во главе которых "князь" и сватается к родне невесты. Отсюда обряд умыкания и невьдачи невесты (ятрови - др.русс.). Сейчас ее выкупают, а прежде, похоже, добывали в кулачном состязании (что вылилось потом в турниры и дуэли). Элементы приготовления к бою сохранились до XX века. Свадебный поезд возглавлялся "тысяцким" или "боярином", в роли которого выступал дядька или старший брат жениха. Вообще свадебный "поезд" представляет собой игровой

вариант военного похода, часто со стрельбой и различными военными играми.

Существовала на Руси и традиция разрушения предметов (превратившаяся ныне в восточных школах в шоу) - разбивание деревянных плах и колод¹⁷.

Этот наиболее гуманный метод состязания предшествовал поединку за украденную невесту (сестру) - одному из ключевых сюжетов нашего эпоса:

Вот старший брат приходит за сестрой к Змею (сказка "Покатигорошек").

Змей: "-Если ты эту колоду без топора порубишь - пойдешь домой.

-Хоть сейчас убей - не могу.

-Полно тебе сюда ходить, мужику-дураку"... и т.д. (убивает).

Тот же вопрос Покатигорошку:

"Толкнул Покатигорошек дубовую колоду мизинным пальцем - разлетелась колода в мелкие щепы.

-Ну, я свое дело сделал, а теперь..." и т.д.

(Следует победоносный поединок Покатигорошка). Примечательно, что в сказках бойцы при оружии бьются на кулаках:

"...и ударил Змей Покатигорошек в третий раз и вбил его по самую шею в медный пол, в з я л свою булаву семипудовую и снес Змею семь поганых голов..."

Точно такая же картина Яра ждет нас и на уровне этноса: князь должен доказать свое право (при родовом строе - кулачным боем, а при государственном - политическими способностями) на отчину и дедину и подтверждать его всякий раз, переходя из города в город по родовой иерархии. Земля, на которую претендует князь, невеста, а ее родители - народ, точнее, вече - оно принимает или не принимает князя. Это прекрасно звучит в "Слове...":

"Ту кровавого вина не доста, ту пирь докончаша храбрыя русичи: сваты попоиша (сваты - половцы, так как они претендуют на невесту - отчину Игоря) а сами полегоша за землю Русьскую".

Таково отношение к жене (джи - жизнь - жинка) и к Родине определяет моногамию и оседлость. Если для князя Родина - жена, то для народа - мать, а князь - отец. Это так и велось до 17 года: "За царя, за Родину, за веру!"

Сравнивая свадебный обряд, т.е. обряд венчания¹⁸, с обрядом венчания на царство, нетрудно убедиться во вторичности последнего.

На следующем, третьем, уровне яра возникает аналогичная картина: весной Бог-громовик своими молниями разбивает снежные рати Морены (Мороза), разгоняет тучи и вступает в связь со своей невестой Землей, ошлодотворяя ее дождем и светом. (см. Афанасьев А.М. "Живая вода и вещее слово". - М., 1988).

Все повторяется и выше: таковы взаимоотношения планет Земли (Геры) и Юпитера (Зевса, Перуна, Индры и пр.) - в мифологическом смысле. Каким образом образовывается Традиция, т.е. получается Знание: от Звезд к Человеку или наоборот, это уже вопрос веры. Во всяком случае, народное мировоззрение,

(17) Такая традиция жива и сейчас на русском севере в селениях староверов - ломанье грудью жерди, привязанной к двум деревьям и т.п.

(18) Вено (плата за невесту) - венок - венец (круг).

фольклор за первый вариант. Впрочем, и без того известно, что "Вначале было Слово ..."

Много позже, с возникновением социальных институтов, боевое искусство получило военную привязку: техника владения оружием, палочный бой, выездка. Этот период догосударственных объединений - период войн - можно отнести от 3 тыс. до Р.Х. до 1 тыс. от Р.Х.

Военная традиция на Руси имела тот же общинный, но уже не деревенский, а дружинный характер. Младшая дружина набиралась из погодков с отроческих лет (с 10-12) и воспитывалась дядьками параллельно со старшей дружиной, пока не занимала ее место. Из летописей видно, что при усобицах против одного дружинника выставляли 10-20 ополченцев (которые тоже были не лыком шиты).

Помимо яра и общих праздников, дружина участвовала в кулачных боях на княжеских потехах и на тризне.

Термин "дядька" ("все равны, как на подбор, - с ними дядька Черномор") понимался не как родственник, а как вообще наставник боевого искусства, по отношению к которому все молодые люди рода (двоюродные, троюродные и пр.) являлись племянниками - соплеменниками. Дружину можно считать второй (после крестьянской общины) школой боя.

С возникновением монастырей боевые традиции прибрали монахи. Как известно, монахами были Пересвет и Ослябя, посланные Сергием Радонежским на поле Куликово. Однако, в силу православия у нас не было и не могло быть каких-либо секретных монастырских школ. Многие профессиональные дружинники и бояре (как тот же Пересвет), постригаясь в монашество, могли при нужде организовать оборону монастыря.

Возможно, еще одной школой боевого искусства были скоморохи (скомороды - скоромный род?), бывшие и акробатами, и музыкантами, и разбойниками с большой дороги. Были среди них и опытные бойцы. На разбой бродячих актеров толкало государство и ортодоксы от церкви: "...у которого сотского в его сотской выймут скомороха или волхва или бабу-ворожею... на том сотском... взяти пени десять реблев денег, а скомороха... бив да ограбив, выбити из волости вон, а прохожих скоморохов в волость не пущать!" (Приговорная грамота Троице-Сергиева монастыря, 1555 год). Впрочем, скоморохи скоморохам рознь - иных, видно, били за дело. То, что скоморохи были людьми вне закона - этикие блатные средневековья, это миф. Известны и оседлые скоморохи, те что жили на посаде, или при дворе князя и даже в монастырях. Царь Алексей Михайлович боролся с бродячими скоморохами, лишенными земель.

Сведения о богатырских подвигах скоморохов не сохранились и не могли сохраниться, зато чуть не в каждой былинке богатыри оборачиваются, приходя на пир, скоморохами. Очевидно, в дохристианское время человек (скоморох), слагающий песни (эпос), ведающий обряд (волхв), владеющий оружием (богатырь), соединялись в одном лице. Нечто подобное мы видим в "Калевале".

Наконец, высшая школа боя - это боярство - потомственные профессионалы. Интересно, что князья да бояре киевской Руси (а после казачество), как и древнеиндийские кшатрии, носили чуб - символ своей касты. Подготовка боярина начиналась с детства и видимо уже не носила того игрового характера,

какой был на селе. Из "Повести об убиении Андрея Боголюбского" мы видим, что даже самые кроткие нравом князья могли с голыми руками противостоять вооруженной шайке.

Боевое искусство явилось результатом адаптации брачного боя к новым этическим отношениям, возникшим на переходе от общины к государству. Это ясно видно из традиции разрешения территориальных споров. Сила ее такова, что на Руси вплоть до Куликовской битвы (1380) сражение предварялось единоборством. Как происходило это в более древние времена, известно по Гомеру и античному эпосу. Уместно вспомнить и мировую литературу: с чего начинается "Гамлет", из-за чего бьются Ричард и Ричмонд и т.д.? - Все это бой за территорию. Русская традиция, которую мы застаем более чистой, решала проблему не боем даже, но борьбой (ср., например, "Аргонавтику"¹⁹, где вождь бебриков Амик бьет пришельцев кулачным боем насмерть, пока не гибнет от Полидевка). Позже, с упадком традиции, зачинщики вооружились, и их поединок уже не отменял битвы. Вот как доносит "Повесть временных лет". "В год 992... подъехал князь печенежский, вызвал Владимира: выпусти ты своего мужа, а я - своего - пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю²⁰, то не будем воевать три года, а если мой - то будем разорять вас три года... и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их..."

Летописец не случайно указывает на нарушение уговора: "удавил до смерти", объясняя тем самым, почему раздался крик и почему русские набросились на печенегов, ибо все это, в глазах автора, оправдано несправедливым уговором печенежского князя. (Кстати, поединок Амика с Полидевом закончился точно так же: аргонавты перебили всех бебриков.)

А вот случай, выдержанный в традиции: "В год 1022... и когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: "Чего ради погубим дружины? Но сойдемся побороться сами, если одолеешь ты - возьми богатства мои, жену мою и детей моих и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все²¹, но не оружием будем биться по борьбе..." и схватились бороться крепко... и стал изнемогать Мстислав: "О пречистая Богородица, помоги мне! Если одолею, воздвигну церковь во имя твое". И, сказав так, бросил его на землю..."

С размыванием традиции жертва доводилась до конца: поборотого должно было зарезать (вспомним былины). Что и сделал "православный" Мстислав.

Однако же "что-то" мешало вынуть нож в процессе борьбы. Вспомним, что первым партнером по борьбе для мальчика был его брат, и в мифе "братание" может закончиться и трагически и дружески. А кулачный бой на деревне за право проведения гулянки (сохранившийся до середины XX века) - разве это не бой за территорию (на которой, разумеется, и девки имеются)?

(19) Поэма Аполлония Родосского. III век до Р.Х.

(20) Вообще, задача борьбы - бросить на землю, положить на лопатки, имеет чисто мистический смысл, т.е. отдать соперника в жертву Земле, а самому остаться на ней. Практического же смысла нет никакого - лежа на спине, противник еще опасней, чем в стойке.

(21) Следствие боевого искусства из яра здесь очевидно. Видимо, так в неолитическую эпоху решалась проблема разводов.

Вот здесь этика работала до конца, и золотым правилом было: "биться до первой крови!"²².

Общинная традиция на уровне этноса стала распадаться с появлением государства. Как только "пригласили" варягов и установилась идея централизованной власти:

"Сказал брат брату:

то мое и то мое же...

И начали князья про малое

"Се великое" молвить,

а сами на себя крамолу ковать..."

Дальнейшая история Руси - калейдоскоп братоубийств, закончившийся 300-летним игом.

Однако, традиция не забывалась - к ней апеллировали поэты - и держала общество изнутри на развалинах государственности. (Заметим, что никакая государственность не удержит общество от саморазрушения на развалинах культуры.)

Гражданская война 18 года была симптомом глубокого упадка этноса, но отнюдь не деревенской традиции - она-то как раз сопротивлялась "диктатуре пролетариата". Не "белое движение", а именно крестьянство, в силу своей "отсталости", затормозило победоносный ход рабоче-"крестьянской" революции. Три года братоубийственной войны не сломали народную традицию, ее подорвала коллективизация - "конгениальный" ход: разрушить общинные идеалы насильственным обобществлением. Война, репрессии и водка довершили остальное.

Часто вину распада народной культуры сваливают на церковь. Тут не без происков, а в лучшем случае - незнание истории. Церковь, как нам представляется, боролась не с традицией, а с тем, что разрасталось в ее отсутствие. Сердцу крестьянина (может быть, от "крес" - "огонь" - основа подсечного земледелия) не пришлось разрываться между Христом и язычеством. Греческое православие оказалось способным влиться в крестьянскую космогонию, этику, календарь и в русской православной форме, наполненной народной обрядовостью, дожить до XX века. Таким образом, и у нас христианство не "нарушало, а исполняло". Кто такой, например, Илья-пророк в иудаизме - но, заняв место Перуна, он подобрал его бразды в прямом и переносном смысле.

Такие языческие "божества", как дед Мороз, входили в христианское сознание через сказку, а Иисус Христос, Матерь Божия, апостолы мифологизировались, становясь фольклорными персонажами. Народная культура оказалась готовой для восприятия христианства - иначе бы оно и не состоялось у нас.

Термин "двоеверие", столь часто выводимый историками, только путает суть дела: есть только вера и безверие, а двоеверие - нонсенс. Разумеется, не все было так гладко, как хотелось бы. Церковь не случайно боялась "гуселок яровчатых". И не потому, что музыка посягала на власть над людьми, - отцы

(22) В.И.Даль приводит несколько сот поговорок, связанных с боем и фиксирующих кулачную этику: "Хочешь - дерись, да за тычком не гонись", "Борись - не дерись", "Сходись - бранись, расходишь - мирись", "Сам погибай, а товарища...", "Не бей по роже - себе дороже", "Не тычь - обломится" и т.д. ("Пословицы", М., 1957)

церкви безуспешно пытались взять на себя функции искусства - пострадали обе стороны.

Но церковь боялась также и другой - мистической - стороны народной традиции, где все скопом было отнесено на дьявольский счет. Энергетика кулачного бойца, исполнительская энергетика гуслира-скомороха, как и церковная литургия²³, в равной степени могут быть боговыми и дьявольскими - "како веруешь..."

Наши святые, обладающие "духовными очами", ужасались тому, что видели на народных игрищах: "Все были (процессия скоморохов) опутаны ужом единым - веревкой, которую тащил бес. В толпе же плясали слуги дьявола, но кроме святого их никто не видел... Сопели и гусли собирают около себя бестоудные бесы" ("Житие св. Нифонта", XIII век). Что же говорить после этого о волхвах и прочих Фаустах средневековья!

Надо заметить, что церковь была совершенно права, когда запрещала традиционные игрища и бои, которые выходили за рамки христианской этики. Однако подлинная традиция не может выйти за рамки - этика едина. Таким образом, смена попустительств и запретов объясняется не метанием церкви, а локальными изменениями традиции.

Так называемое "переходное" время - от Ивана III до Петра I (XV - XVIII вв.) было обусловлено новым подъемом идеологии - идеи централизации государства. (С последней связывают и идею сохранения национальной культуры, что в корне неверно.) Но главное - это время насильственного внедрения чужеродных культур, как следствие расслоения Традиции.

Не случайно, что именно к этому времени (XV век) наступает упадок русской культуры: иконописи, архитектуры и т.д. Если в начале периода боярство и народ поют одни песни, пляшут одни танцы и вместе выходят на кулачный бой, то в конце - знать наша не только не знает своих песен, но уже и забывают свой язык (как Пьер Безухов у Л.Н.Толстого). С одной стороны, это дало русский феномен - интеллигенцию, с другой, - Традицию уже ничто не может спасти (кроме самой интеллигенции, если, разумеется, она сама успеет спастись).

Пушкин пишет с тоской, что не следует дворянину ходить "гулять под качели", ибо, если толкнут, то не полезешь же драться. И вместе с тем замечает, что если бы толкнули английского лорда, то он "снял бы фрак и начал бы боксировать"²⁴.

В переходный период - до появления межэтнических (эклетичных по сути) форм искусства - деградация захватывает все: от фольклора до утвари. Безличностное (все - личностное, ибо "со-знание") начало вытесняется личностным. Народная культура никуда не исчезает, но все более широкие слои отрываются от нее. Наконец, традиция становится достоянием меньшинства.

(23) Сколько всяческих ересей помнит история христианства.

(24) Пушкина учили только шпаге (а как хотелось лиценстам побороться друг с другом!). А вот Есенин во всех автобиографиях начинает о детстве с дела, учившего его биться "на кулачках". (Интересны воспоминания М.Ройзмана о том, как дрался Есенин.)

Если вернуться к бою, то в XX веке техника его обеднела на 3/4. "Круговой" бой исчезает значительно раньше, а оставшийся "стеношный" по своим правилам не разрешает вращений ("раскруток") и работы ногами. Во многих случаях запрещаются и локти. Так при наличии обряда (до 1940-50 гг.) исчезает его практическое содержание. В настоящее время нам не известен ни один кулачник, владеющий круговым боем.

В XX веке русские боевые традиции проявились отчасти в боксе, отчасти в боевом самбо школы Харлампиевых²⁵.

Харлампиев-дед был известным (в том веке еще) кулачником в Смоленске. Его сын, Аркадий²⁶, нищим студентом Парижской академии художеств (1910 г.) идет на профессиональный ринг, дабы заработать на учебу. Волей случая делает блестящую карьеру французского боксера. По возвращении в СССР в 1922 году, он - один из основателей школы бокса, первый абсолютный чемпион СССР. Его ученики всемирно известны. Правда, в боксе остается всего один из 24-х (см. нашу таблицу) кулачных ударов, но зато весьма качественный (скорость Николая Королева - 7 ударов/сек.). Впрочем, в 30-е годы бокс был запрещен (Аркадий с сыном подрабатывали акробатами в цирке), а нынешний бокс вызывает одни сожаления. Возможность возродить кулачный бой, хотя бы в урезанном виде, была замята отсутствием традиции - т.е. Режимом. Впрочем, Харлампиев-старший боксировал без "сгрудки", что говорит о его отрыве от традиции!

Харлампиев-внук (Анатолий, 1906-1979) пошел в борьбу (впрочем, он тоже гуманитарий - по образованию музыкант). С 1931 года учится в ИФКе у В.С.Ощепкова²⁷ и принимает участие в создании спортивного самбо.

В 1937-м Ощепков, как и многие ИФКовцы, репрессирован. Харлампиеву удается спасти рукописи Василия Сергеевича. После войны он издает первый учебник по самбо, но, по понятным причинам, под одним лишь своим именем (что стало нынче поводом для обвинений). В спортивном разделе самбо много техники из русской "сцеплялки". Ее никак не мог привести Ощепков из "Кодокана" - и по сей день японцы учатся у самбистов, особенно технике партера. В создании боевого раздела Харлампиев пошел не столько по следам Ощепкова, Спиридонова, Ознобишина и др., синтезировавших у-шу, дзю-до и т.д., сколько по следам отца. Использовались во всех этих системах и элементы русского боя, впрочем, как и французского и английского.

После репрессий Анатолию Аркадьевичу пришлось пойти простым тренером в МЭИ, а в 41-м он ушел добровольцем, отслужив всю войну санитаром (однажды на показательных выступлениях, работая "вслепую", он "пропустил" нож и был не годен к строевой). В СМЕРШе и НКВД была известна в то время школа В.А.Спиридонова²⁸, бывшего штабс-капитана царской армии, ставшего полковником НКВД и главным тренером "Динамо". Свою систему он начал

(25) Конечно, и во многих других школах. Но в эпоху запрета мы не знали о них до 1990-91 гг. После нашего съезда (17.02.91 в Ленинграде) обнаружилось несколько интересных кулачников, таких, как Базлов из Твери (прим. 1991 г.).

(26) См. Кривицкий. "Этот неистовый русский". М., 1962.

(27) См. Лукашев. "Родословная самбо". М., 1986.

(28) См. Богомолов. "Момент истины".

создавать еще в 1910 году на базе бокса и джиу-джитсу. В ней не было почти ничего русского, о чем и писал сам Спиридонов в своем секретном учебнике для сотрудников НКВД (М., 1933). Товарищеские встречи, проводившиеся между ощепковцами и спиридоновцами в 30-е годы, заканчивались убедительными победами ощепковцев. Может быть, поэтому (так думают те немногие уцелевшие, с кем приходилось нам встречаться) по Спиридоновскому навету Ощепков и был ликвидирован. После войны проводилось несколько закрытых чемпионатов по русскому бою, а в 1953 году закрыли и его. Герой Богомолова Таманцев, если бы он существовал в действительности, был бы непременно репрессирован, если не в 45-м, то в 53-м. Отголоски этих школ, сохранившиеся ныне (в основном, в КГБ), называют "русским" или "советским" стилем. Ничего целостного они из себя не представляют²⁹. 70-е годы породили "рукопашный бой", который по-прежнему иногда называют боевым самбо. К традиционному русскому бою он не имеет никакого отношения, а представляет собой смесь "восточных" школ. И хотя выпускается большое количество наставлений и учебников, в войсках практически не учат ничему, за исключением некоторых молодых лейтенантов, которые преподают нечто, приобретенное на гражданке. Ни в какое сравнение не идет даже прыжковой бой, который был на высоте до 17 года. Но критика современников - занятие праздное, и мы его оставим.

Мы предлагаем технику русского кулачного боя, включающую варианты северных губерний, проверенную параллельными способами: по историческим и этнографическим материалам, по танцу, по практике боя.

Таким образом получается обобщенный русский бой (прежде он был разбит по районам на диалекты и, разумеется, менялся во времени. Да и не было на Руси двух дедов, которые дрались бы одинаково). Это далеко еще не традиция, ибо традиция в "руце Божьей".

Основная часть этой работы была проделана отцом автора - Грунтовским Вадимом Иосифовичем (р. 1931), которому довелось пройти как народную школу (Костромская обл., 1941-1945 гг.), так и армейскую (1951-1954 гг.). Мы же не столько молотили, сколько веяли собранный урожай, выбирая из бесконечных вариантов наиболее древние и достоверные. Что касается этики, обрядовой, музыкальной и других этнографических сторон боя, то в этой области, по нашему глубокому убеждению, никакие "реконструкции" недопустимы: необходимо просто изучать и показывать то, что сохранилось.

Подведем некоторый итог. Кулачный бой как элемент традиционной культуры был составляющей следующих отношений:

-Человек и Небо: все праздники земледельческого культа, так как бой символизировал мужское, оплодотворяющее начало;

-Человек и Земля: обрядовое кулачное разрешение территориальных споров;

(29) Кроме школы А.А.Калочникова, разработавшего в Краснодарском ракетном училище современный вариант спиридоновской школы (прим. 1991г.).

-Человек и Человек: рождение и воспитание (игровое сексуальное воспитание), сватовство и свадьба (яр), похороны (тризна)³⁰.

Известен также обычай судебного поединка, зафиксированный "русской правдой" и другими судебными уложениями. Однако в случае поединка из-за невесты мы видим здесь лишь огосударственную форму яра, а в случае поединка за имущество - вариант территориального спора. В любом варианте судебный поединок - это уже искаженная традиция, ведь он велся "не на живот, а на смерть", а это этика деградирующего этноса.

Кулачному бою на тризне мы обязаны возникновением спорта от греческих олимпиад до наших дней. Первичность же остается за яром, ибо он присутствует во всем животном мире. Яр (как игрище) породил театр и цирк.

В заключение мы приведем заговор на кулачный бой, дошедший до нас с языческих времен:

"Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, на восток, в восточную сторону, к Окиян-мору, и на том святом Окиян-море стоит стар мастер-Муж и у того святого Окиян-моря, сырой дуб крековастый, и рубит тот мастер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сырого дуба щепка летит, тако же бы и от меня, (имя рек) валился на сыру землю боец, добрый молодец, по всякий день и по всякий час. Аминь (трижды). И тем моим словам, ключ в море, замок на небе, от ныне и до века".

(Шапов, 1863 г., в книге А.Забьлина "Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия". 1880 г., М., 1990.)

6. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Что делает боевое искусство искусством? - Работа над духом. Как и в любом другом искусстве, работа эта идет через условную систему общения - игру. Игра позволяет остановить насилие, переводя его в игровые отношения. Вне игры даже дружеская схватка может побудить в душе нехорошие чувства (что мы и видим в современном спорте: не только чувство страха, но и вождения и зависти). Игра в нашем деле ведется языком пластики, музыки и слова.

Ниже мы покажем те элементы народной кулачной традиции, которые были обобщены в нашем опыте (опыте отца автора и его самого).

Игра - древнейший прием отстранения. Из всех фольклорных жанров театр кажется нам самым древним. Пантомима и мимика, очевидно, предшествуют языку. В игре мы одеваем маску условности и тем самым снимаем безусловную маску нашего дурного воспитания (стереотипов поведения). Тако-

(30) Тризна, как и праздник горы, связана с понятием "горного", т.е. небесного. Отсюда "гори", "горение", "горлица", "горница" и т.д. Вероятно, отсюда и "змея Горыныч", "Святогор", "Покатигорошек" и такие выражения, как "метнуть под гору". Бой на горке - некое жертвоприношение, театрализация горных боев. Синоним горы - "курган" (к ур) - "кур" (тур, tour) - башня - фаллическая символика. Из горы выходят и в гору превращаются эпические герои.

вы народные обряды и игры (начиная с обычной одежды, где все и практично, и вместе с тем имеет сакральный смысл, и кончая религиозными обрядами), таков быт традиции, включая традиционное производство. Игра исключает стереотипы, возникающие ныне в результате технологизации быта.

Некоторые приемы занятий:

1. О самообладании.

Страх делает нас немощными и "победить" его нельзя, но отстраниться можно. Ребенка приучали к страху, как к нормальному явлению, с рождения: через колыбельную, через сказку и уже с 3-5 лет - через работу; считалось, что нет ничего позорнее, чем испугаться и не сделать общее дело (будь то уход за скотиной или поход по ягоды). Система обрядовых боев (борьба с 3-4 лет и "сцеплялка" перед "кулачками" с 8-10 лет) заключала, помимо прочего, работу (через игру, через шутку) над страхом. Сходящиеся "стенки" оглушали друг друга ревом и свистом, и криками: "Дашь бою!", пытаясь напугать соперника. А пугаться нельзя - и свои смотрят, и девки, и бабы, и все село. Испугаешься - ожесточишься и это недопустимо - не простят. Оставались - частушка, гармонь и юмор.

Занимаясь самостоятельно (даже и современными видами спорта: штангой, акробатикой, гимнастикой), начинайте упражнение с небольшой пляски, песни, потешки, скороговорки, наконец. Забудьте о вокале или его отсутствии - пойте так, как поется ребенку в лесу или в поле. (Конечно, если есть возможность, неплохо бы поучиться у специалистов.) В кулачной традиции текстом была специальная частушка, именно она и вводит в игровую ситуацию. Большой вред приносит думанье об упражнении, подготовка к нему, особенно на соревнованиях. Еще хуже - думать о своей слабости. Совершенно ненужная привычка считать количество упражнений, да еще и записывать их в тетрадку, мерять мышцы и разглядывать их в зеркала - все это от лукавого.

Декламация (пение) приучит нас к свободному дыханию: научит расслабляться и не привязывать вдохи-выдохи к движениям. При любых нагрузках хорошо бы иметь расслабленное лицо и улыбку по поводу собственных физических потуг. Занятие должно быть не самоцелью, а поводом для игры и общения. Тренировка, по большому счету, - аскеза для плоти, а не лелеянье оной. Народная культура вообще не знала никакой физкультуры и мы обращаемся к последней лишь вследствие того, что лишены традиционного труда и естественного быта.

В боевой ситуации воспоминание игры через незаметный, а может быть, и демонстративный напев, приведет в порядок вашу психику. Игра - это матрица, на которой записывается наше состояние (и плоти и духа). Поэтому важнейшее дело - проявить на занятиях и юмор, и удаль, и все самое хорошее, именно пока мы поем и играем.

Можно бегать по бревну под песенку, использовать традиционную акробатику: бег с падениями, чехардой, прыжками и т.д. После каждого элемента - серия ударов без подготовки (после кубаря или "кульбита" удары должны начинаться еще до того, как тело примет вертикальное положение). И снова бег, и снова прыжок - и все в ритме песни. Для начала можно петь и про себя, но вообще момент "прорезания" голоса чрезвычайно важен. Обычная тренировка

делается эффективней на порядок, если начать ее с распевки. Вместе с тем в играх отрабатывается техника. Например, защита: "в шапки" - два человека пытаются снять шапки друг у друга и уворачиваются "сгрудкой". Или "собачий бой" - двое "в упоре лежа" прыгают на одной руке, стараясь другой подсечь руку противника и уронить его на грудь, и т.д. Такие игры, как "в хрена", "ворон", "полено", "петушинный бой", "борьба ногами", "путаница" и пр. дают хорошую разминку.

2. Об умении видеть ситуацию.

Бой в кругу (один против 4-8 человек) не может быть не импровизационным, всякая заумь здесь исключена. Для наших предков это еще и обрядовая форма боя (В.И. Даль приводит загадочные пословицы: "Медведь лег - игра стала", "Умер медведь - и пляска стала". Прибавим к этому, что боевой танец называется "плясать горбатого", т.е. медведя, и с него именно и начинается бой в кругу). Кроме того, в кругу исключается и единоборство, т.е. соперничество - то, чем грешит наш спорт. "Круг" - это коллективное действие.

Работая в центре, не закидывайтесь ни на ком, а стараясь охватить всех боковым зрением, "заводите" всю кампанию своей пластикой и голосом. Темп для начала - плясовой (раза в два, а то и в четыре меньше боевого). Сигналом к остановке боя, помимо команды преподавателя или самого бойца, служит падение последнего или выход из круга. В старину бой мог остановить и музыкант. Когда вы включитесь в игру, забыв о страхе и вообще о том, что деретесь, вы увидите сразу всю площадку и будете не глядя контролировать всех. При хорошей атмосфере на занятиях у некоторых это получается с первого раза. Но для практики необходимо "налетать" в кругу определенное количество часов. Тут начинает просыпаться техника, заложенная предками, и вообще начинает получаться то, что вы не отработаете ни на каких спаррингах и "грушах".

Что должен делать водолаз, у которого перерезало шланги, парашютист с запутавшимися стропами? - В первую очередь, увидеть ситуацию: быть может, выход где-то рядом. То же требуется и от бойца. А вообще, традиционный бой гораздо важнее летчику, хирургу, оператору, чем бравому десантнику.

3. Поединок.

Поединщики обмениваются частушками, "ломаются", затем (до трех раз) сшибаются грудью, а уж после начинают бой. После боя - обнимаются. Пение в бою не прекращается.

Боевые тексты вообще были известны в древних Индии и Китае. Позже, идя в сражение, специальные гимны пели греки и римляне. У этих гимнов была и своя особая музыка - Полигимния. Вот, к примеру, один из текстов школы "Белый лотос" (Китай, II тыс. до Р.Х.): "Чженькун - цзянсян, ушен - лаому" (Абсолютная пустота - наша Родина, вечное или несотворенное - наш бог). В Индии бойцами употреблялась "махамантра" (Махабхарата, II тыс. до Р.Х.): "Харе Кришна, Харе Кришна..." (Заметим, что это редкий для Руси восьмистопный хорей, который зачем-то понадобился Горькому, чтобы накликать революцию своим "буревестником".) Методика мантр (ман - ум, тра - освобождение, санскрит) - есть оккультная методика и, как сказано выше, дает плотскую (бесовскую) энергию. Наша частушка (из которой у всех народов, очевидно, и вышли мантры и прочая мистика) вне веры, вне традиционной подготовки может оказаться таковой же по содержанию.

Применение на Руси различных заговоров и т.п. в ратном деле хотя и имело место, но было совершенно недопустимо для православного человека. Хорошим приемом для занятий является приговаривание, то ласковое, то "запугивающее". Если получится импровизировать в рифму - это будет замечательно. Одним из труднейших вариантов является исполнение скороговорки. Интересные игры получаются с введением условий: бой с завязанным глазом (при этом до поры исчезает объемное зрение и чувство дистанции), бой "вслепую" - в этом случае учатся "прорабатывать" пространство, упреждая возможные атаки (это в кругу). А со временем противники начинают ощущаться. Известен, наконец, бой со связанными руками (тут наоборот: сначала поединок, потом - круг). Для боя "вслепую" подготовкой является игра "в жмурки". "Слепая работа" известна в нескольких вариантах: в темной комнате, когда никто никого не видит, и на свету, когда глаза завязаны только у одного. В обоих случаях мы имеем дело с инициацией - с посвящением в мужчины, в войны. На занятиях мы рекомендуем только второй вариант.

Вообще все игры так или иначе готовят к бою, но не потому, что кто-то в старину обучал детишек военной подготовке, а потому, что едино происхождение и боя, и игр из нашего животного прошлого. Буквально все: "прятки", "пятнашки", "петушинный бой" и т.д. мы можем найти не только у приматов, но и у низших форм. Здесь очевидна взаимосвязь (о которой мы говорили выше) единого комплекса "инстинктов", формирующего особь, с единой системой игровых отношений у человека (традиционная культура). Для того, чтобы на наших современных занятиях возникли эти отношения, для того, чтобы шел процесс самообучения, необходимы некоторые условия. Приготовлено это может быть только возникновением духовной общности в коллективе, а непосредственный пуск игры (кругового боя, например) осуществляется языком пластики (боем атамана) или музыкой, точно так, как и для "пуска" песни нужен запевала. Совершенно недопустимо "руководить" игрой, особенно игрой детей. Игру необходимо показать - дальше она раскрутится сама.

Итак - Игра: везде и во всем, то есть там, где возможно моделирование стресса, где есть переход из одного состояния в другое, требующий физических и духовных затрат. Простейший пример: прыжок "рыбкой" через препятствие - в ожидании удара о землю отключается внешнее внимание, способность слышать и слышать, закрываются глаза... И человеку неоткуда взять силы, чтобы открыть их. (Вспомним известный опыт Дарвина, который упорно прижимался носом к стеклу террариума, ожидая прыжка змеи, и всякий раз отпрыгивал, когда она нападала. Несчастный натуралист сделал вывод о непреодолимости инстинктов.) Когда же мы с помощью частушки завязали игру, то нам уже не до страха - мы общаемся с партнером, который стоит за препятствием, а значит, есть переход от состояния восприятия к игровому (творческому) состоянию. Когда же после прыжка мы вступили в игровой бой, то нам и бой нипочем. А "вырабатывать" мужество в жестких спаррингах - это значит тиражировать страх или жестокость дарвиновскими методами.

Наши предки прыгали через костер или меч, что, помимо прочего имело еще и мистический смысл очищения. Определенный смысл связан с камнем: под камнем спрятан ключ (меч), из-под камня - река, камень на распутье и т.д.

Перебрасывание камня через плечо - для расколдовывания злых чар. Прыжки через камень - испытание война:

Стали молодцы забавляться,
поперек того камня поскакивать...

("Смерть Василия Буслаева").

Хорош любой фон (любые упражнения) для слова, было б слово хорошо. А еще лучше - действо, театр, в широком смысле. Таково праздничное действо в традиции: театр, в котором показывают кулачный бой или кулачный бой, обретший театральные формы? Это наиболее архаичная форма игры, восходящая к палеолиту. Все последующее: мантра, медитация, молитва и, наконец, аутотренинг возникли путем рационализации традиции. Рационализация здесь двоякая: в одних случаях это познание Бога, в других - бесовское искушение оккультного знания. Добавим, что молитва, это тоже народная поэзия - и какая! Но что же лучше? Думается, что фольклорный текст (на тренировке) для верующего не грех, а неверующему ни молитва, ни частушка не помогут.

Собственно, психологическая подготовка на этом заканчивается. Научить тело подчиняться сознанию - это работа душевного уровня. Духовная работа лежит выше, в области стяжания Святого Духа. Естественно, любая припевка может оказаться духовно наполненной, а может и не оказаться. Просто спеть и слышать - этого мало, важно - во имя чего. В народной культуре такого вопроса не стояло, но ныне нам от него не уйти.

7. ДУХОВНАЯ ПОДГОТОВКА

Сразу скажем, что ничего нового нами не изобретено: в области духовного воспитания у человека нет ничего, кроме религиозного опыта. Поэтому по сути вещей мы отсылаем к православной литературе.

Здесь мы коснемся лишь нашей стороны дела. Всякая боевая ситуация сводится к тому, свободен ли в ней человек или нет. Верующий человек ощущает потребность соответствовать идеалам веры и действовать в любой ситуации независимо от обстоятельств. Но свобода это дар Божий, она реализуется постоянным усилием служения. Без этого усилия свобода остается иллюзией. Традиционная культура не требовала от человека особого служения - духовного подвига, так как человек в своей естественной нравственной жизни жил подвижнически. Необходимость осознанного служения возникла в связи с упадком традиции - созданием неестественных условий жизни.

Никакими упражнениями Дух Божий не вырабатывается, а стяжается праведной жизнью. Тем и сильна наша народная культура, наше "языческое" православие, что для простого человека всякое "стяжание" находилось за рамками сознания (и не потому, что мы "православные", что Запад впал в ересь и т.п., а в силу архаичности нашей культуры). Ведь стоит только задуматься, что "мы - войны Христовы", что мы - "стяжаем свет фаворский" и пр., как, сами того не замечая, мы оказываемся в прелести бесовской. Характерно, что во сне, когда душа как бы "отключается" от Бога (а ее степень свободы, как у всякого энтропийного механизма, близка к нулю), мы видим вполне редуцированный мир.

В состоянии страха происходит то же самое, поэтому мы и говорим: "все было как во сне". Страх есть ни что иное, как ощущение потери связи с Богом перед лицом насилия. Страх - это кошмарный сон. Но человек способен сохранять свою свободу как во сне, так и наяву. Нас пугает не насилие само по себе (возможные травмы или даже смерть), а факт ненаказуемости насильника (человека, одержимого бесом), т.е. невыполненный долг. Слово Промысел указывает нам в этом какую-то тотальную опасность. Во всяком насилии (осознаем мы это или нет) мы видим отрицание Бога. Отдаться насилию - значит отрицать Бога вместе с насильником. Противостоять насилию - значит оставаться человеком - образом и подобием.

Страх является естественным свойством плоти и как бы мы высоко не поднялись во всяческом "делании", плоть-то всегда при нас, а значит, и шанс испугаться. Свободы (сво-бо-да) - свойства, Богом данного - человек лишается вместе с Богом.

Итак, никаких "духовных упражнений" не существует. И все-таки они есть. Это все то, что ведет в "узкие врата". Это отказ от лишнего, выбор в необходимом: в пище, в зрелищах, в людях, в деяниях. Все это есть то Упражнение, которое задано нам Творцом в виде жизненного пути.

В чем же суть традиционного понимания боя? - В создании такого отпора злу, который не является насилием. Бой сам по себе отнюдь не противоречит христианской заповеди: "ударил по правой щеке - подставь левую"⁽³¹⁾.

В заповеди говорится не о покорности, а о покое: о внутреннем смирении (с миром) - покой в душе, а руки в действии. Грех-то как раз, когда наоборот. Вспомните лицо Георгия Победоносца - вот тот идеал смирения и долга, который донесла до нас русская иконопись. Копьецо, поражающее змея, всего лишь лучик, а лицо бесстрастно, а потому и бесстрашно. И дело здесь не в символичности иконы (сколько угодно находим мы грозных Михайлов и даже Пантократоров), а в том, что в Георгии слились идеалы русского воина. Это заметно и по фольклору: среди духовных стихов стих о Георгии наиболее близок к богатырской былинке, к образу "доброего молодца".

8. КОНСТРУКЦИЯ БОЯ

Что отличает кулачный бой (и вообще отечественную школу)?
- Это симметрия движений.

К какому бы удару мы ни обратились - всюду находим симметричные ему удары в пространстве и во времени, т.е. в порядке выполнения (так, как если бы мы засняли удар на пленку, а затем крутили бы ее обратно). То же можно сказать и о защите.

(31) Заповедь не надо понимать буквально, но, помимо прочего, здесь и не без юмора: как замечает преподобный Амвросий по поводу заповеди: "В десную (правую) ланиту в самом деле ударить не удобно", а потому следует подставить левую - для удобства супостата.

Все остальные траектории лежат внутри этих эллипсов⁽³²⁾, получившихся от движения максимально расслабленной конечностью при максимально быстром возврате ("потяге"). Здесь не руки-ноги бьют, а ими хлещут противника, организуя напряжение лишь в момент "акцента", т.е. "волна" или, по старой русской терминологии, "подхлест".

Вот как выглядит работа мышцы, в общем случае, в современных школах боевого искусства (как восточных, так и европейских). До начала атаки мышцы отчасти напряжены - ведь боец движется в стойке. С начала удара и до контакта напряжение растет до максимума (концентрация). После контакта необходимо полностью расслабиться (что невозможно сделать мгновенно) и включить мышцы - антагонисты, которым приходится преодолевать сопротивление мышц, начавших удар. При этом в конце контакта происходит полная остановка. При возврате - опять остановка, а затем, чтобы нанести второй удар, вновь приходится бороться с мышцами - антагонистами. Все это от того, что удар симметричен сам себе: траектория возврата совпадает с ударом. Некоторые школы используют круговые и эллиптические траектории (цюань-шу, айки-до), но подхлест получается лишь отчасти, ибо нет расслабления в момент удара, а положение тела фиксировано. (Это вызвано, на наш взгляд, поздними влияниями оккультных энергетических представлений на восточную народную традицию.)

Иначе выглядит удар в отечественной школе. От начала удара напряжение приводящих (или отводящих) мышц плавно нарастает и затем плавно же снижается до нуля к середине второго удара, активно работая инерцией отходящей конечности на атакующую. Мощность возврата почти всегда превосходит мощность самого удара. Таким образом, удар и возврат, благодаря симметричным траекториям, совершаются одной группой мышц, а мышцы -

(32) В общем случае эллипс не плоский, а 3-х мерный -лопастеобразный, и не квадратичный, а, в силу многошарнирности тела, более высокого порядка. Естественно, вышеприведенная схема упрощена - она должна быть объемной, где за каждым эллипсом стоит два "веера" траекторий, закрученных в разные стороны.

антагонисты включаются (с момента контакта) для выполнения второго удара в связке. Потеря энергии практически нет и нет остановки между ударами - в этом залог выигрыша во времени. Думается, что так работали все народы в своей общинной фазе развития.

Очевидны следующие особенности такой работы:

1. Максимальная скорость удара, а следовательно, и мощность, ибо результат не от силы, а от кинетической энергии:

$$E = M \cdot V^2 / 2.$$

2. Отсутствие лишних эмоций, так как нет необходимости в так называемой "концентрации". Выдох делается не на каждом ударе, а произвольно (часто один на всю связку). Наконец, хлещущие удары не требуют напряжения и могут работать без конца. Все это позволяет не выдыхаться (хорошее слово: выдыхая, мы отдаем энергию) и в бою, и на тренировке. И еще, что очень важно, свободное дыхание позволяет петь в бою, что невозможно в современных боевых школах.

Помимо практических результатов (гимнастика для легких, чувство ритма и пр.), получают и многие побочные: "восточное" дыхание исключает игровое ведение тренировки. Смех, шутки на татами не приняты. На лицах застывают либо серьезные, а порой и жестокие выражения - это печально. Игра же возвращает нас в детство, в состояние, эмбрионально отражающее общинное (интуитивное) мышление.

Мы видим, что современные боевые системы по-разному, в зависимости от религиозных установок, искажают технику, заложенную в человеке. Ведь всю эту "технику" мы находим в брачных танцах животных. Восточное рациональное копирование животных есть позднейшее и напосное явление. А вот всяческого рода плясы ("ломания") - и не только у русских, например, у тех же "азиатов" ханты-манси - есть архаика, восходящая к палеолиту. Отчего нынешние бойцы работают в таких неудобных стойках? Надо думать, старые мастера работали, как и кулачники, в разговорной стойке³³, выполнив предварительно, если позволяла ситуация, ритуальную стойку своей школы. Нынешние же специалисты после каждой атаки забираются в раковину своей стойки, что им, разумеется, мешает и в техническом плане (в групповом бою), и в эмоциональном. Но важнейший недостаток - несвободный удар (удар по заданной траектории напряженной конечностью). Все это вызывает необходимость больших сил трения для удара, возврата, маневров (так, каратист достаточно беспомощен на льду или в скользкой обуви).

В кулачном бою силы трения используются, в основном, при возвратах, но могут не использоваться и вообще, т.е. можно ограничиться, по примеру кошек и космонавтов, лишь инерционными силами (собственного веса и веса противников). Как же происходит эта работа? Плечевой (или тазовый) пояс представим как маховик - именно его вес и скорость определяют результат. Как сменить

(33) "Разговорная стойка" - то положение, в каком нас застигла агрессия: сидя, лежа, в положении захвата, в окружении и пр. Термин этот не деревенский, а из армейской разведки. Характеризуется такая стойка полной расслабленностью, чуть согнутыми и незаметно "заряженными" конечностями и т.д., что соответствует в обрядовом бою состоянию "ломания".

один удар другим? - Остановить маховик и начать раскручивать его в другую сторону (что и делается во многих системах)? - здесь и теряется та энергия, о которой мы говорили. Очевидны два выхода: продолжать вращаться вместе с маховиком, но тогда удары должны быть эллиптическими (расслабленными), а не линейными (напряженными), чтобы не тормозить вращения, или перевернуть маховик, как пластинку, на 180° : он будет продолжать вращаться, но уже в другую сторону. При этом конечности будут работать без остановок, наподобие кривошипно-шатунного механизма (так называемая "восьмерка").

Таким образом, мы переходим от двумерной работы к трехмерной.

Здесь можно заметить, что одной из причин деградации бокса (его двумерность и отсутствие подхлеста), является работа по груше. Боксер постоянно не доходит в своих ударах до осевой плоскости и "восьмерка" не может сформироваться.

Это следствие ухода от кругового (ring) боя. Кулачник же, работая перекрестно по двум "лапам" все время пересекает осевую. (К сожалению, в Спиридоновской школе тоже считали, что пересекать осевую нельзя. Это дало плохие результаты.)

Строго говоря, можно вычленил из бесконечных диалектных вариантов бесконечное количество ударов, но исходя из принципа симметрии, а в конечном счете, из принципа минимальных энергетических потерь, а значит, максимальной мощности работы, мы выделяем для каждого звена (плечо-таз, локоть-колени, кисть-стопа) лишь по четыре удара (или блока). Итого, 24 элементарных движения. Все прочие удары либо находятся внутри траекторий элементарных движений, либо представляют их комбинацию.

Ниже элементарные движения сведены в таблицу, которая делится пополам горизонтальной осью симметрии верхних и нижних конечностей. По вертикали каждый из трех столбцов разделен осью пространственной симметрии - удар вперед-назад (в соответствии с симметричной работой приводящих и отводящих мышц) и, кроме того, каждая строка делится на две строчки осью симметрии во времени (т.е. траектория удара-возврата меняется на обратную). Есть еще симметрия самой траектории, т.е. возврата удару.

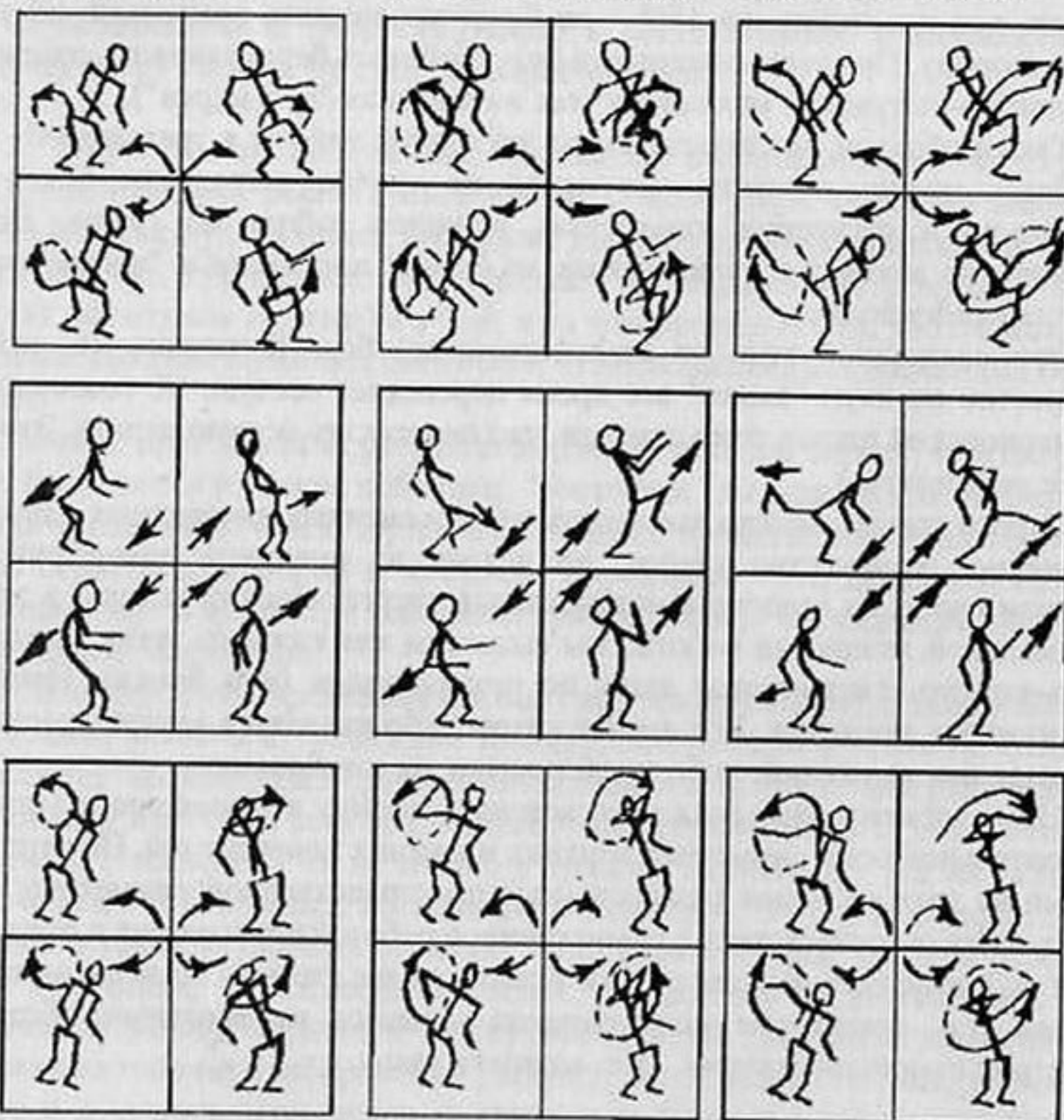
Мы рассмотрим лишь некоторые закономерности этих симметрий.

ТАБЛИЦА СИММЕТРИИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ДВИЖЕНИЙ

1) Таз - плечо

2) Колено - локоть

3) Стопа - кисть

Примечания:

1. Первый столбец представляет собой начальную фазу движений второго, а тот, в свою очередь, - третьего, так что можно было бы ограничиться последним, однако каждый из них имеет самостоятельное практическое и учебное значение. А все три вместе дают представление о развитии удара.

2. Необходимо выделить вторую строку ("прямые" удары) как промежуточную стадию. Разумеется, эти удары в равной степени можно отнести и к первой, и к третьей строкам. На них базируются и "тычки". На самом деле "прямые" удары тоже эллиптические, но плоские (обычно выполняются в осевой плоскости).

3. Помимо симметрии в пространстве (относительно вертикальных осей) и во времени (относительно горизонтальных), по диагонали находим центральную симметрию.

4. Поскольку у предплечья и голени появляется еще одна степень свободы - вращение, каждый квадратик третьего столбца дробится еще на четыре. Для руки: разворот кисти на 0° , 90° , 180° и 270° , т.е. запястье, кулак, ладонь, низ кулака. Такое дробление не влияет на работу в связках и потому для простоты не показано в таблице.

5. Не надо пояснять, что здесь приведена лишь половина таблицы - для правых конечностей. А вся таблица в целом должна быть объемной - с целым пространственным веером ударов за каждым квадратиком.

Ниже мы рассмотрим основные типы связок.

Понятно, что симметричные во времени удары не могут образовать связку для одной конечности, ибо в таком случае неизбежна остановка. Значит, возможны два типа связок для одной конечности и четыре - для двух (по количеству симметрий).

1. Линейно-симметричные удары, т.е. удары из одной строки, образуют восьмерки из двух эллипсов, причем возврат-удар представляет собой единое движение (по винтовой траектории). Так же (волнообразно) движется и все тело. Обычные восьмерки трехмерны и плоскость второго удара поворачивается относительно первого на $45^\circ - 90^\circ$. Возможны четыре типа восьмерок, в зависимости от того, с какого удара начнем.

В учебном варианте мы находимся между двумя противниками, и оси эллипсов составляют одну прямую. Вообще же восьмерка может быть "согнута" под любым углом и в любой плоскости за счет вращения тела в процессе удара.

2. Центральнo-симметричные удары (квадратики по диагонали) для одной конечности дают замкнутую эллиптическую траекторию в вертикальной или немного наклоненной плоскости, которая может закручиваться, как лопасть, на угол от 0° до 90° . Почти не требуют сил трения, обладают мощью и скрытностью в ближнем бою.

Эти связки мы называем круговыми. Их тоже четыре. Они, как и восьмерки, могут быть "согнуты" за счет вращения. Круговые связки могут рассматриваться как "раскрученные" восьмерки, где удары повернуты друг к другу на 180° .

3. Удары, симметричные во времени дают, связки при выполнении их разными конечностями: рука-рука, рука-нога, нога-нога и нога-рука. Они эффективны в связках защита-удар, а также при раскрутках.

4. Линейно-симметричные удары для двух конечностей дают те же "восьмерки", что и в первом случае, а при развороте на 180° (при "раскрутке") - совпадают, т.е. второй удар идет вслед за первым по его траектории. Могут наноситься по двум точкам одновременно.

5. Центральнo-симметричные удары для двух конечностей также образуют "восьмерки" или совпадают при раскрутках, также наносятся одновременно или с минимальным интервалом.

6. Последний случай симметрии - симметрия удара самому себе, включая симметрию руки-ноги. Здесь мы имеем связки из двух одинаковых ударов или из одного и того же (при "инерционных" раскрутках).

Все вышесказанное о связках относится и к защите. Современные

восточные "ката" фиксируют лишь десяток-другой связок, не замечая, что не выходя даже за рамки их школ, возможно осуществить сотни других связок. Современные боевые системы не используют круговые связки (тип 2), редко - 5, и принципиально не могут реализовать шестой тип связок.

Нет никакой необходимости изучать все это теоретически - оно получится само собой. И те приемы, которые показал преподаватель, и те, что не показал, проявятся сами в круговом бою. Задача преподавателя - помочь раскрыть заложенную в человеке пластику.

Нетрудно видеть, что все боевые движения, являясь движениями наименьших энергетических затрат, так или иначе проявляются в натуральном хозяйстве. Косьба: левая рука - отмахка вперед, правая - начало подхлеста. Молотба - удар "рубмя" и т.д. Но главное, это микропластика движений - здесь под традицию поддаться невозможно. Интересно наблюдать, как работает потомственный крестьянин. Все движения плотника или кузнеца идут с "подхлестом". Пение при этом (или даже просто шутки и разговор) мобилизуют силы так, что изба, например, может рубиться по десять часов к ряду без особой усталости. А работая "вмолчанку" и напрягаясь на каждом ударе, мы скисли бы через 20 минут. То же можно сказать и о спорте. Многие современные виды спорта, базирующиеся на 2-3 элементарных движениях, так нелепо, в ущерб собственным успехам, деформируют свои траектории. Там, где возникает гравитация, приходит двумерность (гимнастика, штанга). Трехмерность порождается борьбой (игрой) со средой или с соперником (многие наши удары можно найти в плавании и т.п.). Наиболее полно движения раскрываются в народных играх.

Несколько слов о перемещении и тактике. В кулачной технике при шаге вперед нога ставится всей стопой, носком вовнутрь (а при шаге назад - носком наружу), с притопом. Что раскручивает таз, корпус и завершается подхлестом руки. Подхлест рук идет от таза, а ног - от груди. Все перемещения складываются из "маятников" ("скок", "гойдок", "покач" и т.д.) и "раскруток". В современных школах бойцы подобны локомотивам на рельсах - центр тяжести движется горизонтально. Кулачник "ныряет", как дельфин. Когда на маятнике тело ускорено вверх, возрастает сила трения, и можно, вставая, сделать более мощное перемещение, а уже взлетев, за счет сил инерции (за счет возврата конечностей) легко разворачиваться в атаке. На льду можно скользить не отрывая ног. На упругой поверхности притоп усиливает удары рук и ног.

Искусство боя, в первую очередь, есть умение владеть дистанциями: менять направление, маскируя действия, выходить на нужную линию атаки, использовать маневр противника и т.д.

Надо почувствовать, что бой это не серия ударов, а совокупность ударов и возвратов, вписанных в перемещения. Таким образом, сам стиль перемещений уже задает технику. Огромное значение в начале боя имеет непрерывность пластики в связке (человек рефлекторно реагирует не на сами удары, а на смену ритмов). Для этого следует представлять контакт с противником не как конечную цель, а как промежуток между ударом и возвратом. В определенном смысле - обмен информацией. Основным принципом движения (на этапе обучения) является выход на возврате в каждой из атак на следующего противника. Таким образом, не нужно думать о ударе или защите (о том, с кем

мы работаем в данный момент), а нужно постоянно сдвигать внимание вперед во времени, "ища" следующего противника. Сама работа должна быть подсознательной, а сознание необходимо переключить на маневр (в жизни все получается наоборот - отсюда хаотичность движений).

Мы должны фиксировать внимание (но не взгляд) на следующем противнике и ставить ногу на его осевую еще в процессе предыдущего удара. Стремиться выходить на следующего спиной, чтобы не выдать своих намерений взглядом и пластикой.

Бой - это шахматный блиц, где нельзя думать о текущем ходе, но и нельзя продумать на пять ходов вперед. Сложность состоит в том, что в бою все "фигуры" движутся одновременно и все могут оказаться "ферзями".

Наша программа должна заключаться только в выборе направления маневра и направления вращения. Ритмическая организация боя строится на исполнении песни. Вне исполнения наступает хаос ритмов: и уже не мы, а нам диктуют движения.

Освоив технику движения, мы полностью перейдем на интуитивную работу. Говоря словами Суворова: "Я пришел не считать противника, а бить".

Или как говорилось в старом заговоре ратного человека "... и будет топор не в топор, бердыш не в бердыш, пика не в пику, рать не в рать... кручусь, верчусь от топоров, бердышей, пик, бойцов, борцов, татарской силы, казанской рати, черных Божьих людей. Отмахнусь по сей век, по сей час и по сей день" (И. Сахаров. Сказания Русского народа. 1841, М., 1990).

Представляется полезным рассматривать (в первую очередь в методике тренировок) защиту в сочетании трех фаз:

1. Вы увидели удар в стадии подготовки (ее может и не быть) - можно уйти или упредить, можно дождаться удара и использовать его энергию.

2. Удар обнаружен вами в процессе его выполнения - можно успеть защититься или уйти.

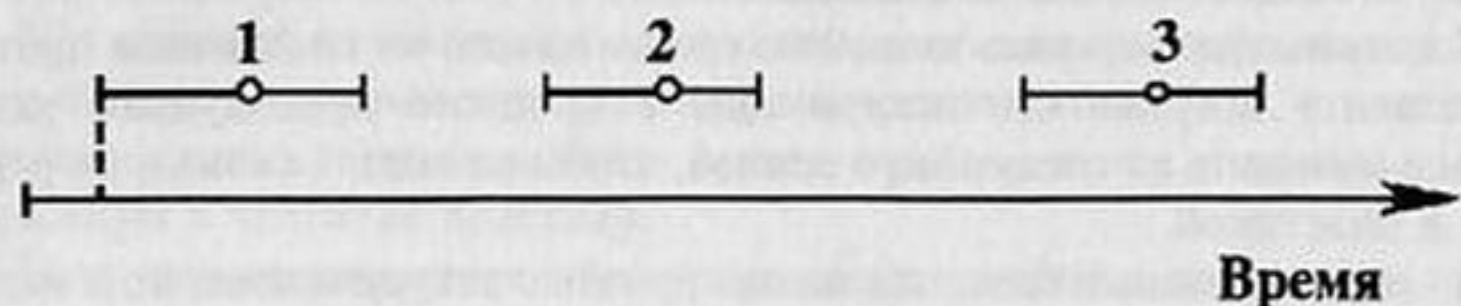
3. Вы вообще не увидели удара - ваш успех будет зависеть от должной расслабленности, от правильности маневра, от умения принять удар и умения уходить из-под возможного удара. На определенном уровне подготовки третья фаза переходит в первую - вы упреждаете и те удары, что видите, и те, что не видите.

Техника работы "от защиты", широко известная в кулачном бою, уместна только на первой стадии. Те системы боя, которые ограничиваются лишь этой техникой, ничего не могут предложить "в круту".

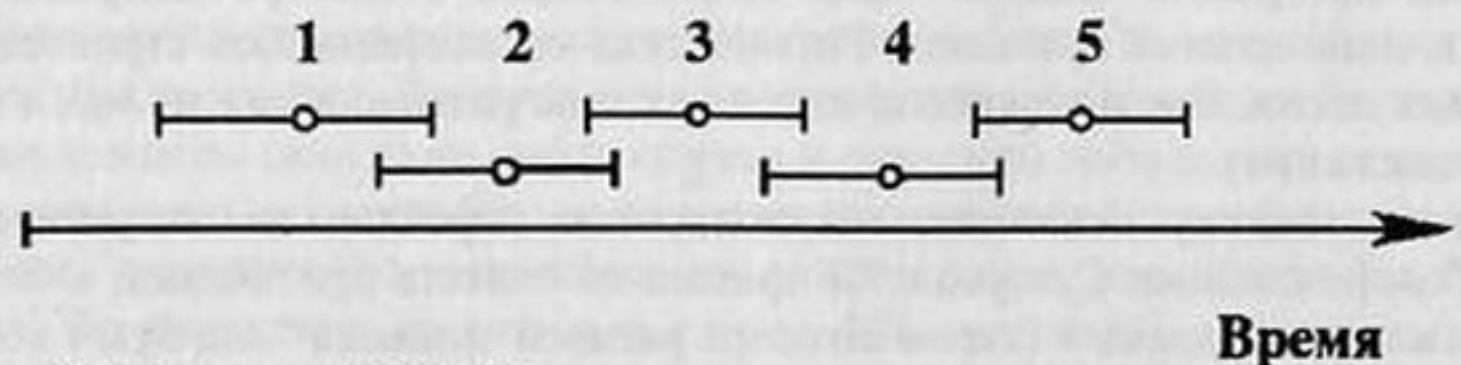
Ваши маневры должны быть таковы, чтобы никто из противников не мог предугадать, кто будет объектом следующей атаки. Вам удастся опередить любое количество противников, если каждого из них вы сумеете опередить хоть на мгновение (и в первую очередь, на возвратах).

Вот как, в общем случае, выглядят три типа боя по плотности атак:

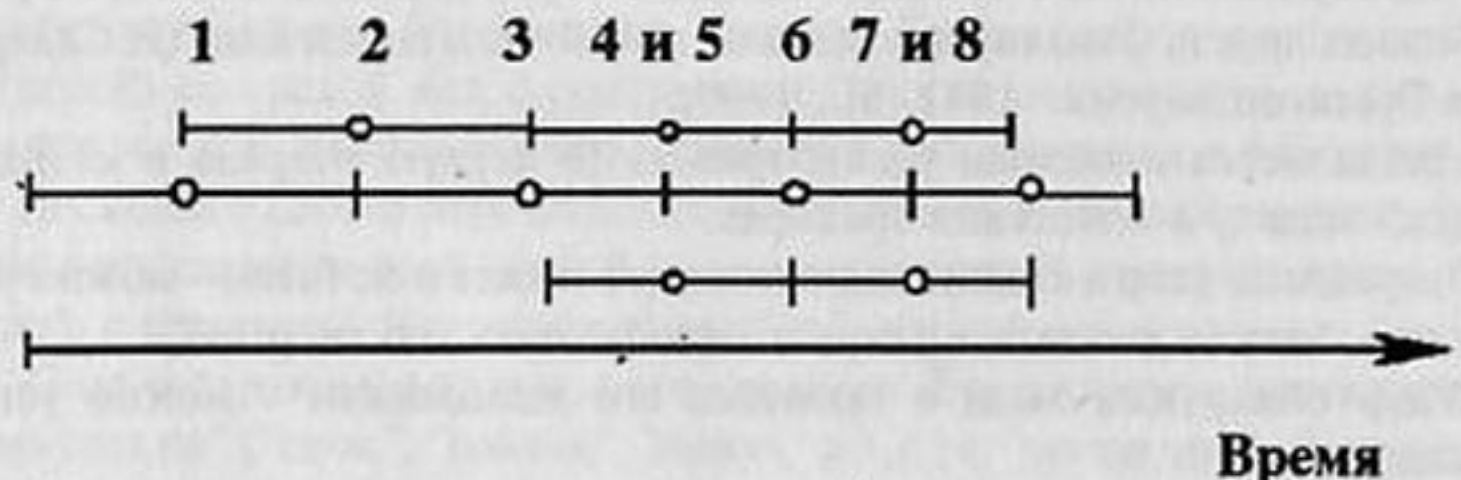
1) Непрофессиональный бой:

2) Современные школы боя:

3) Кулачный бой:

В последнем варианте конечности работают синхронно, т.е. в тот момент, когда происходит первый контакт, начинается второй удар и т.д. Отрезок 5 совпадает с 4 - это связки типа 3,4 и 5. (время контакта обозначено кружком, удара-возврата - отрезком.)

Очень важен вопрос о взгляде. Большинство восточных школ настаивает на том, что необходимо смотреть на конечности или на определенную точку на теле противника, очень редко в глаза и никогда выше. Надо заметить, что уровень взгляда определяет и уровень нравственных отношений в бою. Взгляд ниже глаз (особенно ниже пояса) задает животный уровень, глаза в глаза - человеческий (взаимночитаемый) и взгляд поверх голов - ...

Добиться такого взгляда, не используя пение, очень трудно. Одно можно сказать, что если в групповом бою вы не можете поднять взгляд - оторвать его от рук и ног противника, то "финал" будет плачевен.

Наконец, взгляд поверх голов расширяет кругозор, так как включается, помимо бокового, и нижнее зрение.

Ниже мы ограничимся некоторыми из двухударных связок. Трех- четырех- и более ударные получаются простым нанизыванием цепи, различные звенья которой можно комбинировать по указанным принципам.

Разумеется, традиция не знала подобного анализа техники. Все давалось всем и целиком. Но и мы прибегли к анализу лишь для этнографической классификации. Синтез - за вами.

9. ПСИХОЛОГИЯ БОЯ

В соответствии с тремя стадиями защиты выделим и три стадии боя:

1. Разговорная стадия - выяснение мотиваций агрессии и необходимости и формы ее отражения. Хотя никаких действий здесь еще нет, но именно на этой стадии на 90, если не на 100% решается исход боя (разговорная стойка).

2. Активная стадия - возможна лишь при наличии собственной инициативы: первая связка (0,2-1 сек.) длится до начала реакций противника. (Возможная заданность дистанций.)

3. Бой, как таковой - обмен ударами, преследование и бегство, маятники и раскрутки, случайные падения и т.п. (любая работа в стиле и без, возможность владеть дистанциями).

У профессионала третья стадия не отличается от второй. У мастера все решается на первой.

Восточные школы издавна разрабатывали психологические модели для 2-3 стадий (см. гл. "Психологическая подготовка"), полностью полагая решение вопросов первой на религиозные установки бойца. Что касается современной советской психологии, то ее более интересовала первая стадия - стадия конфликта (за нежеланием видеть вторую и третью). Техника же и там и сям рассматривается лишь в 3-й стадии, что исключает из работы три четверти ударов и связок.

Наиболее серьезной представляется концепция В.Леви ("Искусство быть другим"). Модель проста: "агрессор" вводит противника в роль "жертвы" и, если тот позволяет это, безнаказанно унижает его, отчего и получает удовольствие. В противном случае "агрессор" борется со своим страхом и, если побеждает, получает, подобно отъявленному картежнику, еще большее удовольствие. Вывод прост: поменяться ролями с "агрессором", перехватить инициативу. Но ведь вопрос же не в том, чтобы перехватить разговорную инициативу, а в том, чтобы оказаться нравственно правым. Более того, первой стадии, как впрочем и второй, может и не быть. И наконец, возможно, просто придется вмешиваться в чужую ситуацию и почвы для обмена ролями не будет.

А главное, оставаясь на принципах ненасилия, мы не можем разделить атеистическую позицию В.Леви. Его метод (при всем уважении к автору) можно назвать вполне советским: клин вышибается клином, страх - страхом и т.д. В принципе, он недалеко ушел от наших безымянных военных психологов, предлагающих бороться со страхом политическими методами - "воспитывая ненависть к классовому врагу" (Наставление по рукопашному бою, 1986).

Дело в том, что, помимо ролей агрессора и жертвы, есть еще роль свидетеля. В этой роли мы пребываем почти всю свою жизнь, являясь свидетелями насилия и в личном, и в государственном масштабе, более того, свидетелями внутреннего насилия, ибо чуть ли не ежедневно переступаем через свои нравствен-

ные принципы молчаливым согласием с внешним насилием. Мы так привыкли к этой роли, что вовсе не замечаем ее.

Не так страшна роль жертвы - ей нечего терять. В конце концов она может броситься в бой, закрыв глаза, как Грушницкий у Лермонтова. Страшно свидетелю. Боязнь из "свидетелей" перейти в "подсудимые" или же в "палачи" (что хуже?) губит многие благие намерения. Это не слабость, а жесткий физиологический механизм, имеющий массовое проявление во время войн, в лагерях или, например, на собраниях и т.п. - везде, где из личности делают "общественное животное". Суть его в том, что, пока отношения строятся на нетрадиционной этике, индивиду просто неоткуда черпать силы для выхода на духовный уровень отношений. И даже личная вера делает человека жертвой, поскольку Вера исключена из общественных отношений, и откуда же взяться личной сво-бо-де, если свойство это дается Богом на весь этнос. Человек волея-неволей принимает определенные стереотипы поведения, ибо иных уже нет. Ему просто не выбраться из своего унижения (и обмен ролями не поможет), ибо "агрессор" идет по проторенной дорожке идеологического насилия. Стереотипы наработаны и задействовать их не составляет труда. "Единица - вздор, единица - ноль..." - нет ничего проще, чем напугать советского обывателя.

Но самая страшная роль, естественно, у "палача": "не судите, да не судимы будете"! Выход из роли "жертвы" в роль "агрессора" может спасти шкуру, но губит душу. Единственно верная роль - роль отстраненного наблюдателя, отдавшего решение "суда" в руки совести, а не эмоций или умозрительных вычислений. Это - "неделанье", которое не стоит отождествлять с бездействием. - Чем отличается наблюдатель от свидетеля? - Верой.

Все прочие роли замкнуты в кольцо инстинктивных механизмов: биологическая агрессивность, достигнув апогея, переходит в страх. Страх, исчерпав энергетические ресурсы человека, переходит в агрессивность. Получается круг: свидетель - жертва - агрессор - свидетель (так как палач всегда свидетель своего произвола) - жертва - ...

Выход из круга только вверх - в Веру, через Игру, т.е. выход на более высокий нравственный уровень.

В противном случае, после второго круга, нас ждет тупик паники и отчаяния!

Как уже говорилось, внутреннее спокойствие вовсе не говорит о внешнем: в некоторых случаях требуется "валить ваньку". То, что выход из стресса направлен в духовную сферу, а не в эмоциональную, определяет различные психологические типы боя. Вообще наша этика и в дохристианскую эпоху, и, тем паче, в православную отвергает животный путь. Во многих же современных, как восточных, так и западных школах (достаточно взглянуть на гримасы Брюса Ли) выход в животный уровень считается идеалом. Но путь этот не только безнравственен, но и непрактичен: на нем действует закон отражения - чем сильнее ненависть к "жертве", тем скорее переходит она в страх перед ней. Условно оба варианта ухода от страха можно показать так:

Психологическая схема

- Стоит ли психологично боя сводить к маневрам на шотском уровне? Не лучше ли загодя позаботиться о своей душе? Итак, психология боя - это вопрос веры. Не более того, но и не менее... В нашей традиционной культуре (пока стояла вера) вопрос этот не ставился вовсе.

Заканчивая разговор, мы должны сказать и о "паранормальных" явлениях в боевом искусстве. Явления эти, внять же, есть результат веры, а не физических упражнений. Сколько бы вы ни упражнялись, например, в айки-до, вам не повторить те "чудеса", которые показывал основоположник школы М.Уесиба. Если мы посмотрим жития наших святых, то подобным чудесам шесть числа, и помощные старцы совершают молитвой то, что не по плечу атлету. Чудесные деяния праведника можно приписать Божественному Промыслу, а колдовство - делам тьмы. И то, и другое всегда находилось в столкновении, и в боевых делах - тем паче. Научнозафиксированный материал на эту тему можно найти и в этнографической литературе - с начала прошлого века и по сей день.

Безусловно, бесовское искушение в области боя - очень опасное искушение. Опасайтесь приписывать собственным силам результаты своих упражнений! Еще более опасайтесь применять всяческие энергетические "действия". Помните, что если что-то у вас получается и вы способны применить это не во благо, то это "что-то" - явно не от Бога.

10. КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Перед нами - в виде "громового знака" - диаграмма русского кулачного боя. Термин "кулачный бой" имеет два значения:

1. Обрядовый (игровой) бой - дозволенные этикой (в каждый период этноса в своих рамках) удары и защита от них.
2. Все боевое искусство в целом.

Во избежание путаницы следовало бы пользоваться во втором случае более точным термином: "рукопашный бой". Но последний настолько прочно дискредитирован в наше время (под ним подразумеваются всевозможные "восточные" смеси), что нам пришлось отказаться от него.

Далее мы опустим две части: борьбу, так как имеется обширная литература с описанием древних стилей борьбы, а также существует борьба самбо, в лучших своих представителях, сохранившая и стиль, и дух русских традиций (есть и хорошие учебники). Опустим также и работу оружием - старинным ли, современным - за этой экзотикой не стоит ничего хорошего. Тот, кто освоил пластику движений, без труда овладеет оружием сам. Впрочем, тот, кто освоил, - мы надеемся - в нем не нуждается. Предложенное ниже, скорее всего, - хореографические миниатюры, а наша задача - научиться двигаться в пространстве традиционной культуры.

РАЗМИНКА

Все в кругу. И тренер со всеми (когда надо, он выходит в центр и показывает). В кругу шляшем, бегаем, работаем в парах и тройках. Растяжка спины (потягивание вверх и в стороны, "зевание"), пляска "вприсядку", прыжки через препятствие, акробатика, растяжка рук и т.д. Технику "пляса" мы не показываем, ибо его вряд ли удастся изучить заочно. И вообще, все, что касается пляса, "ломания", народных игр и т.п., мы рекомендовали бы найти там, где вы живете, и изучать не по учебникам.

1. ПРЫЖКИ НА МЕСТЕ

"Разговорная стойка" ("сгрудка"): ступни косолапые, колени чуть согнуты, ноги на ширине плеч, полное расслабление, голова "гордая", грудь - колесом. Таз всегда впереди - под центром веса, который в момент удара уходит из груди вперед.

Трение нам не нужно: мы приподнимаемся над землей и поворачиваем нижнюю половину тела за счет инерционности верхней. Полная аморфность всего, что не участвует в прыжке. Стопы при прыжках идут по кругу, пяточка почти не отрывается от пола. Второй прыжок (в обратном направлении), естественно, вдвое больше первого.

Движение идет от таза. Ноги поворачиваются на 10-30°, таз на 30-40°. Плечи отстают, так как расслаблено тело, но с середины прыжка начинают раскручиваться и перегоняют таз, поворачиваясь на 60-90°. (Такая пружинная работа тела, напоминающая торсионную подвеску, наблюдается во всех ударах.)

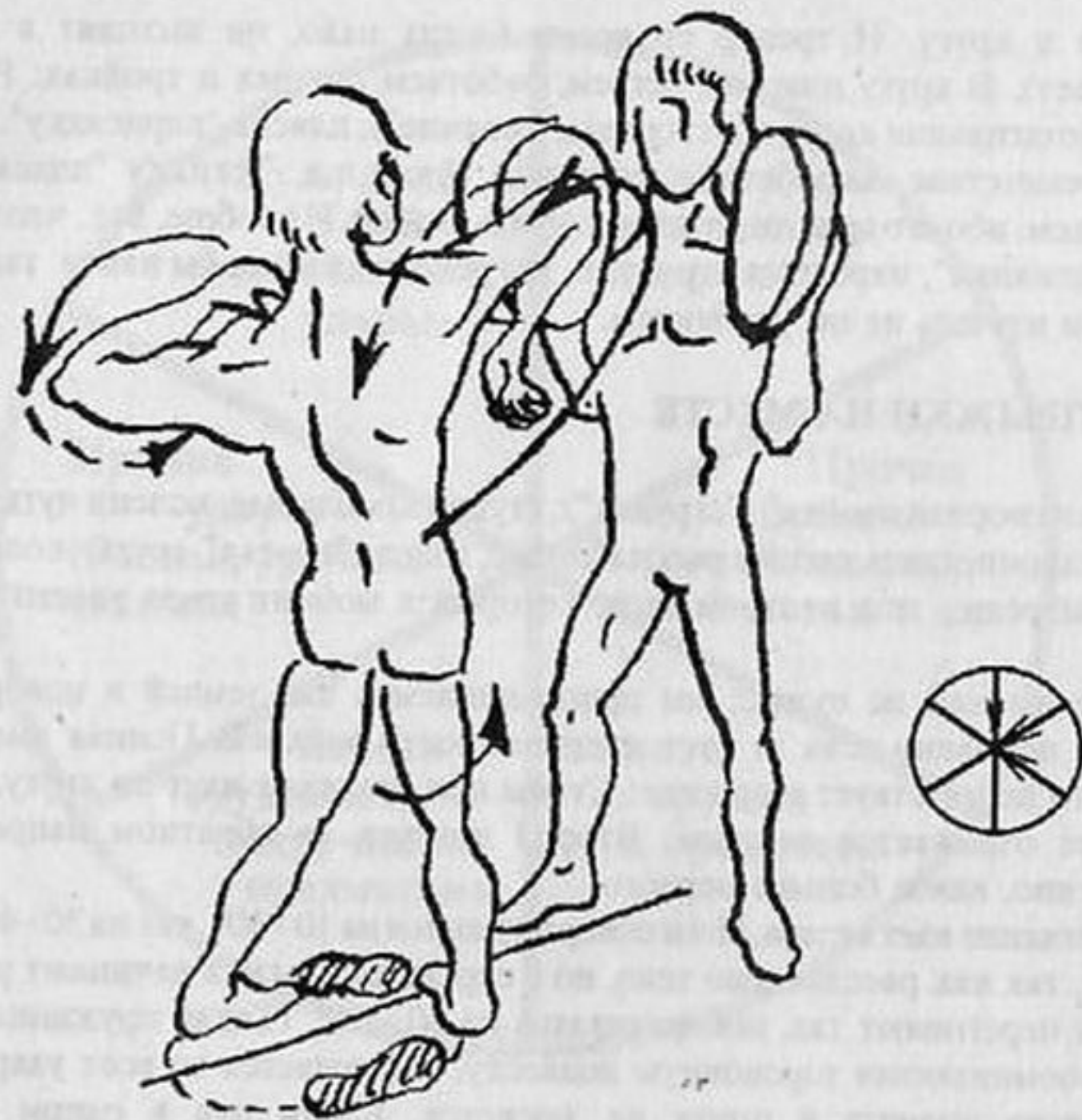
Голова поднята и почти не движется. Кисти рук в одном варианте придерживаются возле подмышек, имитируя удары локтем, в другом - расслабляются полностью (удары кулаком). Локти (или кисти рук) сами поднимаются по эллиптической траектории до уровня плеч и возвращаются, прижимаясь к груди, к солнечному сплетению. Не надо выстраивать траекторию, разбивать ее на элементы. Здесь и далее движение должно быть безостановочным и все получится само в ходе расслабления тела и психики.

Вертикальное колебание тела, как и во всех последующих ударах и связках, должно быть максимально для естественного выполнения.

Таз, как и плечи, движется на манер падающего колеса - это "восьмерка". Так как руки как бы пульсируют то прижимаясь к телу, то уходя на максимальную орбиту, угловая скорость все время меняется: наименьшая в момент отрыва и в момент удара наибольшая.

Изучение каждого последующего приема мы будем начинать не из статики, а с "ломания" - с притопа, с прихлопа. Если вы с ними не знакомы, начинайте работу с прыжков на месте. В любом случае - пение. Это должно войти в привычку.

2. БОКОВОЙ УДАР ЛОКТЕМ ("подхлест", "локоток")

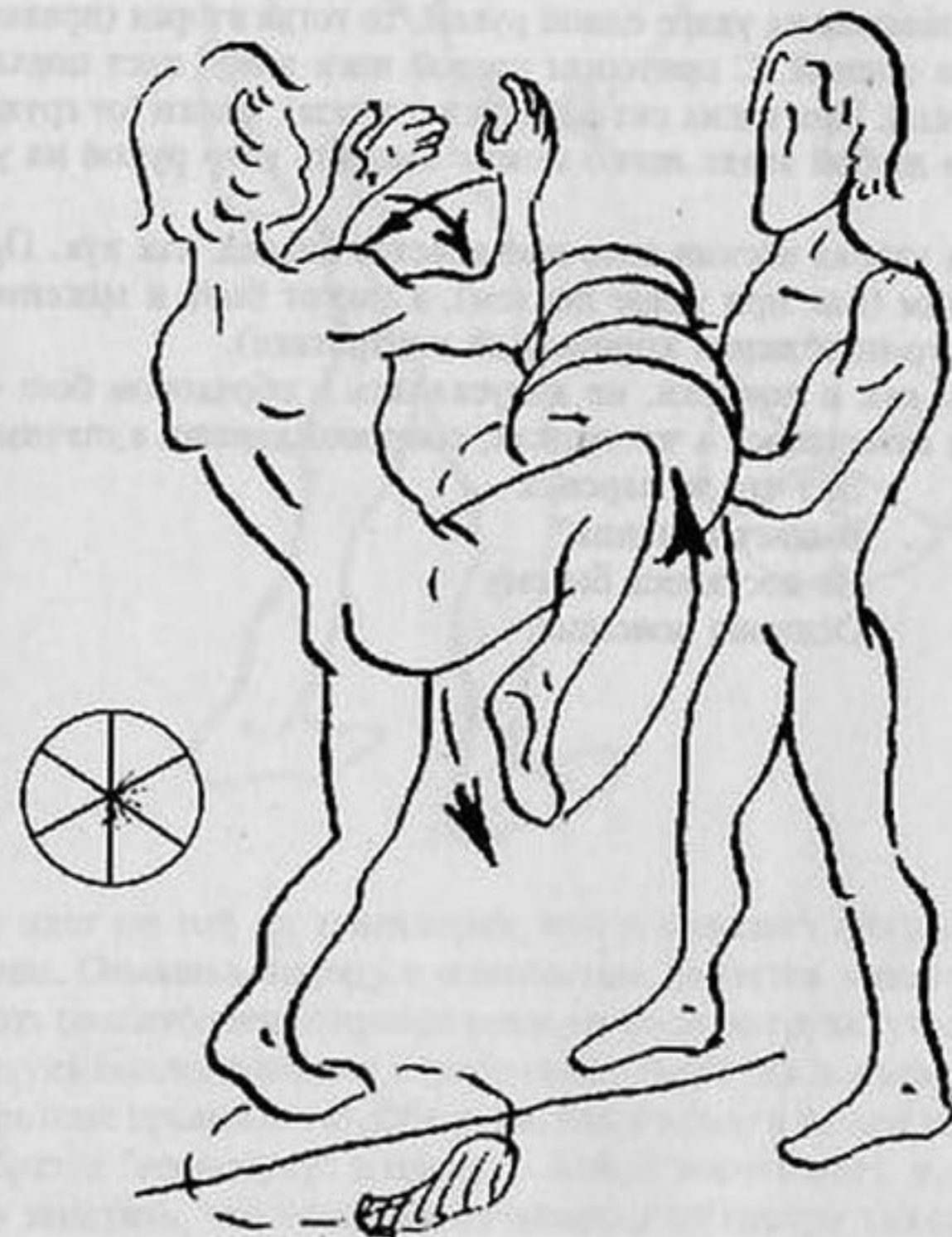
Все делается, как в предыдущем варианте, но с ускорением. Прыжок более короткий, но такой, чтобы достать до лапы, имея таз впереди груди, удар всей стопой в пол. Выхлест обоих локтей. Локти успевают подняться выше плеч (насколько позволяет растяжка) и, пройдя "апогей", атакуют несколько сверху вниз и в сторону (в частном случае, и снизу - см. громовой знак). Идеальная работа, когда в момент удара оба локтя и центр тяжести между ними находятся на одной прямой. Без всякой остановки - мгновенный возврат локтя к центру тяжести, являющийся ударом для другой руки. Второй удар должен быть мощнее вдвое - вдвое большая траектория у ног, таза, плеч за то же время. Голова - не крутится. Лапы держать на ширине плеч.

Здесь и далее мы будем предлагать не сами удары, а связки. Эта связка (тип б) ударов симметричных самим себе.

Делайте по 2-3-4 удара быстро и без напряжения. Учебная скорость 2 удара в сек., боевая - 5-6 в сек. После каждой серии возвращайтесь в разговорную стойку. Расслабление. Начиная связки, учитесь незаметно готовить удар: почесать правой рукой поясницу или левой - правый бок, какая рука заряжается - неважно. Соответствующая зарядка таза. Взгляд мимо. Поделав раз-другой из статки (с прыжком на самом ударе, разумеется), снова переходите к работе с прыжков.

Отстраненность. Улыбка. Взгляд в глаза партнеру или поверх головы. Никогда не смотрите на лапы! Их надо чувствовать³⁴. Делайте 10-20 серий - сколько хочется. Мысленно (не наклоняя головы) следить за ногами: пяточка наружу, бедро закручивается. Плечи и руки описывают пространственную восьмерку. Руки и ноги сами находят для себя пути наименьшего сопротивления. По звуку (здесь и далее) удар по лапе и стопой в пол должны совпадать. Забудьте о дыхании - пойте.

3. БОКОВОЙ УДАР КОЛЕНОМ ("подхлест", "коленце")

В "коленце" есть полная аналогия с локтем: колено выбрасывается тазом, ноги как бы растут от груди, т.е. все тело и нога в ударе превращаются в единую плеть. "Коленце" работает "под микитки", "под вздох", под лопаточку, подмышку, голову, бедро, голень. Кроме того, "коленце" это защита от ударов руками и ногами.

(34) В старину удар отрабатывался по мешку, набитому тряпками ("шалыга"), ей же играли в "футбол" и побивали друг друга, отрабатывая уходы. У нас же принята работа по "лапам", ибо таскать с собой мешки (а их требуется пара) неудобно.

Руки (или одна левая рука) идут сверху и вовнутрь (как у медведя), стремясь к правому бедру, на захват за плечи или за локти противника, хватая и увлекая на удар и, вместе с тем, защищаясь. Удар расслабленный, хлесткий с возвратом к солнечному сплетению (если удар был снизу) - к центру веса, который в динамике сильно отличается от центра тяжести. Нога опускается на землю, отскочив от груди, в том направлении, в каком мы совершаем следующую атаку (т.е. куда мы делаем маятник). Направление это может быть самым разнообразным по отношению к направлению удара.

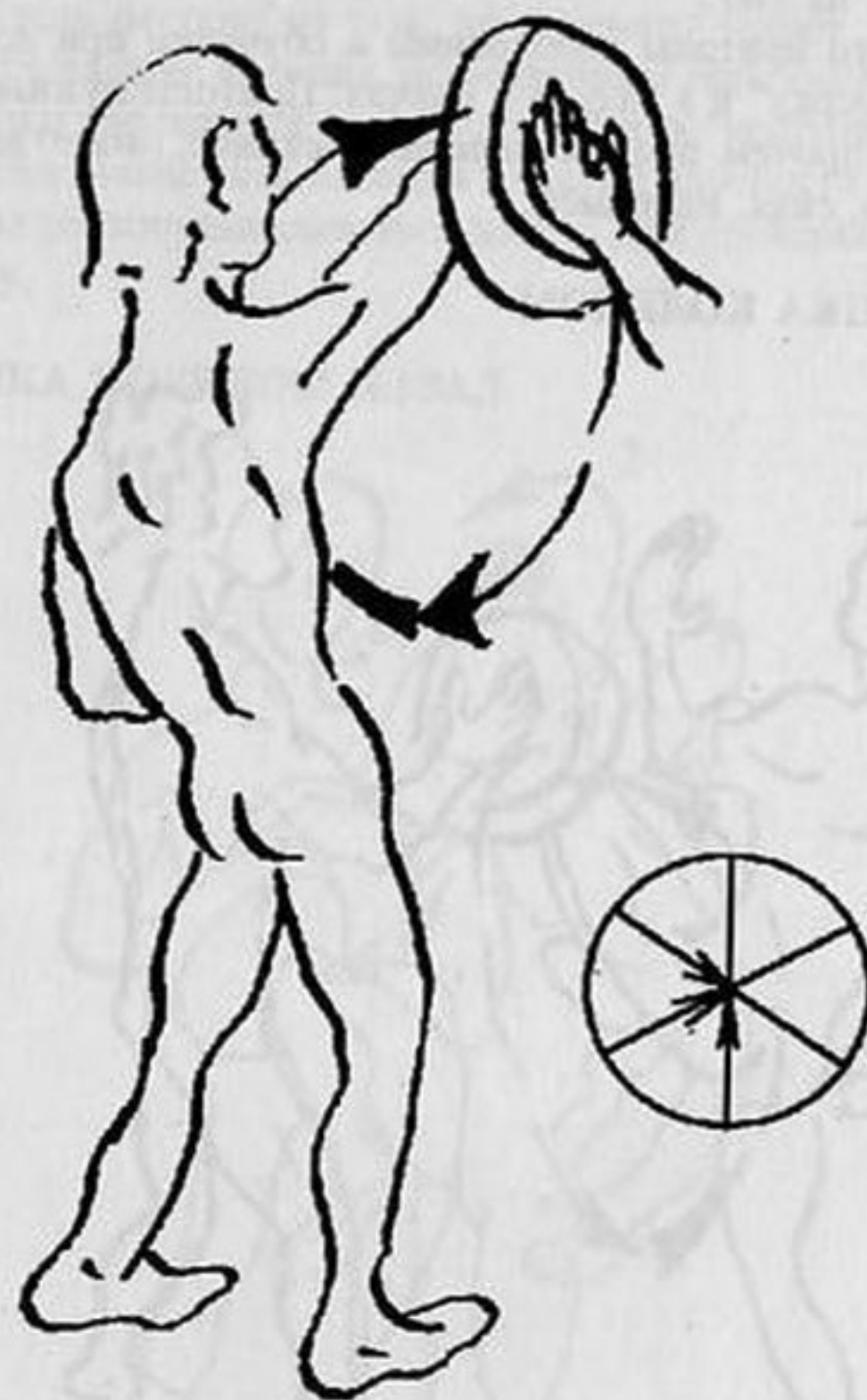
Начать отрабатывать можно в движении, с ударом на каждый шаг в осевой плоскости и в наклонной, затем на маятнике вправо-влево. В обоих случаях наклонные "подхлесты" могут быть сделаны как снизу вверх, так и наоборот. Если мы защищаемся на ударе одной рукой, то тогда вторая (правая) на правой ягодице или за спиной. С притопом правой ноги в пол идет подхлест правым локтем или рукой. При таких связках руки (от таза), а ноги (от груди) работают, как плети, и в любой атаке легко можно сменить удар рукой на удар ногой и наоборот.

При всех ударах ногами тело прогибается вперед, как лук. Прогиб может быть небольшим (как при ударе локтем), а может быть и максимальным - до горизонтального положения корпуса (на контратаке).

Коленца, как и локотки, не допускались в обрядовом бою - это боевое оружие, что и отмечалось в частушках, сопровождавших кулачные бои:

Это что за паренек
Выдает коленца?
Не досталось бы ему
Осиново поленце!

4. ОТМАШКА ЛОКТЕМ ВПЕРЕД

Удар идет по той же траектории, что и подхлест локтем, но в обратном направлении. Отмашка, наряду с подхлестом, является защитой.

Локоть расслабленной правой руки, скользя по груди, уходит максимально влево и оттуда выхлестывается вправо снизу вверх (на подъеме) или через верх вниз (на притопе правой ноги). Обе руки, как и всюду в нашей технике, работают вместе, образуя "восьмерку" в плечах - левый локоть идет, как при боковом.

Надо заметить, что отмашка начинается от центра тяжести, т.е. там, где заканчивается на возврате боковой. Отработать это можно в двух вариантах:

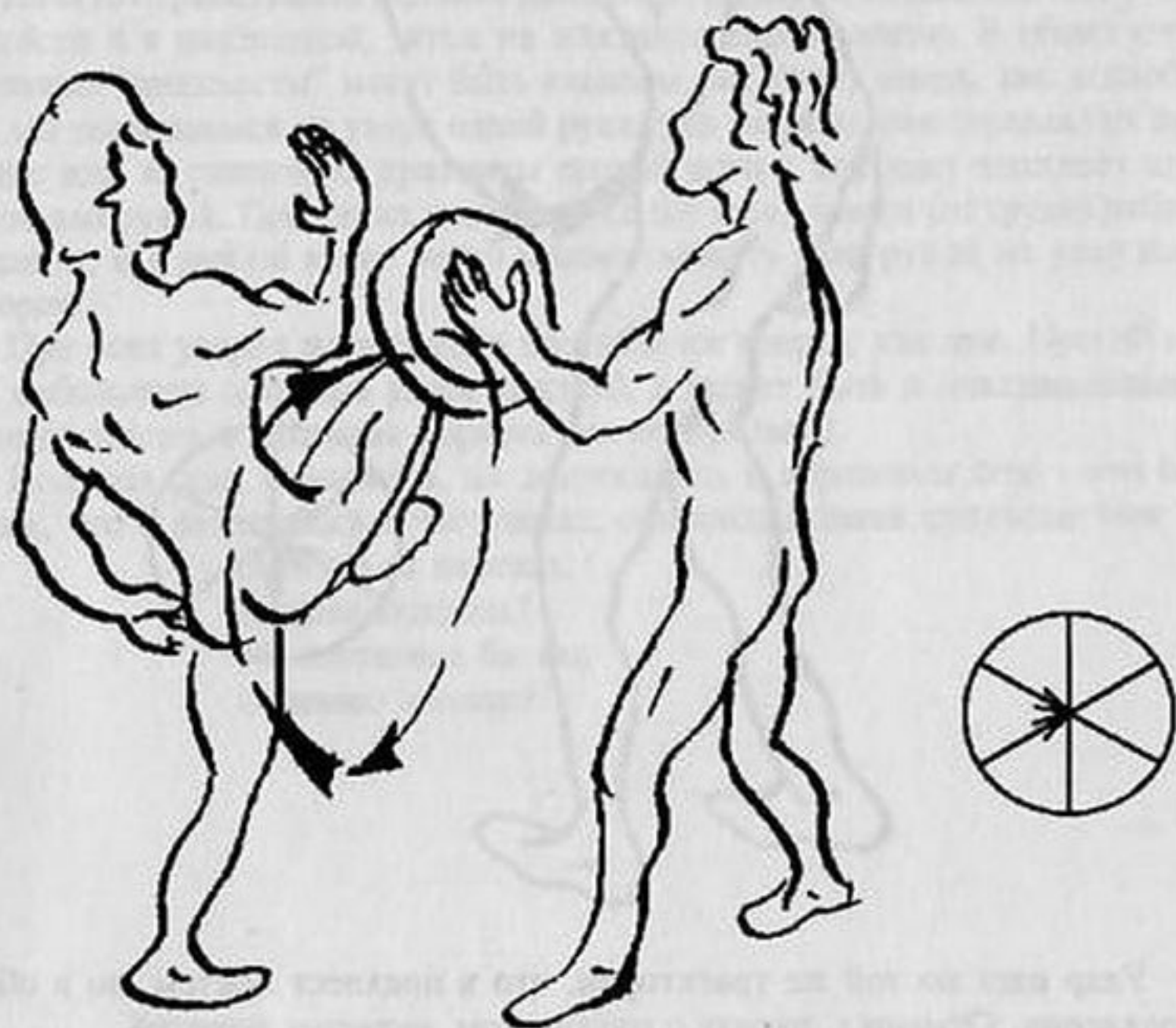
1. По одной лапе - отмашка правой, боковой левой (интервал минимален - одно движение). По другой лапе - наоборот. При этом не забыть топнуть в пол: правой (если делаем отмашку через верх) и левой - на подхлесте левым локтем и тут же к другой лапе - в обратном порядке. Можно сделать оба удара в прыжке, тогда обе ноги топают вместе. Наконец, можно топать только левой ногой, когда отмашка правой делается снизу.

2. Боковой правой и ей же отмашка - это один из вариантов восьмерки. При этом правая нога топает дважды - на осевую (где обычно находится стопа противника) - при боковом и при отмашке, продолжая маятник. Ни напряжения,

ни остановки в руках при этом нет, а плечи, переходя из одного удара в другой, разворачиваются на 180°.

Заметим, что притопы необходимы в обучении при всех ударах, чтобы поставить "восьмерку" и в тазу, и в плечах. Притопы нужны еще и в гололед, чтобы устоять. Впрочем, при поставленной технике, можно делать подхлесты и не сходя с места, сидя, например.

5. ОТМАШКА КОЛЕНОМ

"Коленца", "локотки" - все это мы можем найти в "камаринском". Отмашка коленом аналогична соответствующей отмашке локтем. Так же, как и вообще все удары, она является защитой.

Колено заносится влево и, поднимаясь по дуге, выхлестывается всем корпусом вправо. Удар идет от центра веса. Голень при этом выходит на удар горизонтально. На возврате колено стремится уйти, описав круг под правую руку, которая может отмахиваться в режиме защиты (как на картинке) или оставаться у левого бедра для последующей отмашки. Отрабатывать можно так:

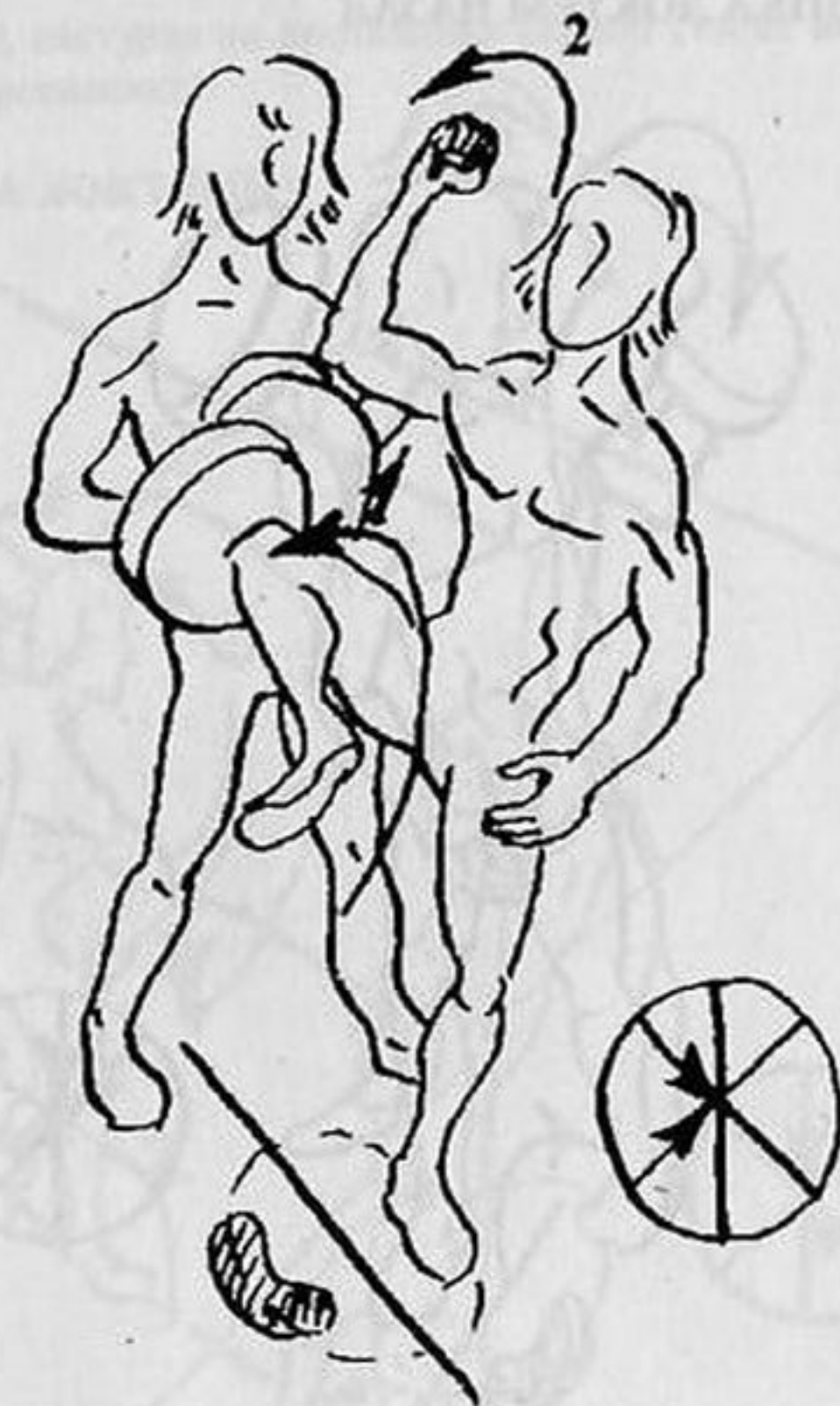
1. Двигаясь вперед или вбок в "ломации", т.е. приседая и скрещивая ноги перед отмашкой. Научившись, можно работать с места.

2. Во вращении: боковой правым коленом - постановка ноги на возврате пяточкой на противника. Маятник вперед с разворотом на 180° и отмашка левым коленом на подъеме, снова боковой и т.д. Движение при этом получается волнообразное, с провалами на притопах и с подъемами (прыжками) на ударах.

При боковом и при отмашке тело прогнуто вперед, плечи откинута ("сгрудка") - наклон корпуса от противника во вращении сохраняется. Плечи за счет расслабленности тела отстают от таза, но в момент ударов таз включается и плечи догоняют убежавшие колени, естественным образом поднимая руки на удары. Такие связки называются "раскрутками" или "вертушками".

Тело как угодно может наклоняться в осевой плоскости (в той, в которой мы атакуем), но не должно вываливаться из нее. Для проверки можно поделаться раскрутки на льду.

6. ОТМАШКА КОЛЕНОМ НАЗАД

Удар симметричен боковому.

Работается на подъеме, с выходом на носки или даже в прыжке. Таз начинает выбрасывать колено через подмышку назад на осевую плоскость, голень при этом стремится к горизонтали. Затем раскручиваются плечи: правая рука, догоняя колено, организуя отмашку локтем назад. Предплечье встает вертикально, образуя единый щит вместе с голенью, защищая тело от паха до затылка от ударов сзади. В ином случае обе руки выбрасываются на осевую в сторону, противоположную удару, и отмашка локтем выполняется с ударом ноги

в пол. Отличается от предыдущего удара положением корпуса, повернутого в противоположную сторону.

Делать:

1. По отдельности (в "ломании", зашагивая).
2. По одной лапе, во вращении (см. выше), повторять раскрутки безостановочно несколько раз, начиная как с правой ноги, так и с левой (по очереди), вращаясь в разные стороны. При этом партнер должен убегать, заставляя нападающего шевелиться, но, вместе с тем, не забывать встречать колено лапам (4-й тип связок).

7. ОТМАШКА ЛОКТЕМ НАЗАД

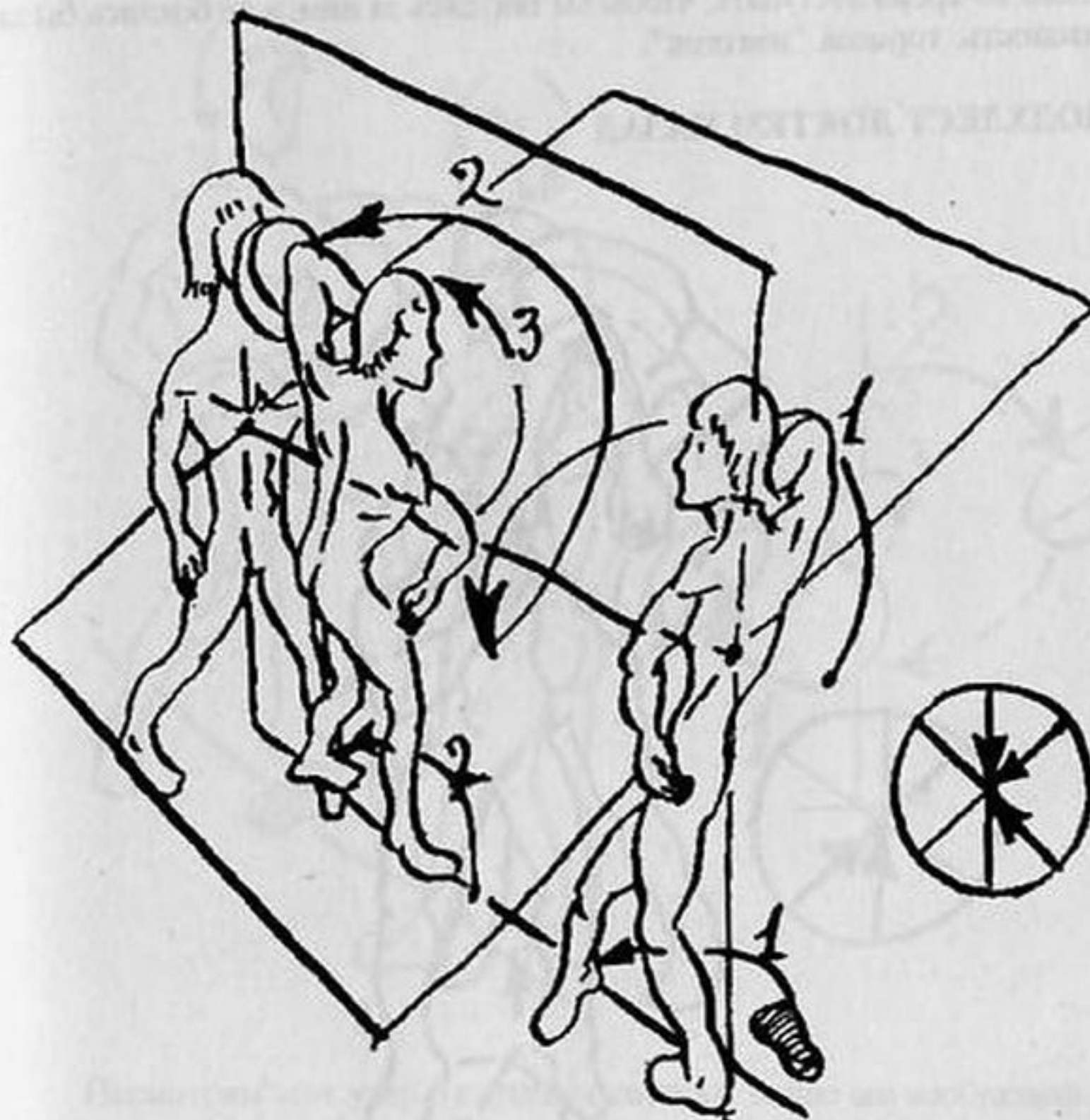
Удар симметричен боковому, является защитой от ударов сзади. Правая рука вращением корпуса, от таза (как при рывке гири) идет вверх и назад с разворотом обоих плеч по восьмерке. Приподнимаемся на носках и с притопом правой ноги осаживаемся на противника. Удар идет сверху вниз под $45 - 90^\circ$ (голова, корпус, шея). На возврате рука продолжает двигаться в осевой плоскости, стремясь к точке между лопатками (она же центр тяжести противника), и, прижимаясь к правому боку, возвращается на место.

При работе по воздуху можно заканчивать удар похлопыванием себя по ягодице, таким образом проверяя, не вываливается ли удар из осевой плоскости. По звуку хлопок и удар пяточкой должны совпасть. Левая рука при ударе работает, как при боковом левой, образуя единый маховик. Но все это опять-таки должно вырисовываться само, в ходе расслабления. Если мы не собираемся поворачиваться к противнику, а продолжаем атаковать его спиной, то наклон корпуса от него доходит до удара тазом (положение, как при броске через бедро). При этом отмашка правой ногой (как в предыдущем варианте) не делается, а делается шаг правой назад с притопом - пяточкой на противника, возможно с ударом по стопе.

Отрабатывать:

По двум лапам, наступая на противника спиной (топая пятками, носки наружу, наклон от противника).

8. РАСКРУТКА ЛОКТЯМИ

В этой связке нас интересует все та же отмашка. Отрабатываем ее по одной лапе во вращение:

Боковой правой - правая нога в пол, зашагивая за осевую линию (пяточка вперед), разворот на 180° с отмахкой левым коленом - отмашка назад левой

(осаживаясь, удар левой пяткой на осевую). Весь маховик правого и левого локтя движется в одной наклонной плоскости и отмашка повторяет траекторию бокового - след в след.

Смотреть в момент удара надо на объект следующей атаки, поэтому, если мы делаем несколько раскруток, вновь и вновь атакуя впереди стоящего, надо поворачивать голову на него (она будет дополнительным маховиком - сначала отстает, а затем догоняет и перегоняет плечевой пояс, раскручивая его). Центр тяжести, как и везде, движется волнообразно в вертикальной плоскости.

Здесь и далее мы будем говорить о движении в вертикальной (осевой) плоскости - в настоящем круговом бою, как и в "ломании", мы движемся по закручивающейся поверхности, т.е. заваливаемся на раскрутках то вправо, то влево. Но освоить эту технику можно, лишь научившись работать четко по осевой. (Этим, кстати, отличается "ломание" от более поздних танцев: "камаринского" или гопака и пр.)

Напоминаем, что во всех раскрутках на преследование партнер, держащий лапы, должен во-время отступать, чтобы вы тянулись за ним, а не боялись бы за его безопасность, тормозя "маятник".

9. ПОДХЛЕСТ ЛОКТЕМ НАЗАД

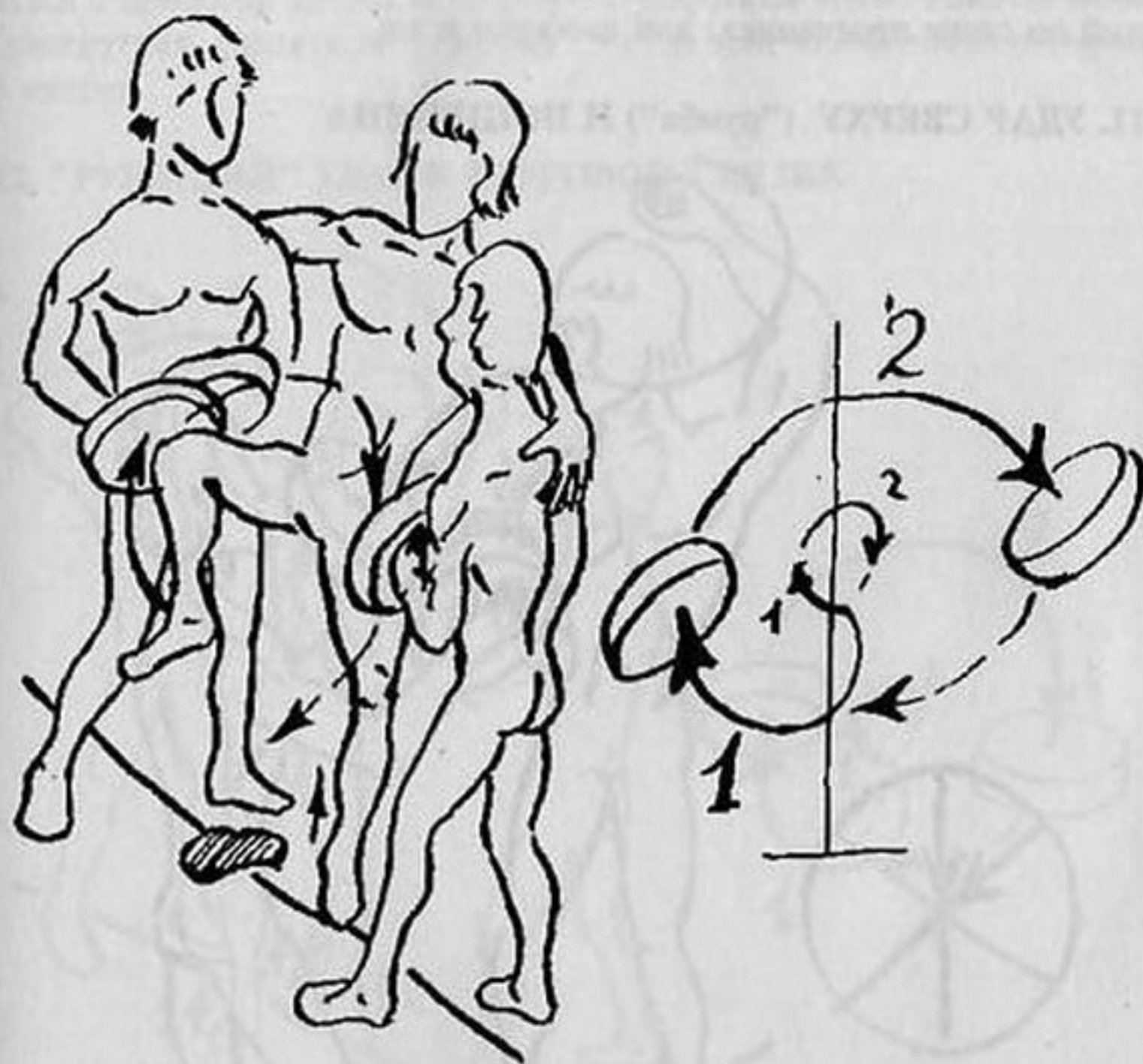
Удар симметричен отмашке локтем вперед и "симметричен во времени", т.е. идет по той же траектории, что и отмашка назад, но обратно.

Правая рука, прижимаясь к боку, стремится выйти в осевую плоскость за спиной и работает снизу вверх (челюсть, диафрагма, пах).

Левая рука, опять же, сопровождает правую.

Правая нога идет назад, подсаживаясь под противника, но здесь мы не топаем ногами, а встаем. В боевом исполнении все удары снизу идут не по воздуху, а как бы провлакиваются по груди противника. Отрабатывать надо по 2-3 удара, наступая спиной на противника (или отступая). Во втором случае возврат руки легко превращается в боковой (или удар сверху) и мы получаем еще один тип связок (2) - круговые связки, которые посмотрим чуть позже.

10. ПОДХЛЕСТ КОЛЕНОМ НАЗАД (снизу)

Посмотрим этот удар в круговых связках. Выше мы изобразили их в виде эллипса, но в динамике это спираль: маленькими цифрами обозначено перемещение таза, большими - колена. Встаем на осевую, между двумя противниками. Сейчас руки партнеров заняты лапами и поэтому их (партнеров) надо схватить за плечи (и дернуть навстречу удару и т.д.), в боевой же ситуации вас самих могут схватить - в любом случае нужен контакт (тем более, в гололед).

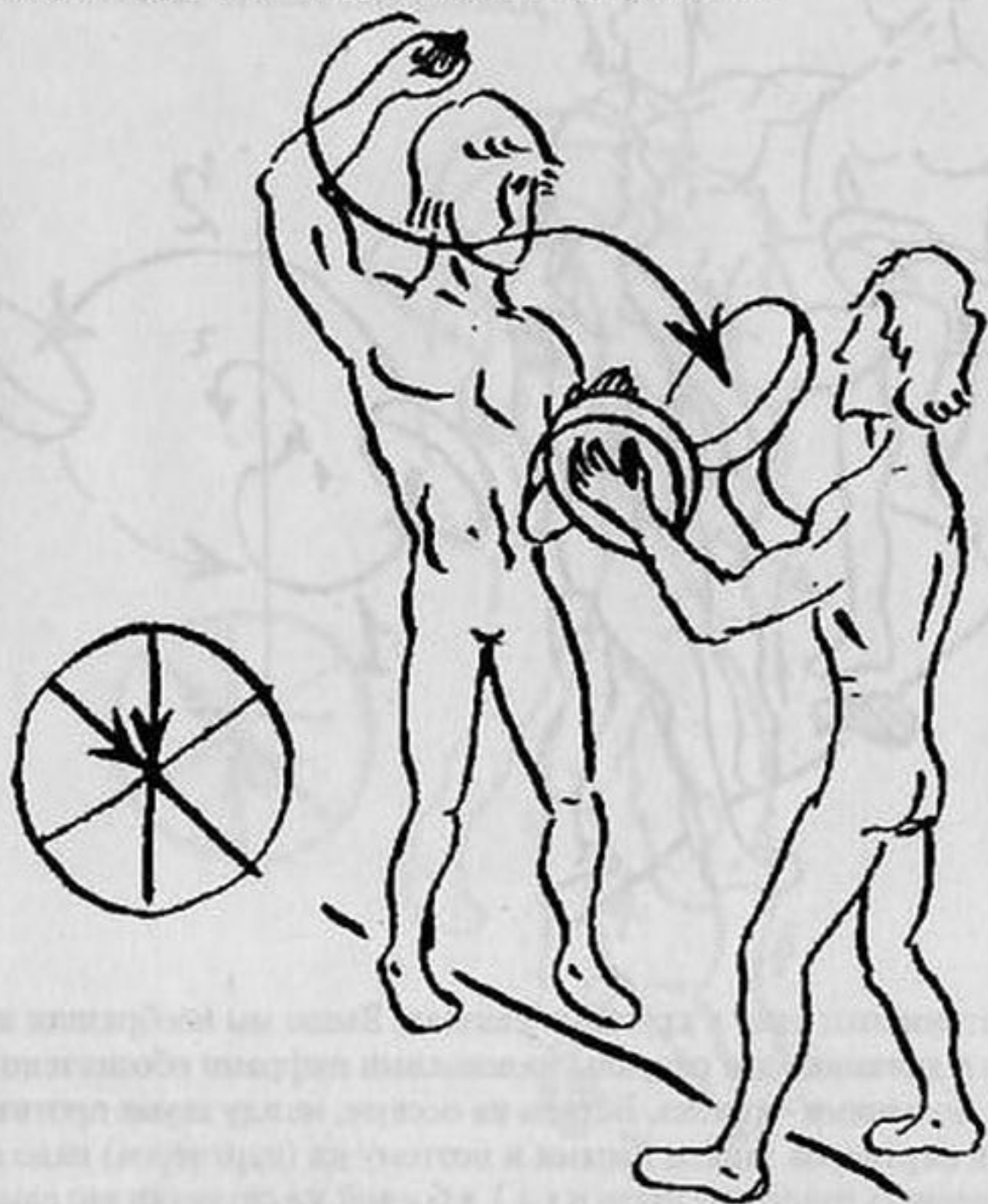
• Колено незаметно отводится наружу до обнаружения бедра противника, затем легко поднимается (проволакиваясь, как и при всякой работе на ближней дистанции) до промежности или груди. Все это на подъеме или даже в прыжке. Чтобы подъем получился, необходимо, чтобы заранее "подогнулись коленки". Затем, осаживаясь, боковой удар коленом второму противнику. Таз разворачивается на 90° - 180°. Плечи - неподвижны, лишь вверх-вниз вместе с коленом.

Связка выполняется в одно движение (в осевой плоскости). Пяточка почти все время у колена опорной ноги. Отрабатывать в этом порядке и в обратном: сначала боковой, затем подхлест назад снизу. Спираль можно раскрутить и на третий, четвертый удары, в голову первому, например. Вся композиция может закончиться "приемом Котовского", т.е. лоб в лоб.

Это два варианта. Всего для каждой круговой связки - четыре. Выберите по вкусу хотя бы один.

Эти связки характерны и в режиме освобождений от захватов - тогда удобнее делать работу в двух уровнях: первый удар коленом, второй - локтем (с пяточкой по стопе противника) или наоборот и т.п.

11. УДАР СВЕРХУ ("рубля") И ПОЩЕЧИНА

"Рубящий" удар, впрочем, как и подхлест, связан с техникой работы оружием. При более короткой траектории - при этом ладонь сжимается лодочкой - получается пощечина, один из самых древних ударов. Удар "рубля" наносится кулаком или раскрытой ладонью (шляпня).

Подготовительное упражнение: серия пощечин - "мишка разгоняет лапами пчел". Ноги полусогнуты и косолапы, таз - впереди плеч. "Восьмерка" в тазе и плечах, движение корпуса и рука сама выкидывается к макушке и оттуда хлещет по дуге в наклонной плоскости. Аналогия с кистенем (для удара "рубля"): таз - рукоять, от таза до кулака - единая плеть, кулак - гирька. В случае пощечины - аналогия с плетью. Лапа подается в осевую плоскость навстречу удару, локоть на возврате тянется за осевую плоскость (за солнечное сплетение). Необходимо научиться хлестать руками только за счет корпуса. Отрабатывая разовый удар или же делая "рубящий" в раскрутке, мы на подъеме руки привстаем на носки или прыгаем вверх, а на ударе - осаживаемся пятками в пол. Это может сочетаться с прыжком вперед (в сторону) с ударом по стопе. Работая на месте или в раскрутках, следите за "стружкой", т.е. за тем, чтобы плечи не проваливались вперед.

12. "РУБЯЩИЙ" УДАР В КРУГОВОЙ СВЯЗКЕ

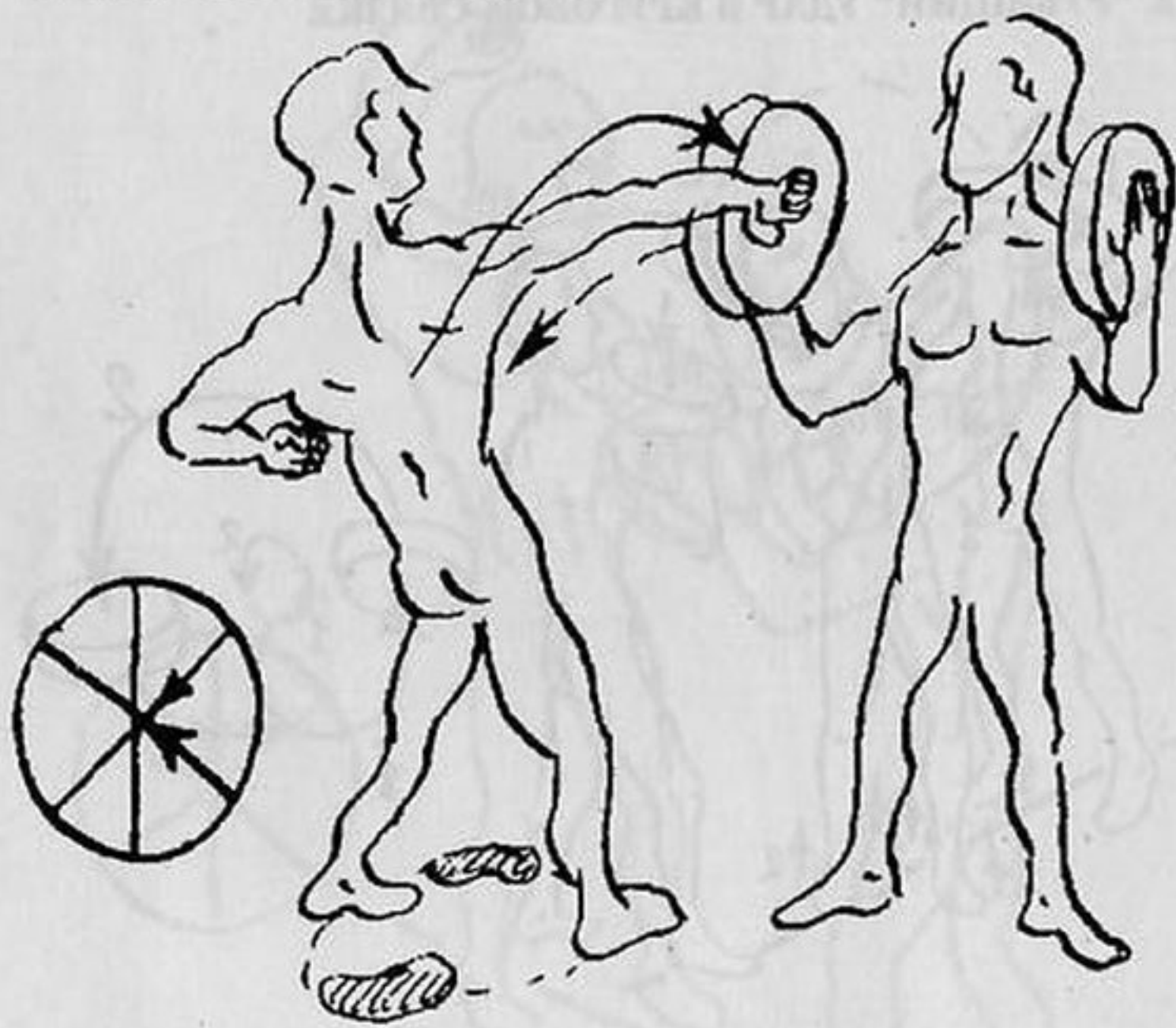

Удар сверху может оказаться защитой от прямого удара рукой или ногой, защитой от ножа. Он может быть выполнен и по воздуху - для инерционной раскрутки (об этом ниже). Да и за каждым ударом скрывается целый веер ударов - самые мощные из них лежат в плоскостях "громового знака" (в зависимости от способа перемещения - в разных плоскостях).

Круговые связки наиболее эффективны в осевой плоскости.

Правая рука незаметно отводится назад (до контакта) и, не поворачиваясь к противнику, выполняется подхлест назад (см. 9). При контакте кисть выбрасывается вверх и, минуя темя, хлещет впереди стоящего. Опять-таки через "проволакивание", скользя по уху, попадаем в шею, ключицу и т.д. Резкий подъем (или прыжок) на подхлесте и удар пятками в пол на ударе сверху. Корпус вертикален. Работа таза (плеч) обозначена на картинке справа маленькими цифрами. При этом таз выполняет небольшой маятник (как и в 10): назад - вперед. Круговая связка может быть выполнена на самых разных дистанциях. Назад: подхлест снизу кулаком, локтем, удар плечом; вперед: удар сверху локтем, кулаком, головой, все боковые удары - десятки комбинаций. Отрабатывать надо в этом и в обратном вариантах, т.е. начиная с удара сверху. Для его маскировки можно поднять руку, почесав затылок или поправить очки. Вполне достаточно этих двух вариантов круговых связок (из четырех возможных). Остальные два: начиная с отмашки назад (через верх) и заканчивая ударом снизу (отмашкой вперед), и наоборот.

13. БОКОВОЙ УДАР ("подхлест")

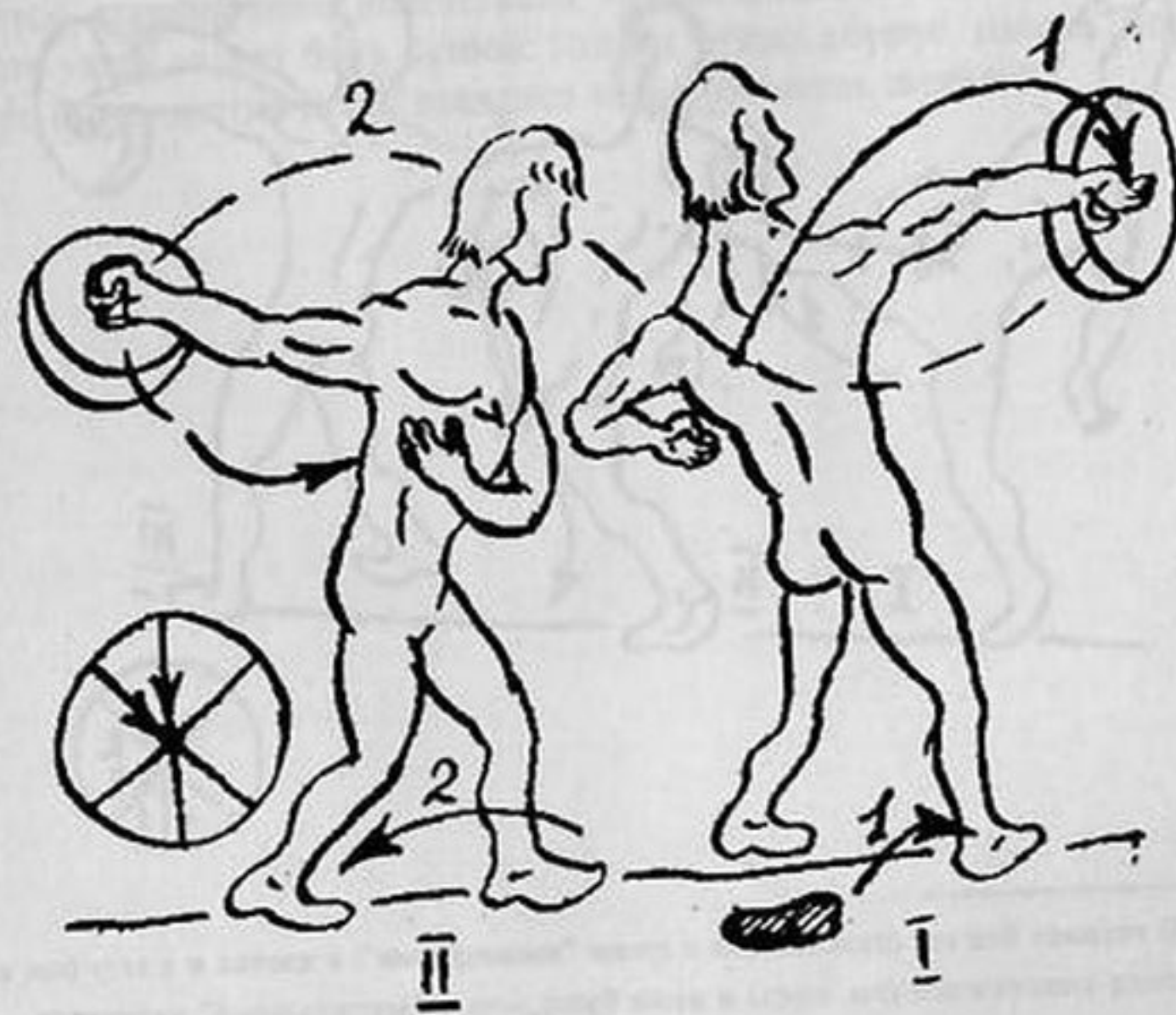

Подхлест (он же "хлест" или "с плеча") всеупотребителен на Руси. Это один из самых скоростных ударов (5-7 ударов в сек.). Начинаем мы его с прыжков на месте, переходя на работу локтями. Проверяем - не взглядом, а

мысленно-вертикальное колебание корпуса, закручиваемость бедра, при ударе "косолапой" ногой в пол, совместность работы обеих рук, наклон корпуса от противника ("сгрудка"). Сделав пару серий локтями, раздвигаем лапы вдвое (а они были на ширине плеч) и локоть сам выхлестнет кисть. Кулаком на Руси работали редко (и лишь в определенные места) - чаще били запястьем. Лапы, как и при "локотках", ставятся параллельно осевой плоскости и составляющая удара направлена в бок. На противнике удар направляется и в бок, и на себя, и чуть от себя (по месту), но не прямо. Иначе получается "тычок" (которые в обрядовой технике не допускались, мы их и не показываем). Подхлесты работают обязательно сериями, на полном расслаблении, пока не нащупается необходимая траектория. Восьмерка в плечах максимальна, опущение плети от таза до кисти, внимание на возврат. При ударе кулак сжимается только в момент контакта, а при ударе запястьем - лишь слегка поджимаются пальцы. На возврате ладошка хлопает по груди - в учебном варианте, а на боевой скорости хлопок отпадет. Работают подхлесты и на месте (но все же с прыжками), и в движении. Но всюду одновременность по звуку: правая нога в пол - правая рука по лапе. Чтобы поставить подхлест, рекомендуется до поры вообще не работать кулаками, а только запястьем.

Связки из подхлестов надо чередовать с раскрутками на преследование (см. 6 и 8). При перемещении "скоком" (маятником) нужно добиться рикошетирования от земли. Такое движение напоминает детскую игру "в блинчики" на реке. При боевых скоростях, если мы стоим на месте, ноги не успевают отрываться от земли, но все же как бы вибрируют, ибо сохраняется "восьмерка" в тазу.

14. ОТМАШКА

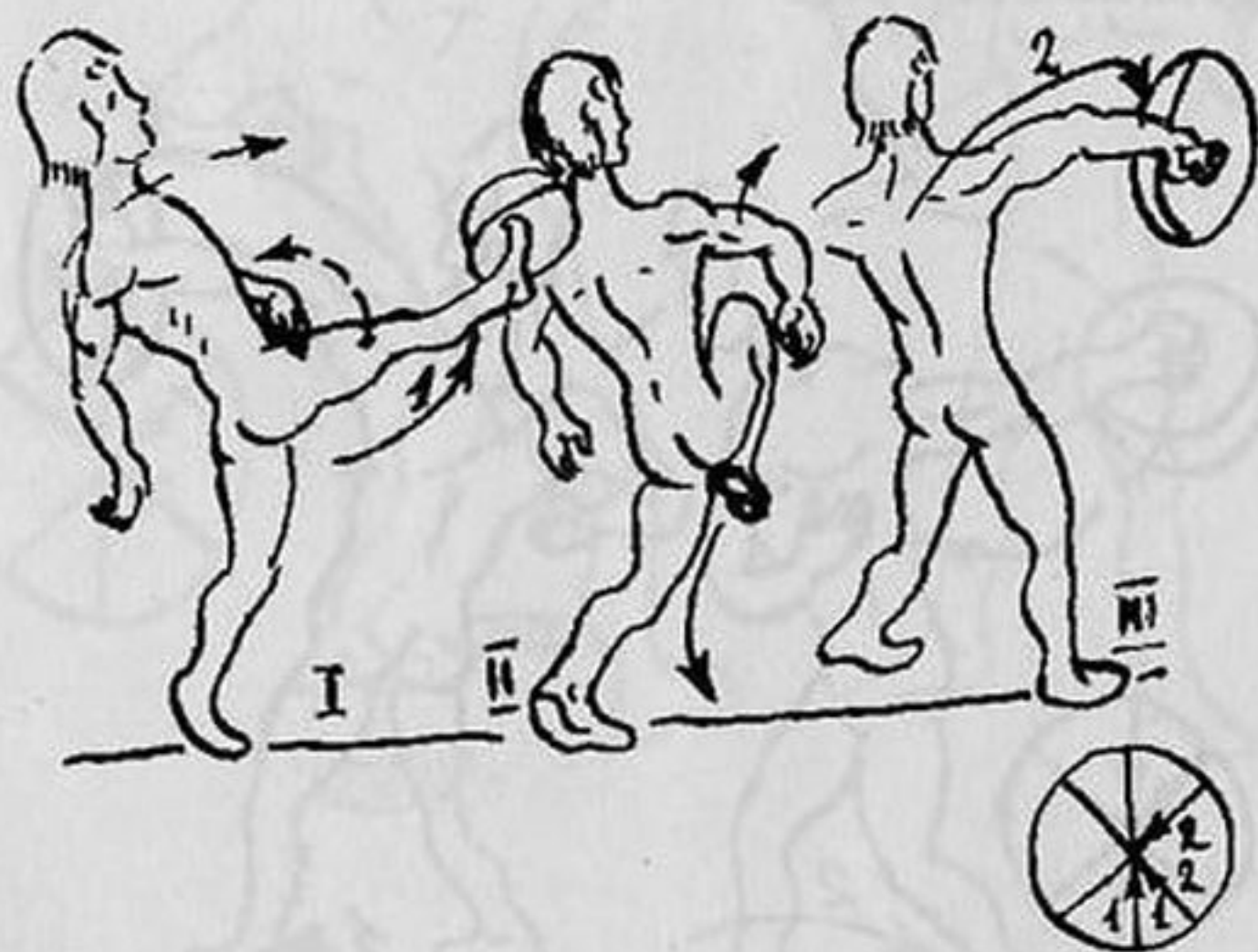

"Отмашка" дана в связке "восьмерка"³⁴. Отрабатывается такая связка в обоих направлениях: начиная с отмашки или с подхлеста, по 2-3 серии без остановки. В данном случае дана восьмерка, развернутая на 180°: мы стоим между противниками, перекрывая им видимость. Но, в общем случае, противники могут стоять под любым углом. Может восьмерка выполняться и на одного, при развороте на него спиной. В нашем случае, ударив (на подхлесте правой рукой) правой стопой в пол, нога отскакивает с маятником назад и бьет в пол (по стопе) на осевой второго. При этом тело смещается назад, осаживаясь, возможно, с отмашкой коленом для разворота на второго, возможно - без нее. Смотреть на второго противника ни до, ни после не надо. Руки выхлестываются вместе, от таза, как при косьбе, образуя восьмерку, закрученную как пропеллер. Важно сделать возврат и не размазать удара: после подхлеста кисть раскидайчиком возвращается к груди и грудью, всем корпусом, выхлестывается на отмашку, за спину; на отмашке рука как бы сечет противника "до седла" и доходит до плешка по собственной ягодице, а там - тазом выкидывается на подхлест (на боевой скорости, понятно, плешки не нужны).

Другой вариант работы: выполнить отмашку после серии подхлестов правой-левой или подхлест после серии отмашек. На восьмерке важен маятник - раскочка тела взад-вперед с наклоном от атакуемого противника.

Третий вариант работы дан выше при "раскрутке" локтями. Все три варианта надо чередовать, неожиданно переходя из связки правой-левой в раскрутку (уходя вперед) или в отмашку назад (что задается партнерами, держащими "лапы").

15. БОКОВОЙ УДАР НОГОЙ (похлест ногой)

(34) В технике боя мы сталкиваемся с тремя "восьмерками": в плечах и в тазу (см. выше), в движении конечностей (см. здесь) и ниже будет речь о "вертикальной" восьмерке.

Боковой удар должен вырасти сам, из бокового удара коленом. Начните с маятника вперед-назад (это элемент "ломания") - ударная нога свободно опущена (и таз, разумеется), нижняя часть корпуса идет вперед - правая нога "цешается" за левую - это проверка того, что удар начинается с осевой - гарантия устойчивости на снегу, далее идет удар коленом. В тот момент, когда бедро подошло к горизонтали, обе ручки ушли вправо, таз выбрасывает голень (стопа опущена, но пальцы загнуты на себя). В жесткой обуви контакт кантом носком сапога. Босой ногой можно работать подъемом ноги - аналогия с подхлестом рукой - кулак и запястье. В момент удара нога должна успеть выпрямиться, иначе не будет скоростного возврата ("эффект раскидайчика"). "Плеть" ноги идет от груди (от центра веса), а не от таза. За счет прогиба корпуса мышцы живота участвуют в ударе более, чем сама нога. Прогиб возможен вплоть до горизонтального положения груди. Траектория колена, если смотреть сверху, симметрична относительно осевой и на возврате нога стремится к груди и отскакивает от нее, и бьет в пол, и вызывает следующий удар, раскручивая плечи, а руки отскакивают от таза, который они хлещут одновременно с ударом ноги и бьют на постановке ноги на пол.

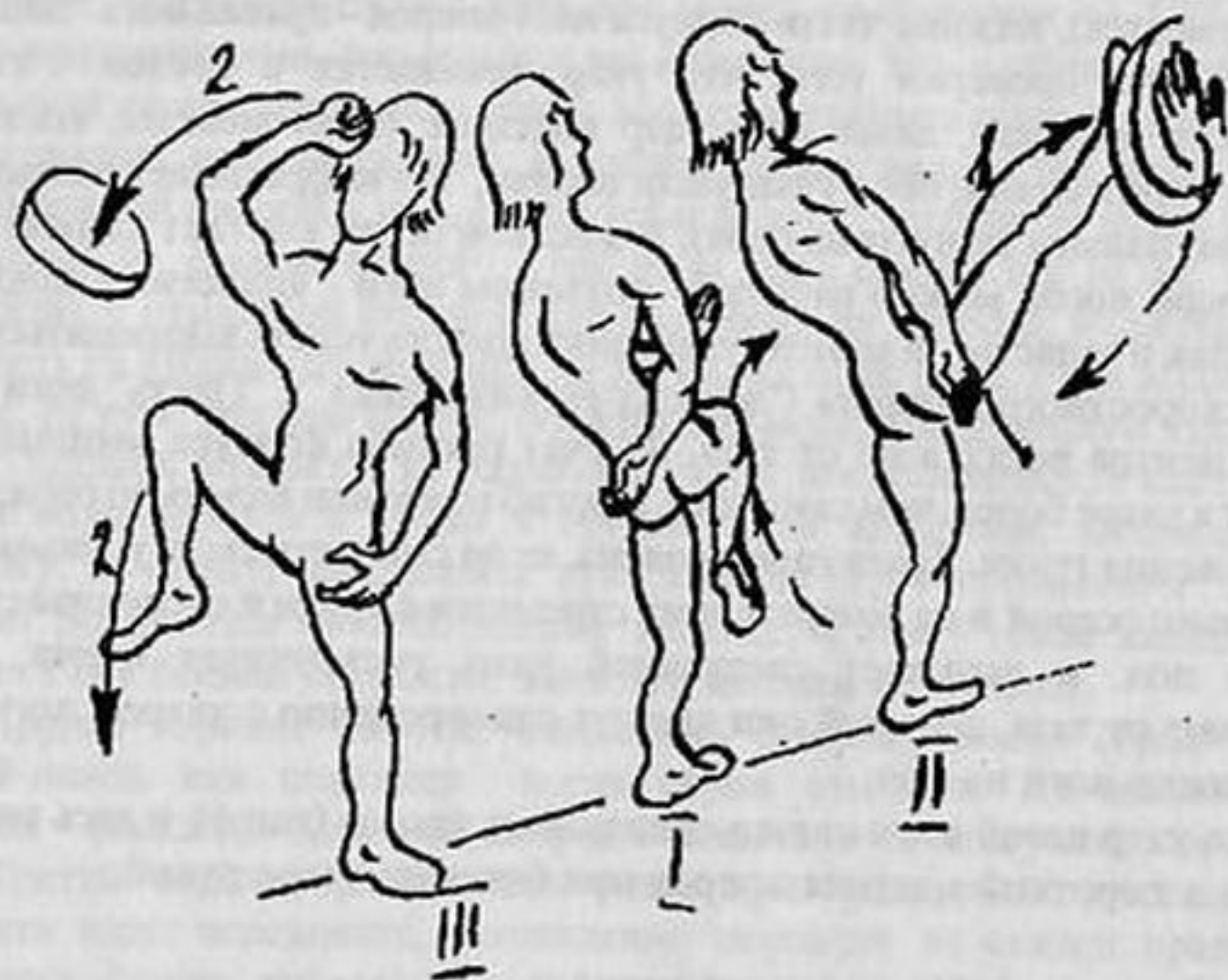
Здесь удар ногой дан в связке одинаковых ударов (тип б) и весь он должен вписаться в короткий маятник вперед при боковом ударе рукой.

- Отрабатывать: 1. Ноги: правой-левой и
2. Нога-рука (боковой, удар сверху, удар локтем).

Легче начинать работу с вертикальной плоскости и, "сделав удар", наклонять его (в плоскость "громового знака").

Подхлест можно делать и пяточкой (наружной стороной стопы). Этот удар делается, проворачивая колено вниз: голень встает вертикально, стопой вверх. Высота удара может быть разной: голень, бедро, корпус, голова. Во встречной работе (нога против ноги) подхлест ногой является защитой.

16. ОТМАШКА НОГОЙ

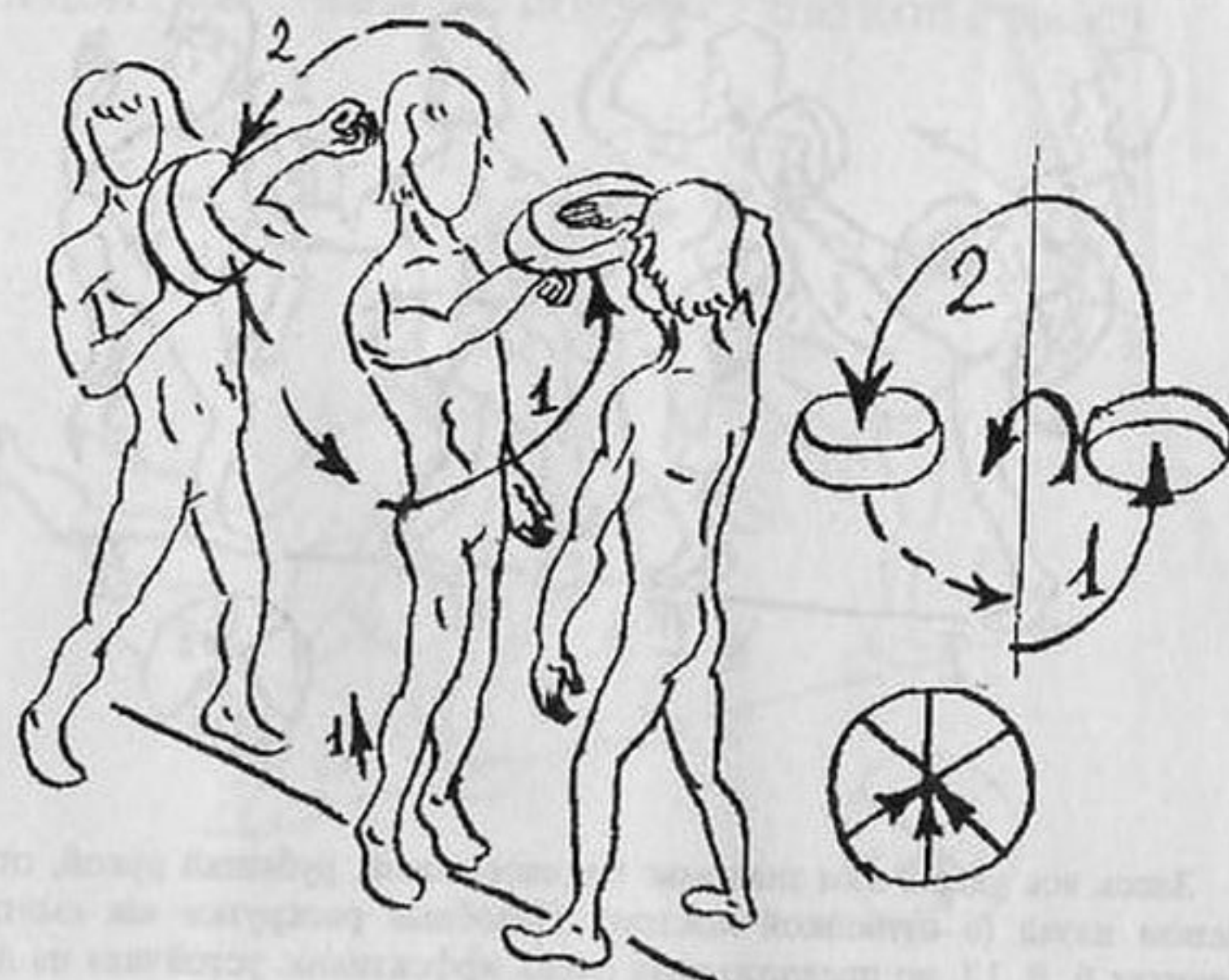

Вот еще одна раскрутка (связка типа б) - две отмашки: ногой и рукой. Отмашка ногой начинается с отмашки коленом, что и нужно повторить (5). В процессе удара таз разворачивается к противнику боком или уже стоит повернувшись. Корпус откинут назад. Стопа выхлестывается на подъеме и, таким образом, удар идет по наклонной плоскости с мощным возвратом: колено уходит в подмышку, стопа стремится к опорной ноге, к паху (т.е. к осевой). При ударе снизу вверх работаем наружным ребром стопы. На низких уровнях (впрочем, как и в предыдущем ударе) можно работать сверху вниз. Под коленку, например. Но ни подхлест, ни отмашка не делаются горизонтально. Отмашка ногой переходит в отмашку назад коленом, это, кстати, вполне боевая связка (вариант круговой), но сейчас нас интересует продолжение - удар пяткой на осевую и отмашка назад (кулаком или локтем, см. 7 и 14), осаживаясь на второго противника.

Хорошо отрабатывать в тройках: поделав по воздуху отмашку коленом, сделать отмашку ногой и, раскрутившись, отмашку рукой назад. Еще лучше чередовать это с боковым ударом ногой: боковой ногой - боковой рукой - так, как показано в связке 15, или с раскруткой, т.е. вращение (на возврате бокового) ноги против часовой - нога на осевую - боковой рукой по второму противнику и т.п.

Отмашка возможна в уровень голени, под колено, в бедро, корпус, голову. Под локоть замахивающейся руки или под кисть - как защита.

17. УДАР СНИЗУ (ОТМАШКА ВПЕРЕД) В КРУГОВОЙ СВЯЗКЕ

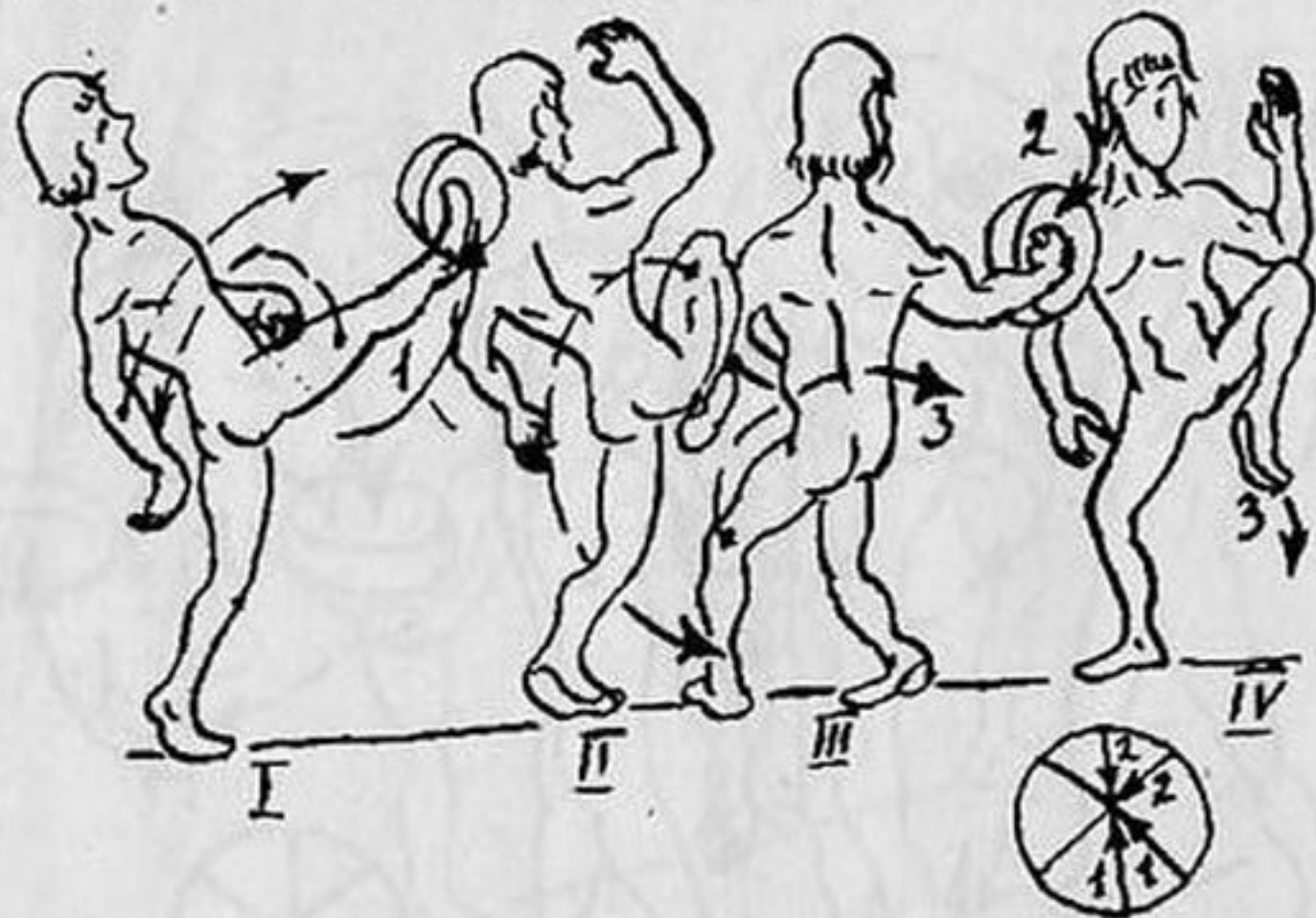

Удар снизу - это продолжение отмашки локтем. Может выполняться (в общем случае, см.4) с разворотом и на подъеме в наклонной плоскости. А может - в осевой (случай круговых связок). Полная аналогия с предыдущим ударом - отмашкой ногой. Вариант в наклонной плоскости - это для раскрутки - оставим для самостоятельной работы (см. 16). А сейчас посмотрим круговую связку: рука влечется по груди противника до челюсти - все это на подъеме и с потягом на себя (связка симметричная во времени удару сверху, см. 12). Корпус откинут назад. Удар наносится запястьем или верхней частью кулака. Локоть разворачивается наверх, стремясь к макушке, и далее - отмашка назад, осаживаясь, с ударом пяток в пол.

Опять масса вариантов: вперед локоть - назад локоть, вперед плечо - назад рука, вперед локоть - назад голова и т.д. А также смешанные варианты: вперед колено - назад локоть и т.д. - выбирать по обстановке.

Как и вообще все круговые связки (10, 12), эта не очень возможна в игровом бою, но эффективна, для начала, в стесненных условиях - в "тамбурном варианте".

18. РАСКРУТКА В "ПОЛТОРЫ НОГИ"

Здесь все удары нам знакомы: боковой ногой, рубящий рукой, отмашка коленом назад (с отмашкой локтем). Подобные раскрутки мы смотрели в вариантах 6, 8, 13, но предложенная очень эффективна: устойчива на льду, не требует ни растяжки, ни специальной одежды.

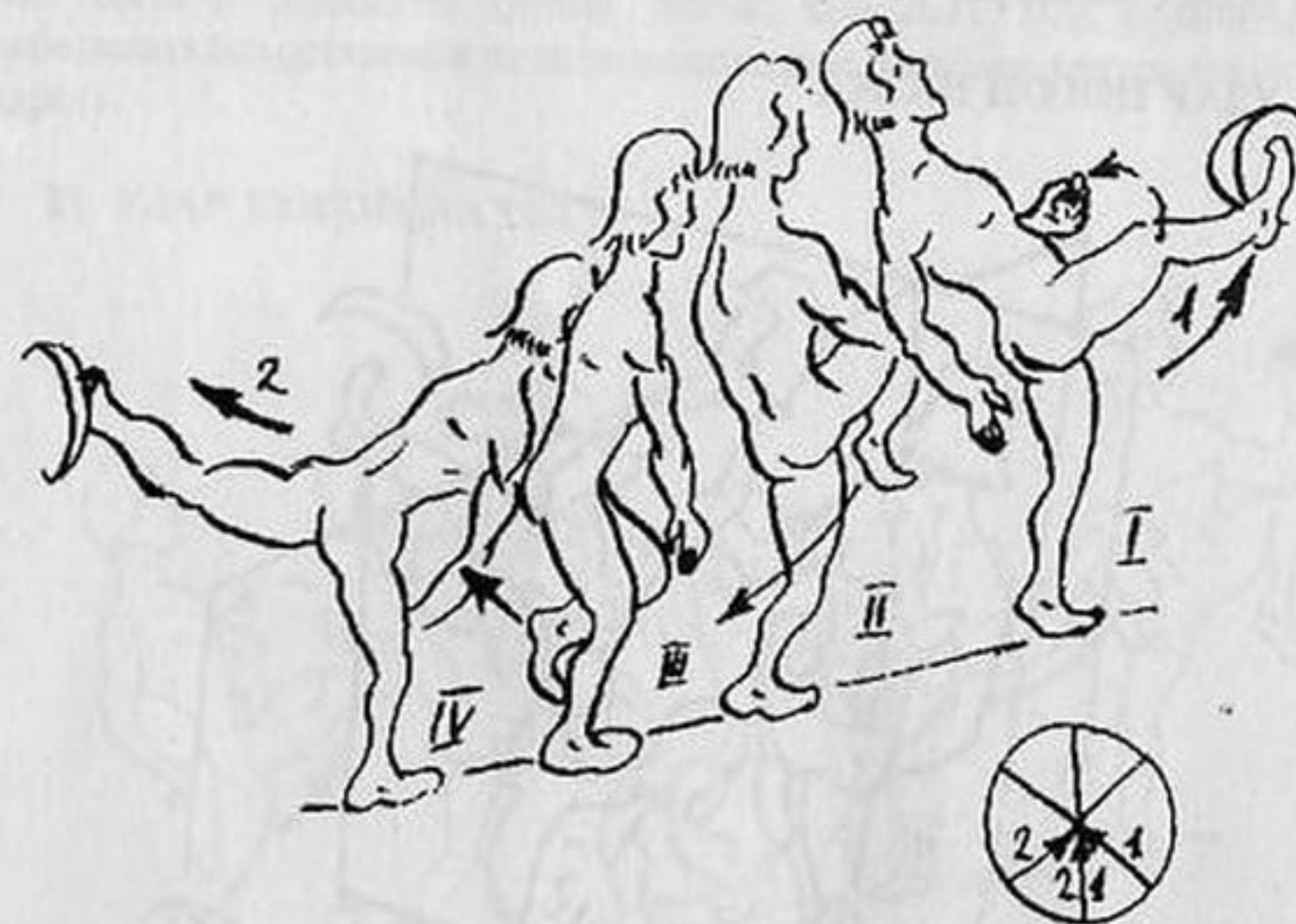
Боковой ногой в несколько более мощном маятнике, чем обычно, возврат колена к груди. Далее возможен любой удар правой (боковой, например). В данном случае показан наиболее "раскручивающий" удар (и вместе защита) - удар сверху ("рубящий").

На возврате бедро не отскакивает от груди (ибо она уже развернулась на 90°), а продолжает ускоренное движение в той же осевой плоскости и завершает круг, опускаясь пяткой на противника. Такая же работа получается и у правой руки - локоть после удара притягивается к груди, но грудь уже повернулась, и он, описав круг, взлетает к затылку (снова танец) для следующего удара. Левая нога, продолжая движение правой, идет на отмашку коленом и, если партнер не убегает, то этот удар завершает связку (с добавлением отмашки локтем).

При преследовании левая нога, затем рука образуют единый щит³⁵, из под которого снова выхлестываются: боковые правой ноги и руки. Повторять раскрутку по несколько раз, гоняясь за партнером, который держит на осевой две лапы: под ногу и под руку (левая лапа под правую ногу). Научившись работать по прямой, просите партнера маневрировать вправо - влево, всякий раз "ловя его в прицел", наступая на ускользящую осевую при отмашке левой ногой. Хорошим упражнением является смена плоскостей вращения: выход в раскрутку после "колеса", кувырка, кульбита.

(35) Скорее всего, так оно и было с настоящим щитом.

19. УДАР НОГОЙ НАЗАД: ПРЯМОЙ ("ляг", "легок") И ПОДХЛЕСТ ПЯТКОЙ ("брык")

Удар ногой назад посмотрим в маятнике в осевой плоскости. При этом мы не разворачиваем корпус и все время "смотрим" на впереди стоящего противника.

Первый удар может быть любым боковым (в данном случае - ногой) или же прямым ударом (т.е. в осевой плоскости) - для разучивания и надо с него начать. На первом ударе - мощный подъем (или прыжок), на возврате уход вниз-назад с четкой постановкой пятки на осевую линию второго противника, маятник назад с ударом левой ногой на подъеме (пяткой). С ударом совпадает хлопок обеих ладоней по опорному бедру.

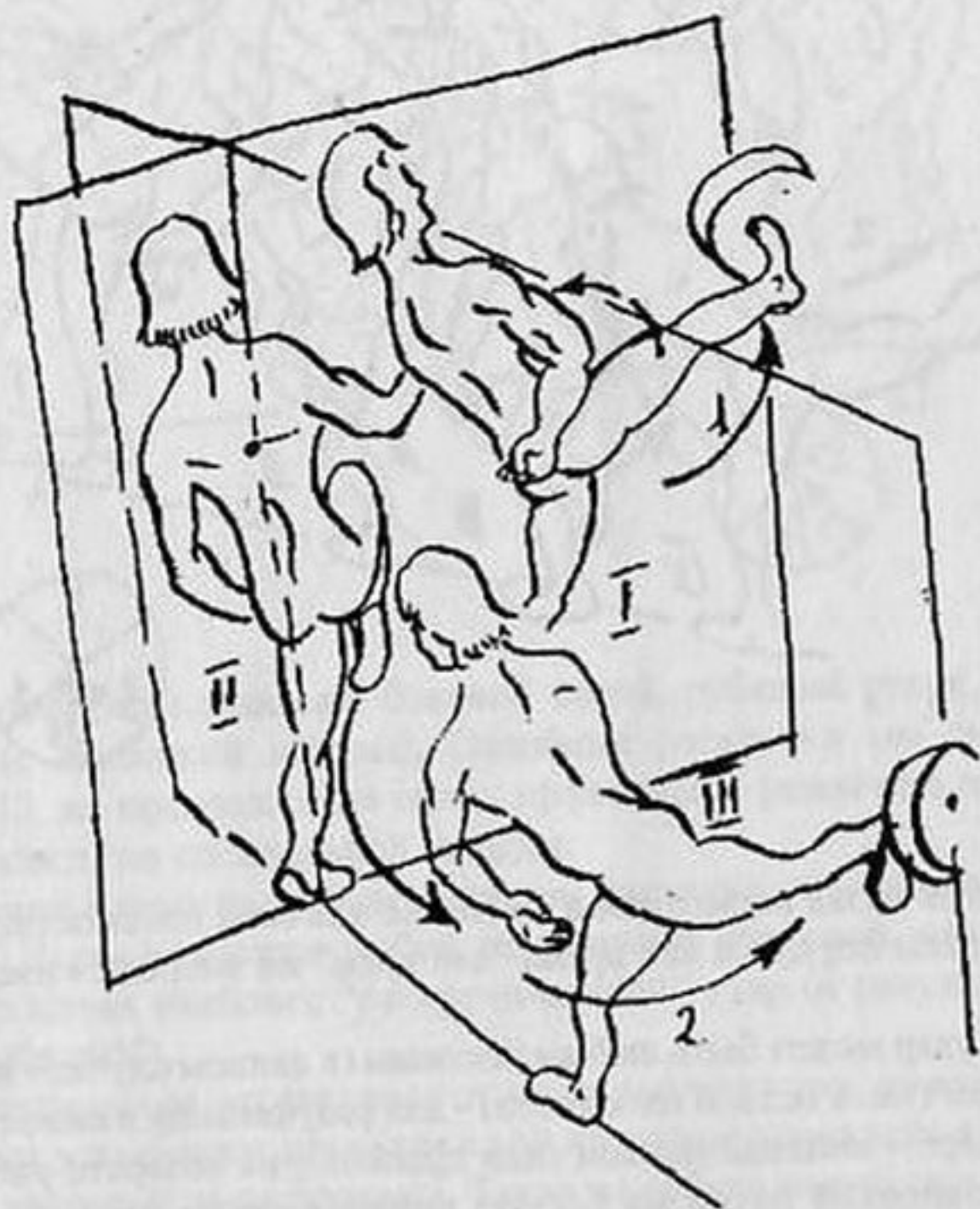
Гарантия точности: ударная постановка правой стопы и симметрия тела относительно осевой. Оба носка - и на лице, и на ноге - "смотрят" по осевой. Работается в солнечное сплетение или голову. Перед ударом (в нижней точке маятника) левая нога подтягивается, волочась стопой по земле. После удара возврат пяточки к спине, с маятником вперед. Нога - "раскидайчик". Можно "качать" несколько маятников подряд, без остановки нанося удары. Удары наносятся по эллипсу снизу - вверх в осевой плоскости - мы как бы скидываем сапог с расслабленной ноги.

В прыжковом варианте (не на снегу, разумеется) удар левой начинается на возврате правой и наносится одновременно с ударом правой в пол. Здесь мы показываем прямой назад, затем следует изучить связку с "подхлестом пяткой" (который выполняется в наклонной плоскости - см. траекторию в 16).

Последний удар - "брык" или "брычок" - имеет следующие особенности: в момент контакта таз и колено должны двигаться на противника (снизу вверх) и

на возврате пяточка стремится к спине. При этом таз разворачивает бедро в плоскость следующей атаки (см. ниже), в частном случае (см. 19) плоскость та же и таз делает восьмерку на месте.

20. УДАР НОГОЙ НАЗАД

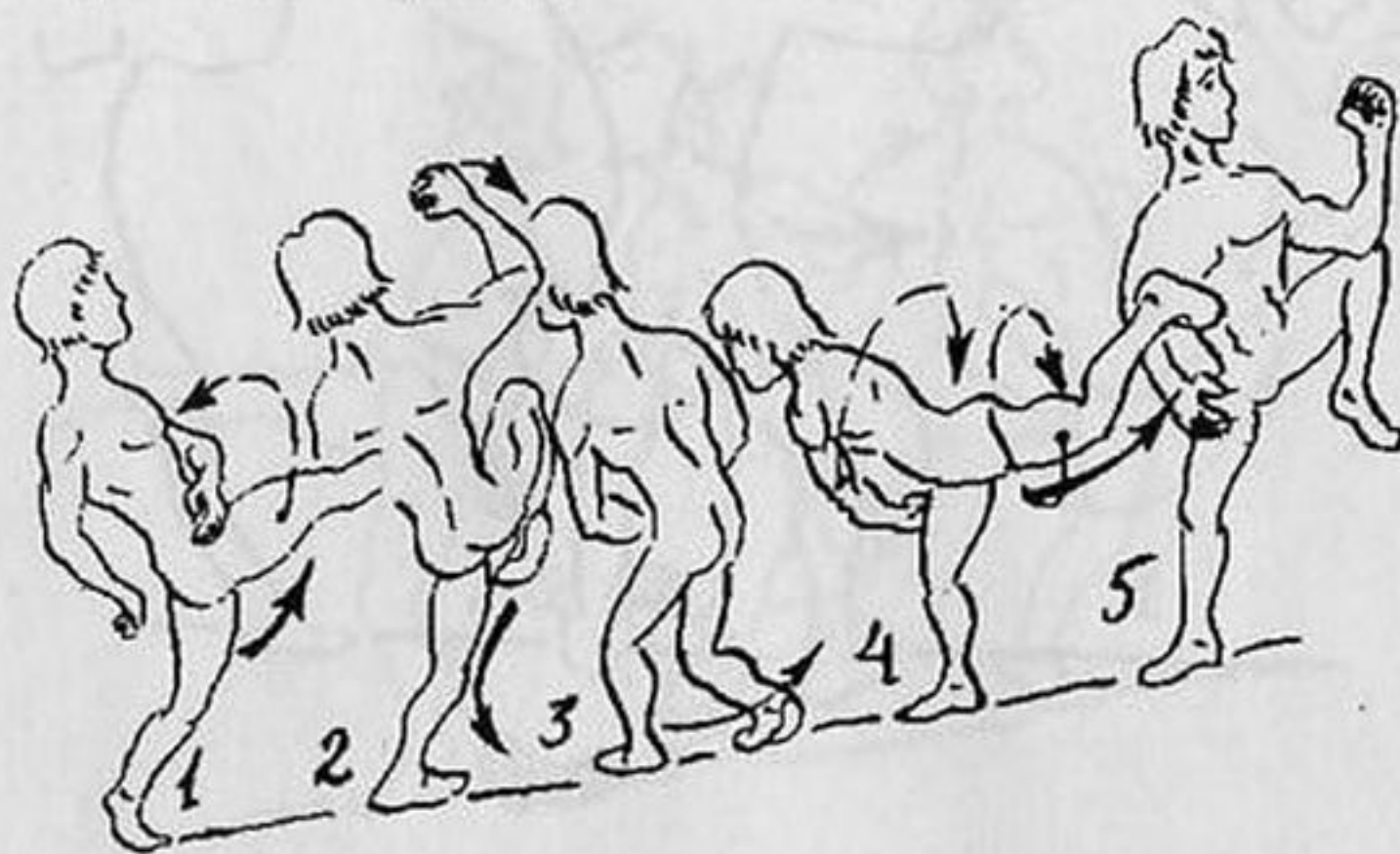
Перед нами общий случай предыдущего варианта. Это относится не только к удару ногой назад, но и ко всем последующим связкам. Теперь два противника стоят под углом (сначала разучивается угол в 90°). Все как и выше, но для того, чтобы не глядя (а на второго не нужно глядеть ни до, ни после) поставить пяточку на осевую второго противника, необходимо на возврате первого удара развернуть таз, подтягивая колено к центру веса так, чтобы бедро оказалось в осевой плоскости 2 и опускалось уже в ней. Кроме того, необходимо начать маятник вправо уже в процессе первого удара так, чтобы возврат пришелся на середину маятника (в осевой плоскости второго противника). Таким образом, мы работаем на первого как бы падая на второго (как в ломании).

Положение II есть некое динамическое положение, в котором, регулируя энергию возврата ноги (или руки), можно легко повернуться на любой угол от 0 до 180° . Освоив этот вариант, как и предыдущий, можно попробовать его в прыжке.

Принцип то же: удар второй ногой вместе с (а иногда и до) постановкой первой. Как и в предыдущем случае, изучив прямой удар, надо освоить связку

с подхлестом. Удар наносится пяткой (или всей подошвой сапога), которая на возврате притягивается к спине. При этом возможен вариант, когда мы стремимся к контакту тазом, оплетая противника ногой (продолжением такой связки может быть отмашка правым локтем назад). Второй удар в связке 20 может быть и отмашкой (рукой, ногой, коленом). Все варианты можно отрабатывать без остановки по несколько связок, двигаясь внутри треугольника, квадрата.

21. УДАР НОГОЙ НАЗАД

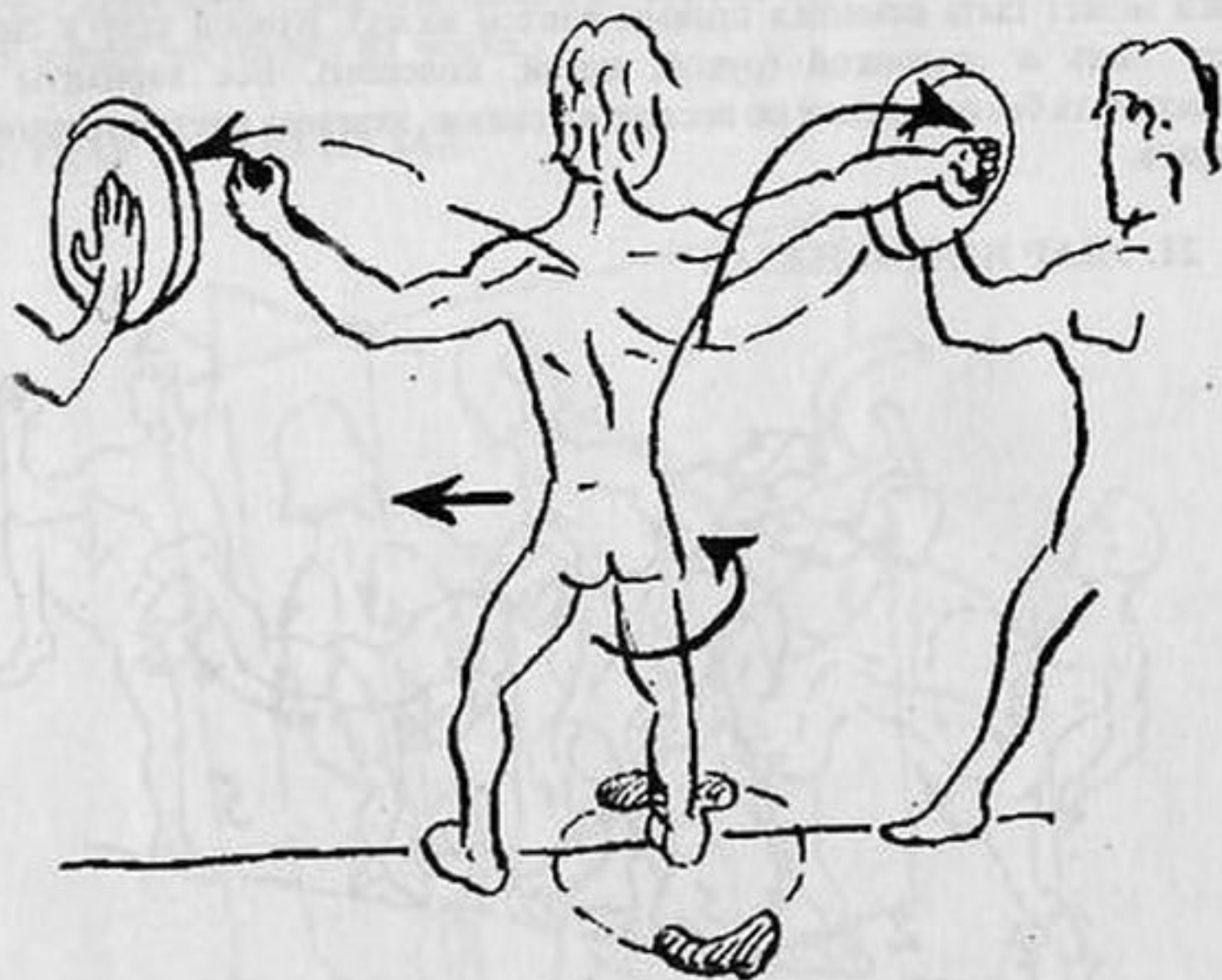

При раскрутке с преследованием противника. Первая половина связки такая же, как и в случае 18. Затем вместо отмашки мы делаем прямой назад ("легок") или удар ногой назад с подхлестом (снизу справа налево) - "брык" или отмашку стопой (снизу справа налево). На картинке первый вариант. Выполняется он расслабленно, с разворотом на 180° , а не на 270° , как принято на Востоке. Нога по принципу раскидайчика притягивается обратно и плавно переходит в отмашку, совместно с отмашкой левой рукой, таким образом удар как бы вставлен в раскрутку 18. При этом наружная сторона левой пятки стремится к опорному колену.

Уловив все три варианта (19-21), можно попробовать их без смены ног - за счет разворота таза на возврате от 0° до 180° . Маятник здесь отпадает, как и работа на льду, но в учебных целях эти связки интересны.

Было бы интересно самостоятельно вычислить двух-, трех- и четырехударные связки для рук, аналогичные предложенным, как со сменой рук, так и без.

22. ИНЕРЦИОННАЯ РАСКРУТКА: "ДВОЙНОЙ БОКОВОЙ" ("двойной подхлест")

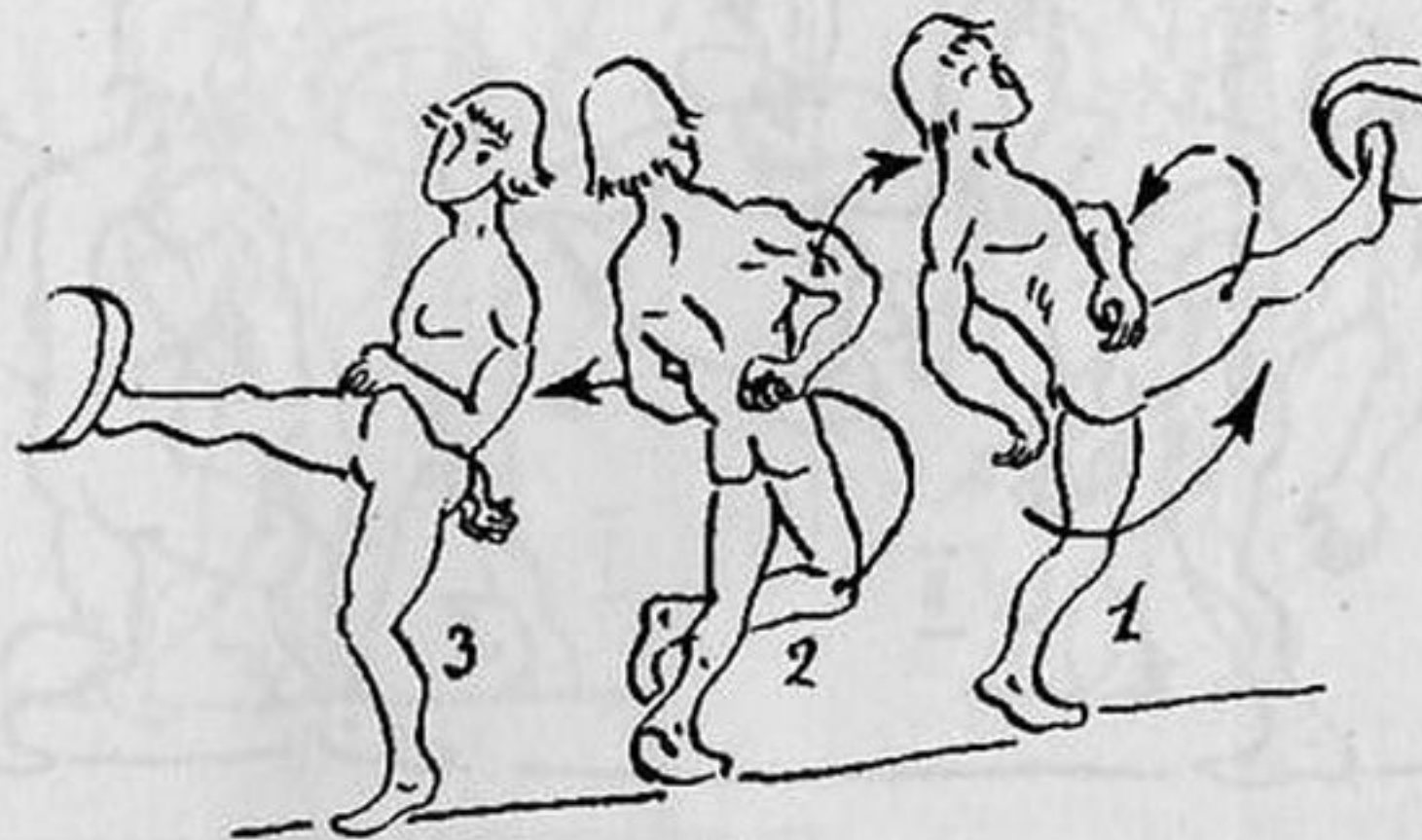
В общем, все предыдущие раскрутки тоже были инерционными⁽³⁶⁾, но если при работе разными конечностями сила трения, т.е. надежная почва под ногами, никак не мешала (а могла и помочь), то в этом случае (при двойном ударе одной конечностью или в паре рука-нога) чем меньше трение, тем лучше. Зимой эти связки становятся вне конкуренции.

Вы не найдете ни одну из них в восточных школах. На картинке раскрутка из двойного бокового: подпрыгивая на обычном боковом, таз разворачивает под нами ноги на осевую или даже за нее. Левая рука выбрасывается симметрично правой на максимальную отмахку (попутно можно изучить двойной удар: все четыре конечности ударяют в осевой: правый носок, левая пятка и оба кулака). Затем для раскрутки обе руки затягиваются по восьмерке на ось вращения: правая к груди, левая к спине. К этому моменту инерция развернет нас лицом ко второму противнику (если есть трение, придется предпринять второй прыжок или маятник - первый удар делается на отходе). Левый локоть продолжает прижиматься к спине, правая без остановки переходит из возврата (рикошетом минуя грудь) в боковой по второму и т.д. Вторые удары будут вдвое мощнее первого. Крутиться можно без конца.

(36) Термин введен нами для отличия этих "раскруток" ("вертушек") от вариантов 8, 18 и т.п.

Попробуйте самостоятельно сделать двойную отмахку: отмахка кулаком на сзади стоящего (с впрыгиванием на осевую, уходя от него), поворот спиной на второго и снова отмахка. Посмотрите оба варианта на дистанциях: локоть-локоть, локоть-кулак и наоборот. Очень мощным завершением раскрутки является удар ногой в осевой плоскости (после бокового: прижимая обе руки - боковой правой ногой). После отмахки - удар ногой назад - "легок".

23. РАСКРУТКА НОГАМИ: "ДВОЙНОЙ БОКОВОЙ"

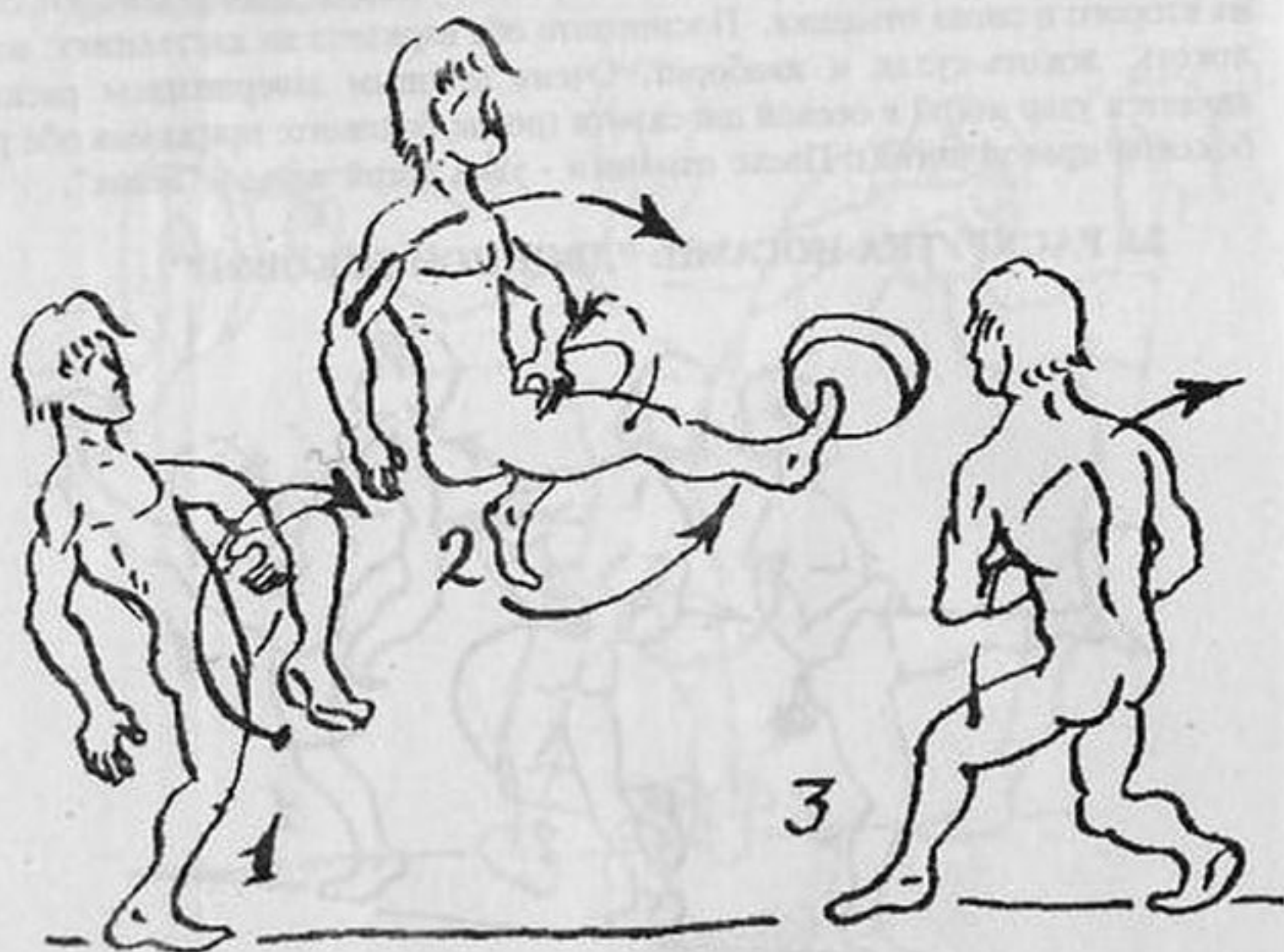
Раскрутки ногами, как ни парадоксально, довольно устойчивы на льду. Мы делаем обыкновенный боковой правой ногой, но на возврате затягиваем колено к левой подмышке, и, продолжая круговое движение бедра, опускаем его за левую ногу. Заряженные руки срабатывают в этот момент так же, как и в предыдущем примере (22). Они могут нанести двойной удар по воздуху вдоль осевой (так как до первого противника не достать) или в направлении под углом к осевой по третьему.

Удара может и вовсе не быть. В результате включения рук, мы к этому моменту уже оказываемся лицом ко второму и, продолжая вращение бедра, повторяем правый боковой, затягивая руки к телу. Раскрутившись ногой, можно выполнить второй удар любым другим способом, кулаком, например.

Одну из инерционных раскруток нога-рука мы рассмотрели в примере 16 - повторите его: мы стоим на осевой (фронтально, между двумя), не глядя на противников, отмахка ногой - раскрутка - отмахка рукой. Сделайте симметричную связку: рука-нога. Посмотрите и тот, и обратный вариант в разных режимах: колено-кулак, колено-локоть и наоборот.

Можно повторить отмахку ногой дважды, но это требует подготовки. Для начала во всех случаях (22 и 23) мы берем угол между противниками 180° и дистанцию - размах рук. Со временем следует "всунуть" маятник для увеличения дистанции, а угол варьировать от 90° до 270° . Но угол в 180° интересен тем, что мы перекрываем видимость нападающих друг для друга. Существуют еще десятки инерционных раскруток, которые пылливый читатель найдет без труда.

24. УДАРЫ В ПРЫЖКЕ

Прежде чем заняться изображенным выше, следует поупражняться в прыжке двумя ногами с места (через стул, затем через стол). Затем повторить раскрутку коленями: боковой - отмашка и т.д. (5) и раскрутку с боковым (18).

Попробуйте предложенную связку выполнить коленом (в уровень головы противника), а затем и стопой.

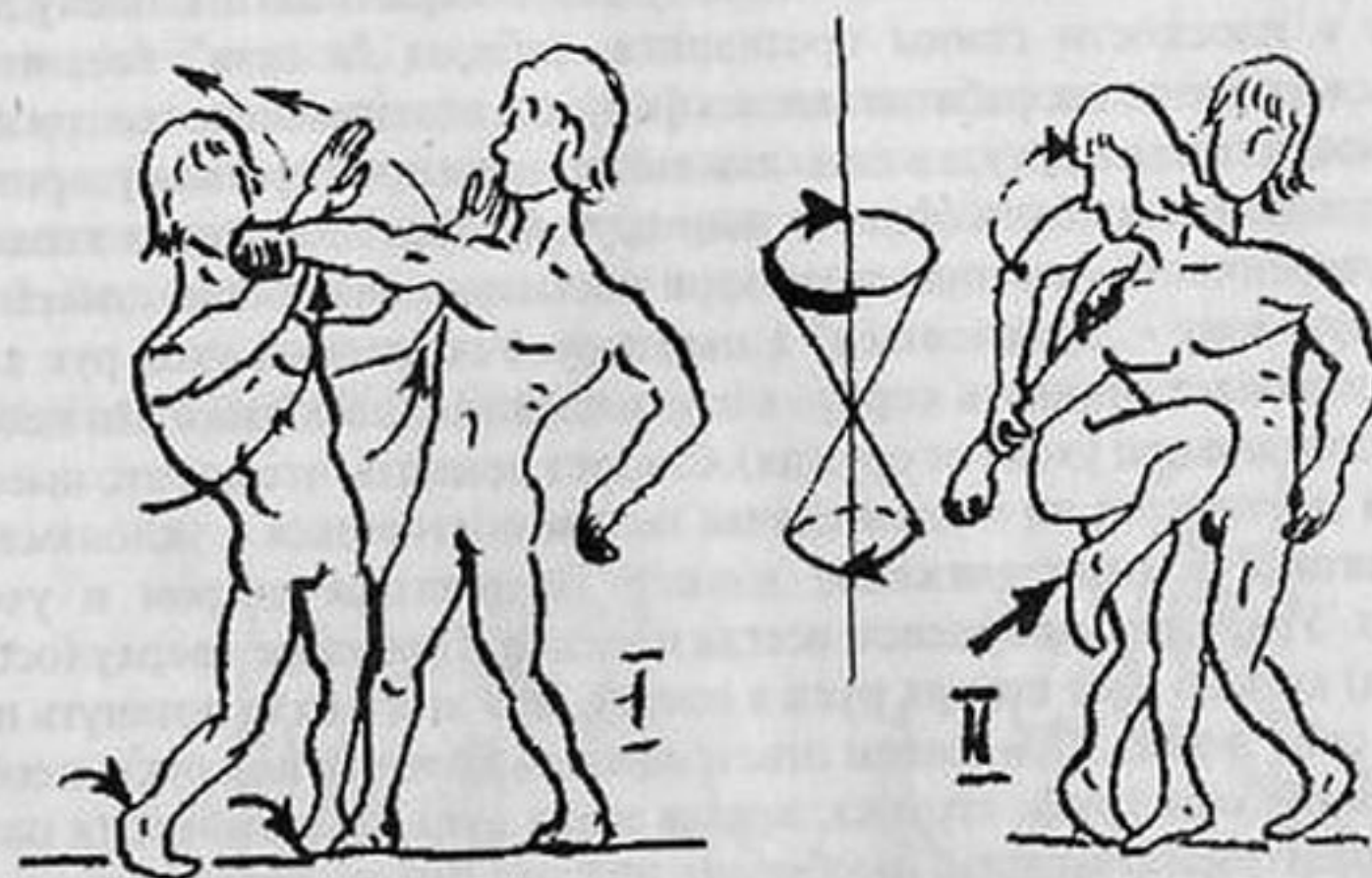
Предварительно левое бедро расслабленно (как в танце) заносится максимально вправо за осевую. В этот момент мы прыгаем вперед и вверх, одновременно делая отмашку левым коленом. Таз в воздухе делает восьмерку и еще на подъеме правое колено (стопа) выполняет боковой (снизу справа налево). К приземлению возврат ноги (с возможным ударом правой руки) разворачивает нас на 180° в то же положение, в каком мы оказываемся на возврате ноги во всех раскрутках (5, 6, 18, 19 и т.д.), но может быть, несколько ниже. Не останавливая (а ускоряя возвратом рук) вращение, мы прыгаем вновь, снова сопровождая прыжок отмашкой левым коленом. Необходимо попридерживать правую ногу под собой до поворота к противнику (а он может стоять под любым углом) и снова повторять боковой, нанося удар снизу.

Отмашка левого колена во всех случаях может быть защитой, а вся связка выполняется не как преследование, в 2-3 прыжка, а в один, в контратаке, защищаясь отмашкой от ноги или палки и пр.

Разумеется, к любой раскрутке (18-21) можно пристыковать прыжок и наоборот - по самым разнообразным траекториям. Таким образом, выбор связок даже в этом, далеко не полном, арсенале, весьма широк.

Мы не показали многого, стараясь показать то, что неизвестно. Например, передние и задние подкаты мало чем отличаются от восточных, а применение их в групповом бою опасно, да и в поединке они годятся разве что против дилетантов. А вот в пляске они очень популярны.

25. НАРУЖНАЯ ЗАЩИТА

Защиты как таковой в кулачном бою нет.

Иной психологический тип предполагает иной стиль боя. Система блок-удар, характерная для Востока, - это уход в крепость и вылазка из нее - такая тактика губельна для работы в кругу. У кулачника нет никаких крепостей - он все время в атаке.

Напомним, что мы рассматриваем защиту в трех ипостасях.

1. Мы видим противника до удара - никакой защиты не нужно - атаковать или уходить.

2. Видим удар в процессе выполнения.

3. Вовсе не видим удара.

Здесь речь именно о второй фазе. (Но в любой фазе мы не стоим в ожидании.)

Общие требования к защите (как и к освобождениям и к атакам) - это требования кругового боя. Все приемы должны работать и так, и наоборот, чтобы не менять стойки. Движения должны быть самыми общими: одним и тем же движением должна браться нога, рука, нож, палка и т.д. Ту технику, где эти условия не выполняются, мы считаем не древней (и непрактичной) и здесь не приводим.

Отрабатываем защиту - в разговорной стойке, с опущенными руками, лицом к противнику, выполняя ломание или прыжки в очень медленном темпе.

Партнер не имитирует, а наносит настоящие удары, однако медленно - в темпе, доступном для отражения. Мы делаем маятник вперед-влево, выпрыгивая (на ось удара) как можно ближе к бедру партнера, при этом корпус делает

вертикальную восьмерку, как на картинке (при ударе в голову) или наоборот (при ударе в живот), обходя по эллипсу руку (ногу) партнера даже в том случае, если собственные руки не сработают. Руки же с некоторым интервалом (так как они расслаблены) захлестывают партнера от плоскости его спины на себя, мягко подхватывая руку от плеча к локтю. Контакт должен ускорить ее и затянуть ее вправо-вниз (с захватом за руку, если возможно). Захватывая удар, руки должны замахнуться максимально влево и снизу-вверх-вправо идти к плечу партнера, скользя в плоскости спины противника, забирая "в сеть" все, что может сорваться от плеча, прорабатывая всю сферу, где потенциально содержится удар.

Смотрите не на руку, а в лицо или выше - руки при хорошем ударе не видно, да и удара может не быть (финт и удар другой). Для спокойного входа на удар нужна уверенность, что при грамотной восьмерке мы всегда сумеем войти в безопасную зону - "приклеиться" к партнеру. Ускоренный уход рук за осевую вправо позволяет откинуть корпус влево настолько, насколько это необходимо (до горизонтали при уходе от оружия). Следует помнить, что все это имеет смысл только в маятнике и ни в коем случае нельзя повторяться с уклонами.

Маятник в одно движение должен завершиться ударом и уходом от партнера. Удар правым коленом всегда надежен. При ударе сверху (особенно с оружием) колено идет поверх руки в голову. Для этого надо потянуть нападающего на себя и вниз. При вашем ответе правым коленом под руку необходимо захватить руку на грудь: сгрудка, правая наша рука захватывает (а она всегда возле нашего горла) запястье (особенно с ножом). Локоть противника выводится на грудь (здесь возможен и болевой), одновременно подводится таз до контакта (во всех вариантах защиты), затем - правое колено.

Второй вариант: можно не фиксировать руку, а захватив ее от плеча и раскручивая как пропеллер, вести вниз, затем влево. Когда она проскочит между нами и противником, правое колено бьет по корпусу - и уход.

Третий вариант. Возможно, дефицит времени заставит отказаться от удара: при достаточном опыте нетрудно завернуть удар нападающего в землю (или в его сообщника), заставив его опрокинуть самого себя.

Четвертым продолжением является удар правым локтем. При этом правая кисть не отпускает локоть партнера и, даже в темноте, промах исключен. Не отпускать руку стоит еще и потому, что простейший контрпримем - это раскрутка спиной на нас с отмашкой левым локтем.

Пятым продолжением будет раскрутка 8 (только в другую сторону) - разворачиваясь впритирку с правым боком партнера, мы делаем отмашку правым локтем сверху-вниз к осевой (выходя на шею), если партнер выше нас, тогда - снизу вверх.

Такая защита во всех пяти и более вариантах будет называться НАРУЖНОЙ. Если мы сделаем все то же самое под другую руку (а так и получится если нас "обфинтят"), мы окажемся между руками противника (внутренняя защита). Здесь мы также будем затягивать руку от плеча (теперь от "дельты") к локтю (левой рукой) и от локтя к запястью (правой), но скользить руками на замахе придется не по воображаемой плоскости спины, а по груди противника (снизу-вверх-направо), и удар коленом на этот раз придется под лопатку. Продолжения те же. Как ни странно, внутренняя защита, особенно с раскруткой,

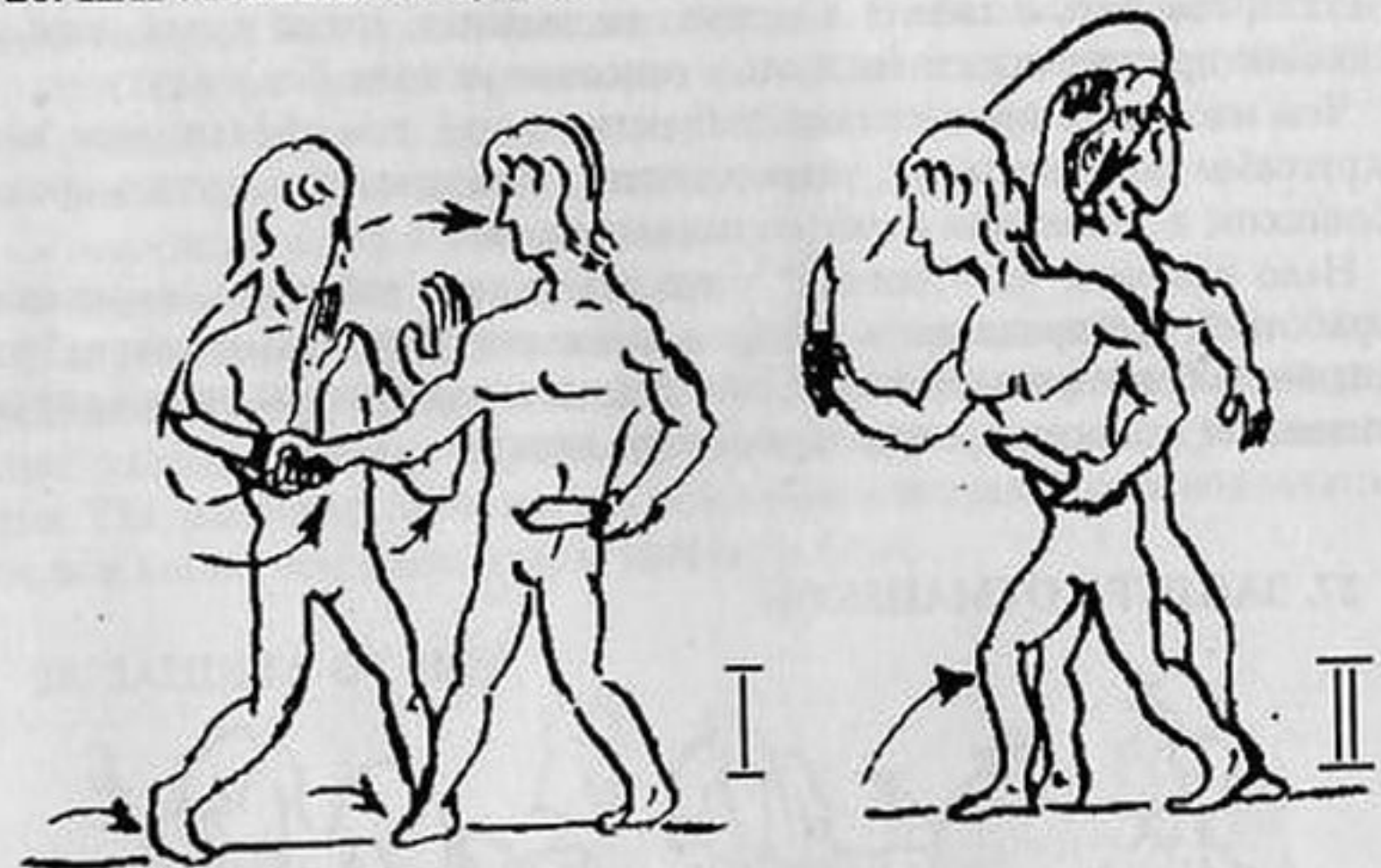
более безопасна, чем наружная, но психологически на нее трудно решиться.

Разумеется, если бой ведется в игровой форме - проблем нет. Таким образом, надо заранее выбрать, в какую сторону мы будем возвращаться и какое продолжение сделаем и не перестраивать раскрутку на другую сторону, если партнер сменит руку.

Иногда, уходя от третьего-четвертого, мы нарочно идем не под ту руку. Если оружия нет, то можно обойтись и без захватов, наматывая удары. Можно "наматывать" и оружие.

В реальном бою выполнение защиты всегда вероятно, а шансы выполнить блоки в современных боевых системах еще на порядок меньше. Большинство ударов будет упреждаться в первой фазе или пропускаться в третьей. Это естественно для любого уровня подготовки.

26. НАРУЖНАЯ ЗАЩИТА

В случае защиты от отмашки остается наружная защита и делать ее надо на замахе партнера, чтобы "свернуть" его, не дожидаясь удара. Если же отмашка уже пошла, выдерживаем ее наружной защитой (25) на осевую - на себя.

Прямые удары в нижнюю часть корпуса залавливаются так же (а кроме того, боковым или отмашкой колена, см. 3, 5, 24), но контакт происходит не ладонью, а локтем, который стремится за осевую влево, а мы - вправо. Предплечье в такой работе всегда становится вертикально в осевой плоскости, кистью вверх или вниз в зависимости от уровня удара.

Работая против ножа, надо очень чутко воспринимать движение и "не нервировать клиента" - не останавливать его силой. При защите от ножа сверху и с отмашки - наружная защита (25). От режущего бокового слева направо - внутренняя защита (25). При работе один на один в этом случае, лучше пропустить удар, уклонившись, переводя его левой рукой через себя сверху (или через низ), и догнать его в режиме наружной защиты.

При ударе снизу - наружная защита (26.1): левым локтем к плечу нападающего с обратной восьмеркой, т.е. сначала обходя лезвие животом, затем

грудью (обходя возможный уход лезвия вверх). Правое колено может доработать и без захвата руки с ножом, но если хотите - возьмите ее на грудь (25).

При двух ножах или при перебрасывании ножа - наружная защита с "прилипанием" или захват руки с выдергиванием по осевой вниз или вверх (см.25) или раскрутка с уходом за спину (на затылок - правый локоть) (26.П).

При раскрутках с ножом и ударах со спины работать локтем же - от лопаточки к локтю. Если мы ошибемся, придется пойти на внутреннюю защиту: под правую руку - наоборот или так же (26) - под левую.

Все продолжения работают как при ударе снизу, так и сверху в наружной и во внутренней защите.

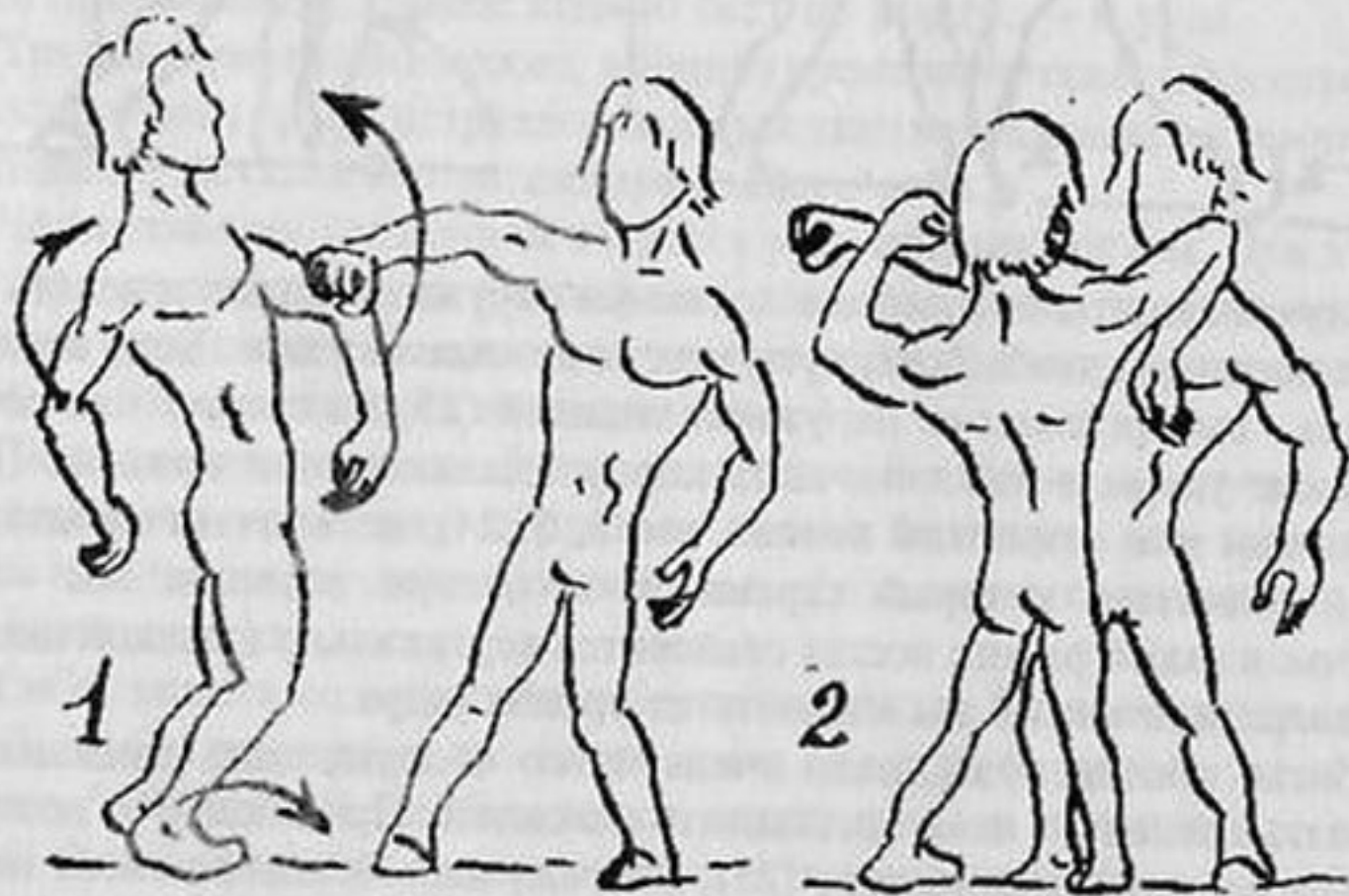
Мы предложили 5 продолжений, итого 20, каждое внутри и снаружи при ударах сверху и снизу, а есть продолжения на болевой, на задержание, на бросок - знать надо все, а шлифовать 2-3.

Несмотря на кажущуюся простоту, кулачная защита так многообразна, что мы можем говорить о защите в целом, не выделяя: голый кулак, нож, ногу, стрелковое оружие, предметы, а это - основное условие боя в кругу.

Чем массивнее предмет (кол, табуретка и пр.), тем эффективнее защита, где круговым движением рук, ударом колена, таза удается закрутить предмет в сообщников, в землю или в самого нападающего.

Надо помнить, что "защита" - это атакующее действие, основанное на "проработке" пространства, в котором возможен удар, "наматывание" удара, "влипание" в бедро нападающего, атака. В другом варианте мы учимся управлять противником, ускоряя бьющую руку (ногу, палку).

27. ЗАЩИТА ОТМАШКОЙ

Если предыдущие варианты защиты исполнялись в два движения, то этот (при синхронности ударов) - в одно.

Мы делаем маятник навстречу удару не уклоняясь, а вставая на его ось, при этом весь корпус раскручивается и идет обыкновенный боковой правым

кулаком (или локтем)³⁷. Вся хитрость в том, что вместе с правой (как при косьбе) идет отмашка перед собой левой, которая захватывает руку противника и затаскивает ее за спину, увлекая его на удар. Если "пристроиться" к маятникам противника и начать защиту одновременно с его ударом, то левая рука нападающего остается ни при чем - он получает удар в тот момент, когда предполагает нанести его сам и тем сильнее, чем сильнее собирался ударить нас. Отмашка может производиться как кулаком, так и локтем, но едва ли сгодится против тяжелых предметов (лом, например).

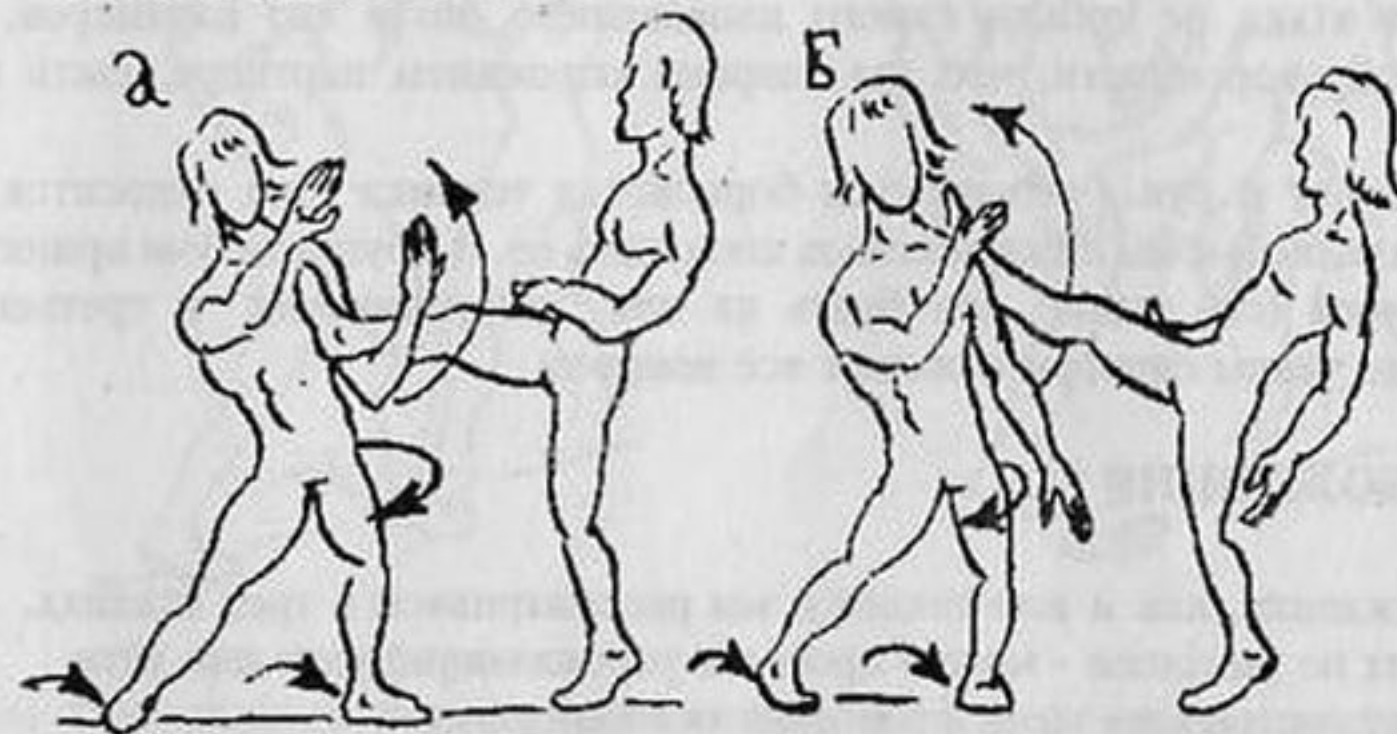
Эта защита возможна как во внутреннем варианте (см. картинку), так и в наружном. А еще лучше, не дожидаясь удара, атаковать связкой отмашка-боковой, но это уже первая фаза боя. Основным же вариантом второй фазы остается защита 25-26.

Отдельно надо сказать об упреждающих ударах. Вообще любой удар является защитой, мы укажем лишь некоторые. От бокового правого:

- боковой же правой в дельтовидную мышцу (выключение руки);
- рубящий правой в предплечье или бицепс;
- боковой левой ногой в подмышку;
- отмашка правой ногой под локоть;
- боковой левым и правым локтем.

В первой фазе любой, хоть сколько-нибудь упреждающий, удар (с тем же направлением раскрутки) будет надежной защитой. Все перечисленные упреждающие удары, должным образом примененные, эффективны в защите от оружия. Так, например, легче выбить нож отмашкой правой ноги под локоть или левой под кисть, чем ждать удара, уповая на блок.

28. ЗАЩИТА ОТ НОГ

От ударов ногами в голову достаточно все та же наружная защита (25). Ногу, идущую слева (как и нож), лучше "пропустить" рукой, отойдя с маятником или "вертикальной восьмеркой" (см. 25), или "перекинуть" левой рукой через себя (28б), дабы атаковать на возврате бьющей ноги. Продолжением будет либо опрокидывание, либо удар (коленом, допустим). Нога же, идущая в корпус,

(37) На занятиях желательно локтем по "лапе"

берется так же, как и нож, - прямой или снизу (см. 26). Т.е. нога ускоряется предплечьем, огибается по дуге (вертикальная восьмерка) и мы проходим на удар правым локтем или правым коленом - все в ходе одного маятника. Но если противник стоит лицом, то этот вариант чреват встречей с его рукой, тогда, отведя его ногу, мы выполняем защиту отмашкой (27), делая отмашку левым локтем вперед и боковой правым локтем.

Захват будет производиться так же, но с захлестом левым предплечьем ноги противника от колена к стопе (28а). Разворот корпуса - не менее 90°, для того чтобы полностью обогнуть осевую удара (повторите 25) - наклон назад ("сгрудка").

Единым движением корпуса нога увлекается выше - на плечо - так поднимают бревно. Правая рука при этом захлопывает "капкан" - не дает убежать ноге через верх. В момент взваливания на плечо необходим мощный маятник (вперед или назад), иногда - удар тазом, чтобы опрокидывать в безопорной фазе. Можно и завернуть удар в соседа или перевести захват в задержание, заломав ногу. Продолжением в стойке будет правое колено или стопа, которые должны успеть до падения противника. Можно не брать ноги, сделав раскрутку (см. 26). Если нам необходим захват бокового, идущего слева, то стопу лучше оставить за спиной (б) ("внутренняя" защита) - ведь мы договорились не менять стойки и направления раскрутки. Поэтому, кстати, левую ногу нам придется брать так же, а не наоборот; таким образом, вариантов в 28 будет не два, а четыре: наружная и внутренняя защита в право- и левосторонней стойках. Что до первой фазы - упреждающих ударов, то они наиболее эффективны: например, боковой носком (коленом) в голень (бедро) с продолжением правой рукой и т.п.

Следует заметить, что захват ноги - действие неэффективное: взяв ногу, мы подвергаемся атаке не только самого нападавшего, но и его партнеров, а стопроцентной уверенности, что мы вовремя опрокинем партнера, быть не может.

Захваты ног и рук - это по сути борцовская техника (она относится к "свалке-сцеплялке") и мы лишь вскользь коснулись ее. В круговом бою принято "обходить" ноги (см. выше) или брать их для "заворачивания" в третьего. Упреждающие удары сапогом снимают все вопросы.

ОСВОБОЖДЕНИЯ

Освобождения, как и всю технику, мы рассматриваем в трех стадиях.

1. Захват не завершен - можно провести упреждающий удар или уйти.
2. Захват состоялся - здесь и работают освобождения.
3. Захват перешел в борьбу в партере или в грамотное задержание - здесь возможны и борцовские "дела", и те же освобождения. А в случае задержания требуется еще и "актерский выход" из ситуации.

В связи с захватами встает вопрос о применении борцовского арсенала. И здесь мы не можем согласиться с многочисленными авторами, пишущими о "закономерном переходе ближнего боя в борьбу" (Спиридонов). Это кабинетные догмы. Применять бросок стоит лишь тогда, когда он решает проблему быстрее и

надежнее, чем удар - но таких случаев единицы. В групповом бою не стоит рисковать и в этих случаях. И все же неумение бороться и незнание боевых освобождений могут перечеркнуть самый блестящий бой.

Все освобождения, согласно нашей традиции, мы будем предлагать в двух вариантах: в мирном, т.е. из арсенала борьбы (его задача - примирение или же это "свалка-сцеплялка" в игровой своей форме), и в боевом - кулачный бой (задача - нокаут).

Здесь нет, как в современном самбо или, тем паче - в айки-до, двух-трех-этапных приемов (перехват конечности, перевод в партер, добивание и т.д.). И Спиридонов, и Харлампиев, как и Уесиба или Кано, грешили этой замудренностью. Все наши старые освобождения делаются в маятнике, в одно движение, и по времени укладываются в темп удара. Изучать же их надо как можно нежнее.

Круговой бой требует предельной простоты и надежности и все варианты (а их сотни и сотни) сводятся к четырем основным: сгрудка, выведение локтя на осевую, продергивание руки по осевой, удар тазом. Для того, чтобы против вас не смогли бы провести все эти освобождения есть одно гениально простое правило, о котором мы умолчим. Не хватайте людей - и оно вам не потребуется.

29. ОСВОБОЖДЕНИЕ РУК ("сгрудка")

а) Мирный вариант

б) Боевой вариант

а) При захвате рук (и выше локтя, и ниже) сводим локти вместе, выкручивая, сколь возможно кисти наружу - до удара тыльными сторонами ладоней друг о друга. При этом сгрудка - никакой сутулости. Вместе с тем локти наши упираются в таз, и тазом - энергией маятника - устремляются в сторону лица противника, выталкивая его из стойки и опрокидывая, если необходимо.

Не надо до времени (пока не разомкнется захват) тянуть руки на себя, провоцируя контратаку. Все наши варианты делаются мягко, без усилия. Работаем мы только по осевой, только в маятнике. По возможности, наступая на ногу противника, разворачивая таз - перекрывая одновременно ответную работу ногами.

Были в русской традиции и различного рода забегания (т.е. работа вне осевой), но их, как чисто борцовские вещи, мы опускаем. (Да они и известны, отчасти, по самбо и по школе Спиридонова.)

По тем же причинам опускаем мы и многое другое (например, работу на пальцы). Да и нет времени на все это в круговом бою.

б) Боевой вариант предельно прост: мы делаем сгрудку, отводя прямые руки назад - в стороны с одновременным боковым (прямым, отмашкой) коленом в корпус (ребра, диафрагма, под лопатку). Удары в пах, принятые на Востоке, для нас не типичны: во-первых, негуманно, во-вторых, неэффективно (нет покаута). Работу коленом можно дополнить мирным вариантом - для дальнейшего ухода вперед или вращением рук в противоположную сторону - при отходе назад (при этом противник кладется плашмя).

Отрабатывать боевой вариант надо на полную катушку, ударяя грудью, как в "петушином бою", но колено пропускается мимо корпуса.

Боевой вариант работает и при прочих захватах (за грудь, горло, голову). При этом мы прижимаем ладони противника к себе, дабы не убежал. (В традиционном исполнении хватается одна рука и не пальцами, а основанием ладоней.)

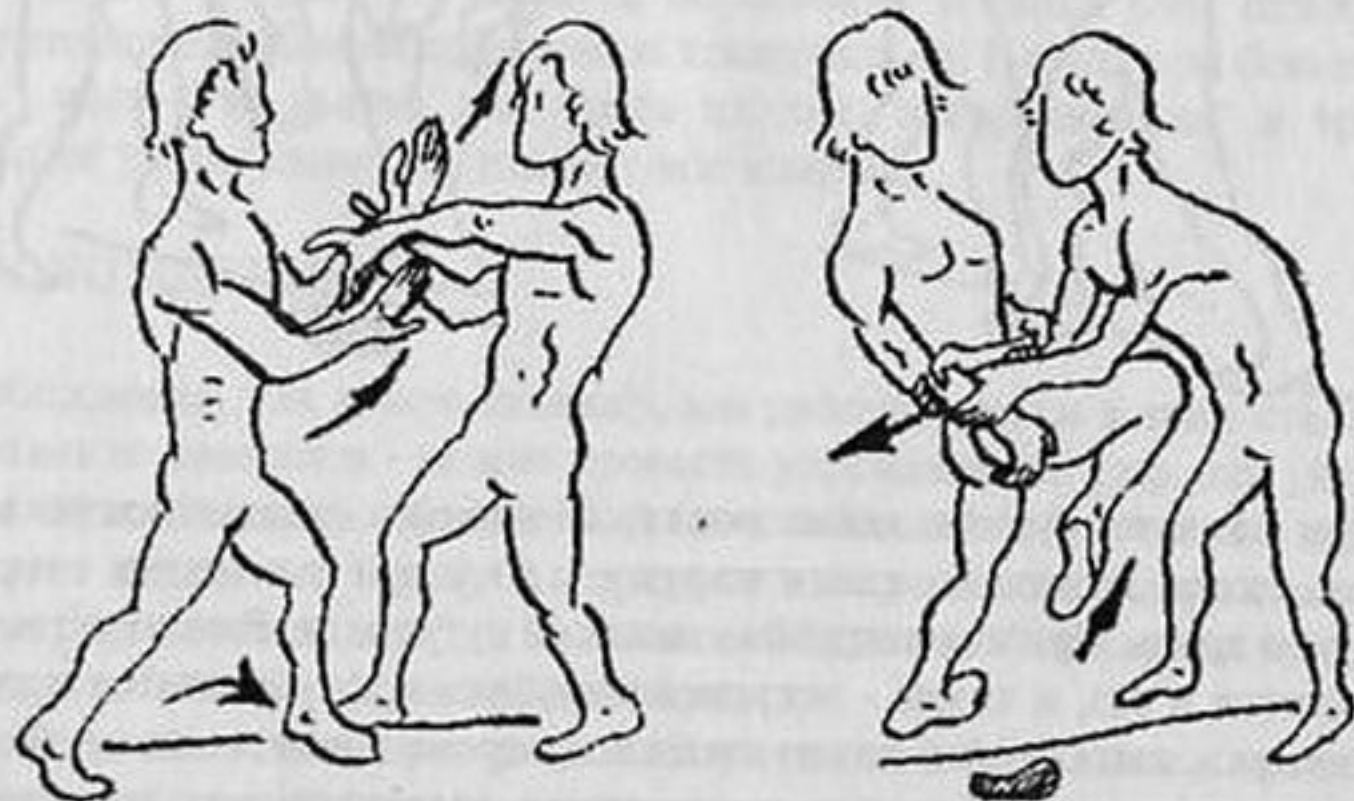
Нетрудно заметить, что все наши освобождения, как и защита, взаимозаменяемы. Этого нет в современных системах: дзю-до и пр.

Ко всем нашим вариантам хорошо "приклеиваются" самбистские концовки (тоже русские) - на задержание или бросок. В поединке все это может иметь смысл, но не в кругу.

30. ОСВОБОЖДЕНИЕ РУКИ ПРИ ДВОЙНОМ ЗАХВАТЕ ("сгрудка")

а) Мирный

б) Боевой

а) Здесь мы имеем такой же маятник с упором локтя в бедро, как и в предыдущем варианте. Следите за тем, чтобы захваченная рука не выходила из

осевой плоскости. Она также идет к лицу противника и делает все то же, что и в 29. Наши ладони также разворачиваются тыльной стороной друг к другу, но теперь они работают "враздрай" - на максимальном усилии левой руки вперед ребро правой срубает верхнюю руку противника, работая на себя. "Срубленная" рука отводится в сторону или к себе на грудь, по мере опрокидывания противника.

Во всех освобождениях, как и в защите и в ударах, мы стремимся к контакту тазом - в конце маятника корпус наклонен от противника. В борьбе (дзю-до и т.п.) всегда наоборот.

б) Боевой вариант напоминает наружную защиту: захватив свободной рукой ближайшую руку противника (дабы он не передумал и не убежал), продергиваем его по осевой на себя обеими руками, а сами по дуге обходим руки и работаем коленом. (На тренировке, естественно, мимо.)

Обратите внимание, что за счет сгрудки лицо наше всегда вне досягаемости вражьего лба.

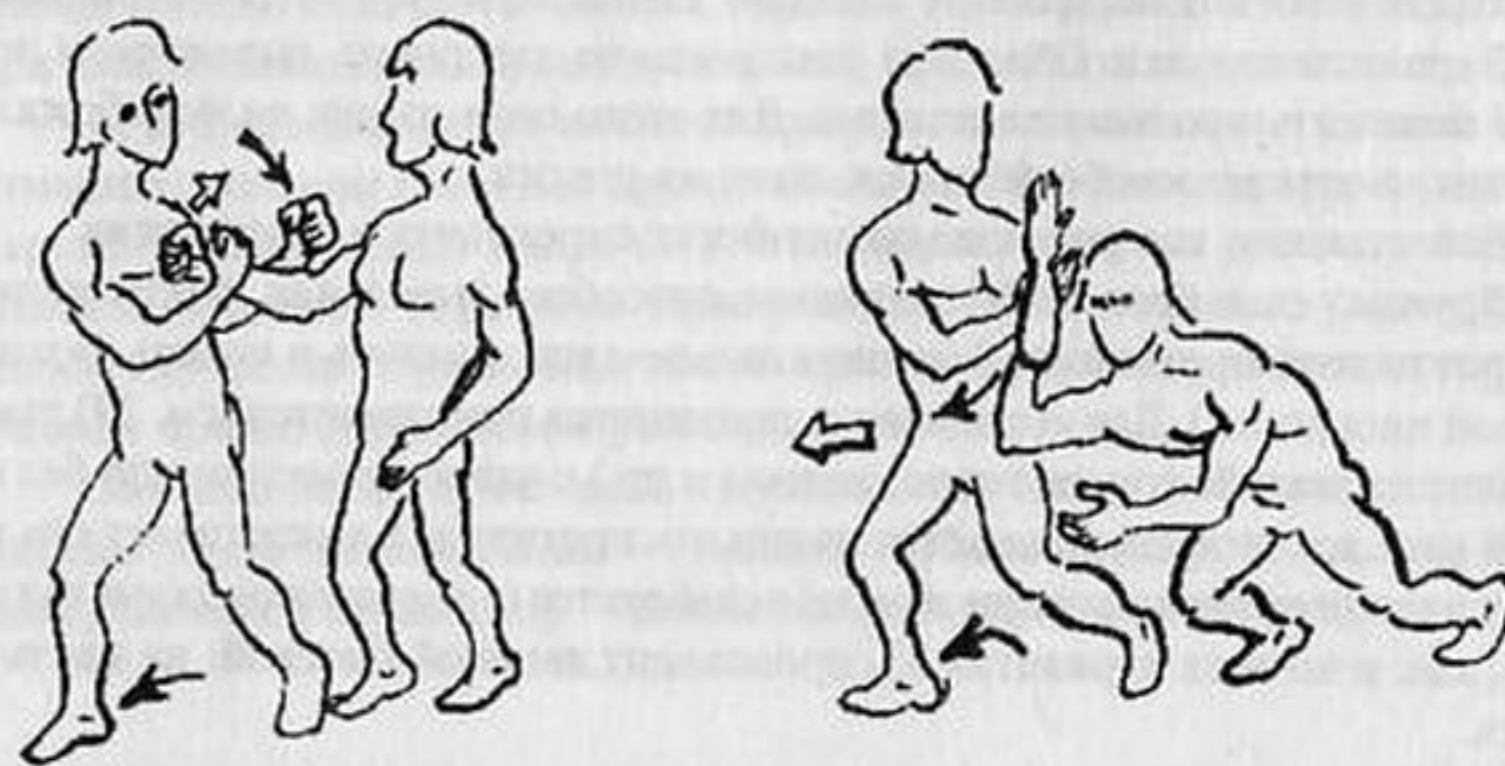
Все мирные варианты, как бы враскачку, могут перейти в боевые в том случае, если они не проходят из-за ловкости противника или отпадают из-за его агрессивности.

Для сильного противника бывает необходима имитация мирного варианта с выходом в боевой, т.е. небольшой натяг в одну сторону и рывок - в противоположную.

31. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ЗАХВАТОВ ЛОКТЯ (груди, горла, волос) ВЫВЕДЕНИЕМ ЛОКТЯ НА ОСЕВУЮ

а) б)

в)

а) Выведение локтя, в отличие от 29, 30 можно делать как на маятнике назад, так и вперед. Захватить нас могут как одной рукой, так и двумя - работаем на любую. Если противник тянет на себя или его локоть опущен (уже близок к осевой) - этот вариант будет предпочтительнее, чем прочие. Одноименной рукой мы фиксируем руку супостата на груди (шее, голове), прижимая ее к себе, другой

рукой бьем в локтевой сгиб захватившей руки сверху - к осевой - на себя, делая маятник назад и разворачивая плечи на 90°. (На самом ударе надо "помочь" партнеру согнуть локоть - приблизиться к нему своей "сгрудкой".) Противник не может ничем ответить при выведении его локтя на осевую. Это положение нужно поймать - оно и будет правильным. В мирном варианте нужен глубокий маятник - и мы без труда положим противника на живот. Можно качнуть маятник обратно, перейдя на залом, и опрокинуть нападающего на спину.

б) В боевом варианте не надо выводить противника из равновесия, а лишь слегка развернуть и подать бочком на удар коленом. Тут делается маленький маятник и отходящая нога, притопнув, отскакивает от земли обратно - по ребрам. Все эти варианты в одно движение: колено идет, когда локоть еще тянется на себя. Эта работа (31 а, б) делается и в другом варианте: вместо того, чтобы выбивать локоть противника на осевую левым кулаком, можно взять этот локоть снизу правой рукой и рывочком на себя и вверх опрокинуть противника или подать на "коленце".

в) При захвате руки выше локтя необходима незаметная сгрудка, руки слегка протягиваются на себя, как в 29б, и когда ладонь противника ляжет на грудь, мы накрываем ее одноименной ладонью, защемляем обе ладони локтевым сгибом и выполняем 31 (а или б), выводя локоть на осевую за счет кручения кисти. Корпус не наклоняется - маятник назад. Это универсальный вариант - тут не надо смотреть, как захвачена рука: изнутри или снаружи, за одежду или нет - главное контакт ладони на своей груди.

Точно так же можно вытащить локоть на осевую, работая на ладонь, защемив ее в подмышке (при захвате за грудь или за рукав). Здесь также можно вернуть маятник вперед, опрокидывая на спину. Всякий маятник вперед может переходить в боевой вариант не только с коленом, но и с подхлестом локтем.

Варианты сгрудки (29а, 30а) также можно завершить выведением локтя, чтобы положить противника плашмя. Для этого одна из рук не освобождается до конца, а другая освободившаяся идет на локоть.

Естественно, все опрокидывания могут переходить в задержания.

Другим, еще более эффективным способом выведения локтя является разворот ладони противника большим пальцем вниз (ладонь и локоть находятся в осевой плоскости). Для этого ладонь противника прижимается (см. 29) там, где она была на захвате (грудь, горло, волосы и пр.) с ударом коленом или без него. Левый наш локоток накидывается на локоть противника и осаживает его вниз. Захват ладони противника при этом не ослабляется (а делается он двумя руками). Здесь, как и во всех вариантах 31, происходит двойной болевой: на кисть и на локоть.

32. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ЗАХВАТА ГОРЛА (груди, волос и пр.) "ПРОДЕРГИВАНИЕМ ПО ОСЕВОЙ"

б)

в)

а) В мирном варианте мы накладываем свои ладони на ладони противника и вжимаем их в собственное горло (грудь). Далее, обходя по дуге (см. 25 и 30б) кисть противника, сгибая и разжимая ее своей шеей, продергиваем руку по осевой за себя. Сильная динамика: плечи от, а таз на - до удара тазом (который может перейти в бросок). Для того, чтобы положить противника на землю, достаточно усилить продергивание маятником назад, дожимая левым локтем его плечо. Можно откачнуть маятник обратно. Продергивание - надежный вариант при набрасывании на горло веревки или при захвате за ворот.

б, в) Боевой вариант делается сразу на продергивании - прямой (боковой, отмашка) коленом (32б) или другим коленом (32в) на возврате маятника, как в наружной защите (25) или в (31). Этот вариант хорош тем же - отсутствием анализа: что там - скрестное удушение, захват за лацканы, удавка и пр.? - в любом случае кисть раскрывается. А отрывать руку от горла (как в современных школах принято) при таком раскладе ни к чему.

Захваты за ноги мы здесь опустим: отметив, что боевые освобождения должны быть мгновенными - колено, рубящий удар и т.д., а мирные - выкручивание головы и пр. - известны, да в круту не годятся.

33. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ЗАХВАТОВ ТЕЛА (удар тазом)

а)

в)

Все четыре вида захвата тела (с руками и без, спереди и сзади) устраняются единым движением: удар таза назад, руки вперед (с вкручиванием вовнутрь, но не выше плеч). Надо научиться работать тазом отдельно, так чтобы плечи стояли на месте. Таким ударом можно отбросить нападающего метра на три.

а) При захвате спереди с руками таз уходит назад, пропуская колено вертикально вверх (пах, ребра). Опускаясь, нога может работать пяткой по стопе и снова подняться - по надобности. Не обхватывайте противника! - Напротив, засовывайте руки между - на подъеме они будут отжимать таз, направляя удар. Контролируйте голову противника "сгрудкой". Отжимать противника надо, направляя руки в пах - так предотвращаются заходы на бросок.

б) При захвате без рук - все то же, плюс возможность обнять шею противника одной рукой (для контроля головы) и опрокидывание его другой рукой (нос, глаза) - после можно работать коленом под лопатку. Это же "объятие" будет контрприемом от броска. Зацепы ног здесь явно опаздывают. Опрокидывать надо не отталкивая, дабы противник не увлек вас, а подламывая ("ломок") под себя, при этом таз противника выводится в сторону - коленом под колено.

в) При захвате сзади - удар тазом должен решить все проблемы. Вместе с ним звучит удар обеих пяток в пол (а то и по стопе) и удар затылком назад. Последний и сам по себе достаточен, но и помогает грамотно ударить тазом. Руки, вкручиваясь вперед и вверх, не дают сойтись захвату, а если он сошелся, то на возврате таза вперед, с винтом - локоть работает по осевой: диафрагма, челюсть (при обхвате с руками). Или через верх - на осевую же - шея, голова (двойная отмашка локтями) при захвате без рук. Мы ведь в самом деле не знаем,

каков будет захват: с руками или без, а может опять - удавка? В любом случае - удар тазом, а потом - локти через верх или через низ - это продиктует сам захват. Отрабатывать захваты надо с подхода (с прыжка) партнера, а не из статики. Удар тазом можно опробовать на "груше" или на "коне" (последний должен улетать с "копыт").

Мирные варианты связаны с работой по точкам.

б) При захвате спереди без рук, как замечено выше, - нос или глаза. Нос "находится" снизу - скользит ладонью от подбородка. Глаза накрываются сверху: указательным и безымянным пальцем. Давление вверх, под надбровные дуги. Такая работа совершенно безопасна, а сам факт закрытия глаз имеет большое психологическое значение.

а, в) При захвате с руками (и спереди, и сзади) захватить мошонку (левой рукой если противник в зимнем), быстро сжимая и разжимая. Все эти варианты (а - в) пригодятся, если мы окажемся в партере.

Если вас успели поднять в воздух, работайте тазом, заканчивая "волну" обеими пятками по голени, а рукой - на мошонку. Если вам случилось упасть с партнером, не надо кататься, постарайтесь встать побыстрее, опираясь на те же самые точки (пах, нос, глаз) и противник поможет вам подняться. Сделав захват болевой точки, мы сначала подтягиваемся так, чтобы быть над ней, а затем встаем, опираясь на нее.

Во всех случаях могут иметь место удары лбом, плечом, грудью. Последние два очень сильны в кулачной технике.

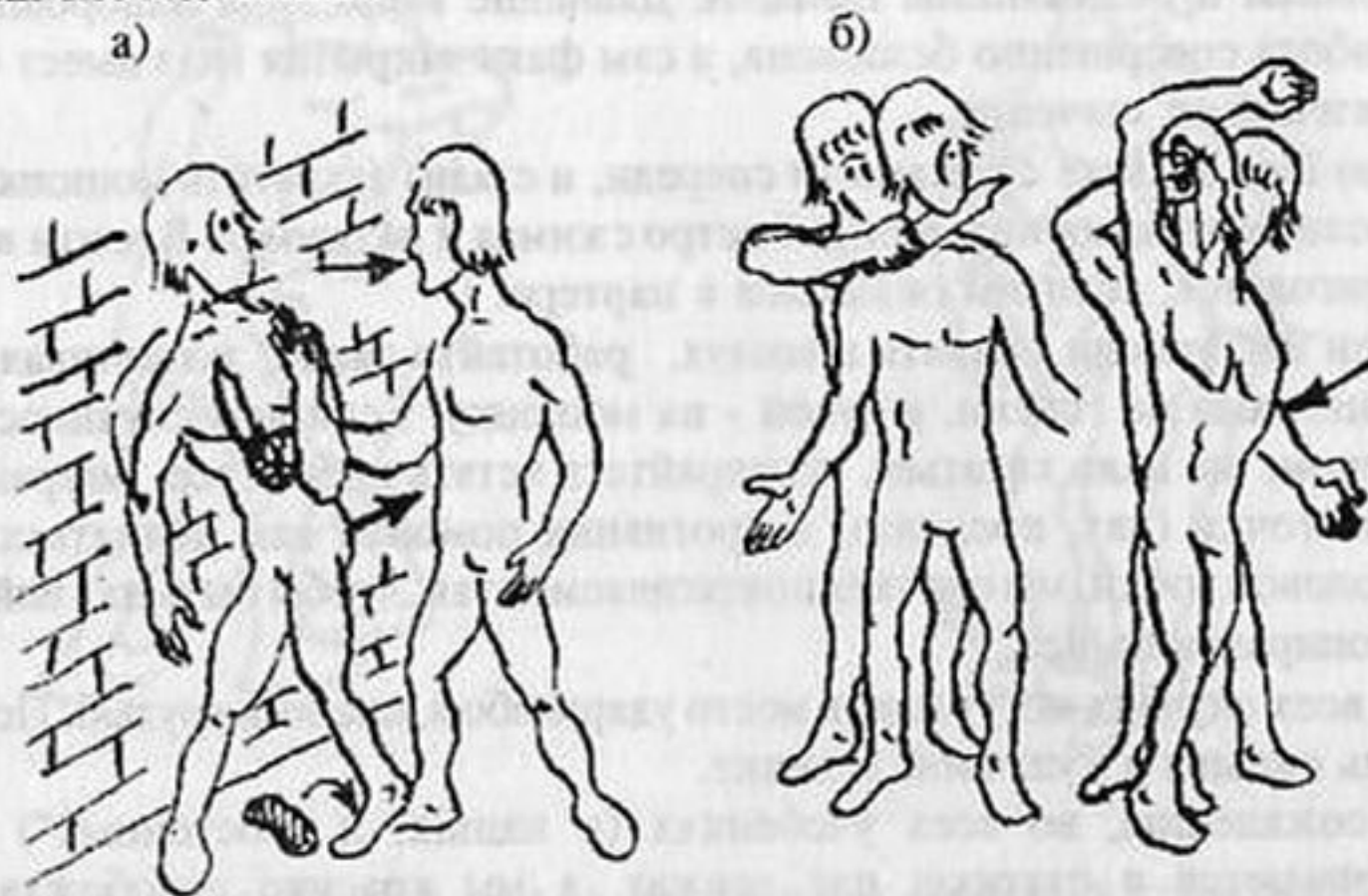
К сожалению, во всех учебниках (и наших, и "восточных") захваты рассматриваются в статике: нас держат, а мы красиво освобождаемся. В реальной ситуации опасна динамика: нас схватили и рванули (ударили, бросили, повисли на нас и т.д.). Поэтому важно нарабатывать реакцию на захват (тело в русской традиции всегда наклоняется от нападающего): сгрудка, удар тазом и т.д. Куда мы пойдём - на него или от, и какое будет продолжение, должно зависеть от рывка противника. Все освобождения должны быть взаимозаменяемы, ведь мы не знаем, как нас схватят, а рассуждать некогда.

34. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НОЖА (пистолета и пр.)

Защиту от оружия мы разбивали на три этапа.

1. Упреждение ударом.
2. Собственно защита (25 - 27).
3. Освобождение от приставленного оружия.

Последним этапом обычно пренебрегают, увлекаясь блоками, но он-то как раз самый злободневный.

Несколько общих правил.

1. Маятник всегда в сторону ножа (не убежать!). Тем более, если нож прижат, не ослаблять давления на лезвие (ствол), иначе могут рефлекторно прыгнуть (стрельнуть).

2. Наматывание на тело и выкладывание лезвия (ствола) плашмя на себя (на тело противника, землю, стенку - по обстановке). Направление наматывания складывается из двух движений, указанных самим оружием (если мы его видим или чувствуем): вверх - вниз и вращение.

Поскольку мы всегда идем на нож (не на противника - он может быть и в стороне), всяческие прижатия нас к стене и пр. роли не играют. Но запас движения надо подготовить: например, вас поднимают на носки, уперев нож в подбородок. Надо встать на носки, сгибая колени, чтобы была возможность уйти вверх от лезвия, наматывая его на шею (плечо, щеку). Или же лезвие направлено вниз, а вы уже сидите и вниз, вроде бы, некуда - надо уходить винтом, наматывая нож в сторону и т.д.

3. Фиксация оружия на теле, если оружие досягаемо и руки свободны. Фиксация идет одной (или двумя) руками, вместе с ударом (на картинке (34а) намечен подхлест правым локтем). Удары, по возможности, дублируются: локоть-колени. Если бы некто держал нас за руки, пришлось бы работать только коленом, без фиксации.

4. Смотреть в сторону. Особенно с пистолетом, чтобы не выдать себя взглядом.

Удары можно завершать опрокидыванием, применяя арсенал 29-33, заломы плеча и т.п., а также "коленце" под бедро.

При подведении ножа к горлу следует идти, на нож, подводить под него плечо или щеку (34б), дабы ими "наматывать" лезвие. Продолжением в предложенном варианте может быть нырок под правую руку (с ударом таза) с прижатым к щеке ножом и пр. колено в корпус. (Правая рука противника зажимается нашим правым локтем). Можно раскрутиться и в другую сторону.

Нужно опробовать все возможные варианты. Правила общие - и все многообразие сведется к 5 - 10 случаям.

Ножа может быть и два и под разными углами. Да и с одним сгоряча можно ошибиться с направлением. Однако с опытом тело научается наматывать любое оружие.

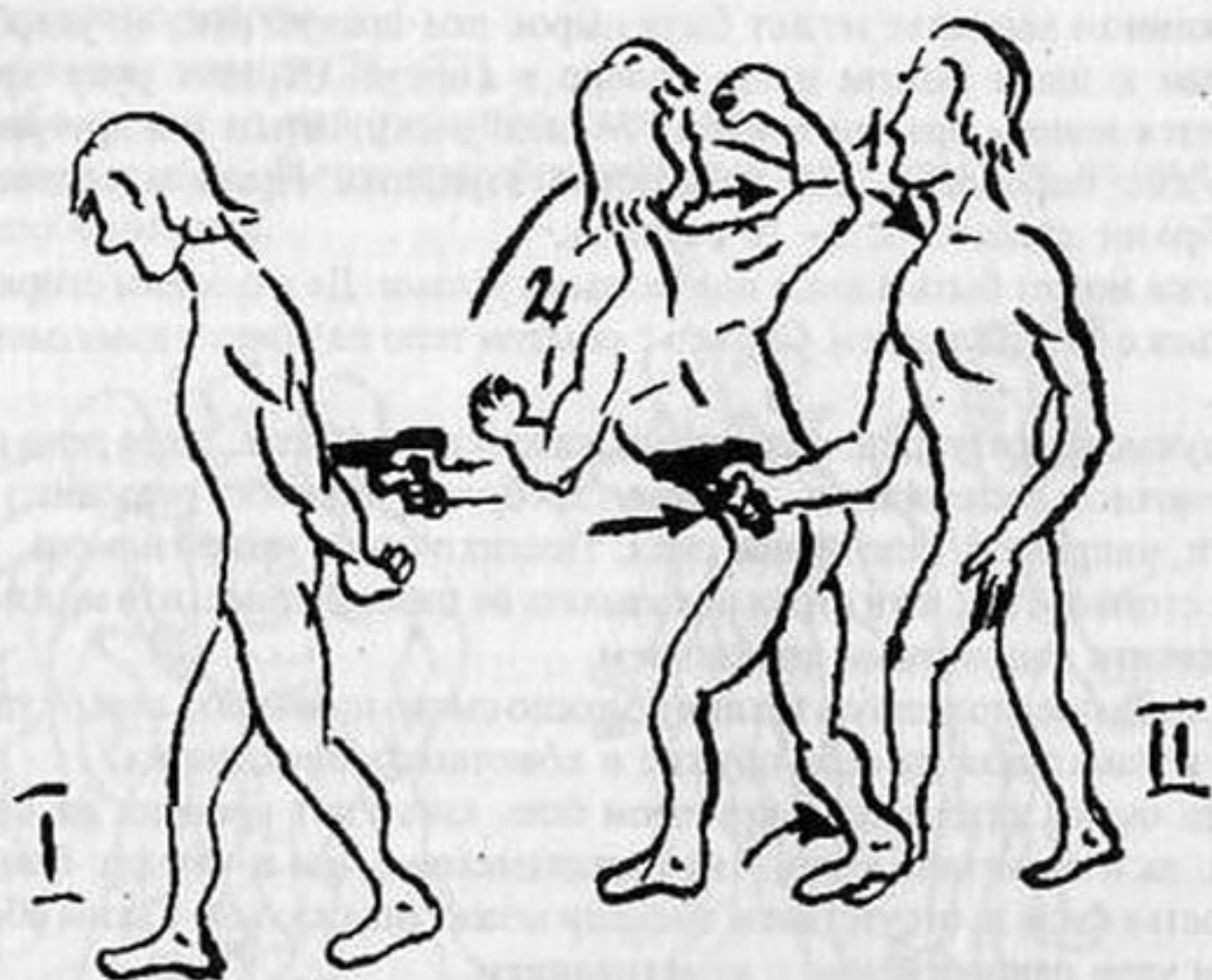
Случаются ситуации, из которых, кажется, не выйти. Здесь дело не в ноже, а в грамотном задержании, поэтому требуется игровое решение: инфаркт, судороги, например. Еще лучше смех. Песенка очень может помочь. Нападающего не стоит пугать, но и страх показывать не надо. Лучшее, что можно сделать, это озадачить непонятным поведением.

Освоив предложенную технику, можно смело применять ее и от ударов, идя в атаку и наматывая на себя оружие и конечность противника.

Это очень интересно в круговом бою, когда нет времени на проведение защиты, да и на анализ атаки - на разглядывание, чем и как вас бьют.

Третья фаза за отсутствием времени может опускаться. Таким образом, мы наносим удар одновременно с наматыванием.

Возможен еще один режим работы, в котором удар оставляется на потом, а наматывание переводится в удар в третьего или в стрельбу по третьему, четвертому. В этом случае не стоит бороться за нож (пистолет) - его могут не отдать. А даже если "отдадут", где гарантия, что пока мы отбирали, не выстрелит кто-то третий. Мы наматываем оружие (см. 34а) и выкидываем нож в третьего ударом под локоток с ударом тазом (или коленом), чтобы нападающий не помешал. На "намотанный" пистолет мы накладываем правую ладонь и ею жмем на указательный палец противника и поворачиваем ствол - а он плотно прижат к нам - всем корпусом. Пока идет стрельба, мы работаем коленом или последний выстрел оставляем для хозяина пистолета. Автомат также можно выложить на тело, но так, чтобы не помешать движению затвора.

При подводе оружия со спины или при конвоировании сразу идем тазом (или плечами - если в затылок) на противника, в зависимости от обстановки поворачиваясь в разные стороны. Оружие при этом может отводиться (выбиваться) ударом руки или забираться в подмышку. Четыре основных варианта: вращение вправо-влево, с захватом руки и без. Далее, как можно более плотный контакт или хотя бы сближение таза и работа локтем-коленом.

Если оружие не контактирует со спиной и вы не можете определить расстояние до него (по звуку шагов, по тени), нагнитесь, уронив очки (завязав шарфик), и, наблюдая между собственных ног, определите дистанцию. Например, можно "подвигнуть" ногу и вынудить конвоира подтолкнуть вас стволом и т.п.

При пистолете, наведенном в упор, главное - маятник с вертикальной восьмеркой (см. 25 - 26), обходящий ствол (смотреть в сторону). Для отвлечения внимания можно "напомнить" противнику о необходимости спустить с предохранителя и т.п.

На маятнике можно:

1. Выбить пистолет отмашкой правой ноги под локоть (левой - под кисть), ударом двух ладоней - левая ребром, правая - со стороны большого пальца - так называемые "ножницы".

2. Отвести руку левой ладонью или предплечьем.

3. Выстрелить из пистолета в нападающего или в сообщников: "ножницы" на маятнике - левая ладонь на тыльную сторону его ладони, держащей рукоять, а правая (большим пальцем) - на указательный палец стрелка.

Все варианты должны завершаться правым коленом, а в 3-м - после колена возможно несколько прицельных выстрелов.

С автоматами те же дела, что и с ножом (34 - 35), да и возможность использовать их как рычаги.

Выбивание здесь неуместно. А от штыка см. наружную защиту (25 - 26), которая хороша противнику за спину - под левую его руку и работая левым локтем, коленом.

Вообще АКМ оружие крайне громоздкое, не удобное для рукопашного боя, особенно опасное для соседей нападающего.

Слава Богу, техника кистеней и шелепуг сейчас позабыта и нам не придется - мы надеемся - показывать защиту от них.

11. Приложение:

ЭТНО- И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

Среди книг, выпшедших, когда работа наша была уже завершена, есть одна, о которой трудно умолчать. Речь идет о блестящем труде Л.Н. Гумилева "Этногенез и биосфера земли" (Л., 1990)

Впрочем, мы рассматривали развитие культур, а не этносов (см. гл. 1, 3), но это - взаимосвязанные процессы. Оставив читателю возможность самому познакомиться с идеями Льва Николаевича (у которых, очевидно, большое будущее), мы позволим себе некоторое развитие наших мыслей в свете теории этногенеза.

1) Пассионарность видится нам как "биоэнергия" человека, а именно, душевного уровня, т.е. та "этническая душа", о которой мы говорили.

2) Пассионарность (этническое поле), в нашем понимании, носит не биохимический (биохимия лишь следствие), а ноуменальный (т.е. нематериальный) характер. Может ли энергия (пассионарность) передаваться путем излучения (тем более космического!)? Здесь речь идет о увеличении внутренней энергии системы. Никаким иным образом объяснить постулат Вернадского о негэнтропийности живой природы нельзя. Выше мы показывали, что "неживая" природа также негэнтропийна.

3) Таким образом, из двух способов передачи пассионарности, предложенных Гумилевым: генетического и индуктивного, в применении к культурогенезу, возможно говорить только о последнем. Иначе придется признать, что "избыточная биоэнергия" индивида аккумулируется в "облученном" гене родителя и передается веками! Дело в том, что родитель "индуцирует" свое дитя более эффективно, чем прочих. Процесс этот духовный и идет на любых расстояниях. В таких случаях говорят, мол, ребенок характером в того-то. Но характер, стереотип поведения - это элемент сознания. Да и сама "индукция" - это не индукция в электромагнитном смысле, а энергия ноуменального происхождения. Разумеется, это идеалистический подход к этногенезу.

4) Представляется полезным рассматривать пассионарность не вообще, а по энергетическим уровням. Здесь возможен целый спектр - в нравственном

смысле - при едином модуле напряжений. Избыток энергии на плотском уровне определен нами как агрессивность, несмотря ни на какие объективные обстоятельства, всегда отрицательное явление. Это не от Бога. Такие пассионарные толчки не повторяются (Рим, например). Но и избыток энергии на душевном, духовном уровнях (вдохновение, дар) совершенно необязательно имеет положительные следствия. Для создания необходим порыв, основанный на совести - параллельный культурогенезный толчок, если угодно.

Предложенный Гумилевым механизм этногенеза осложняется в нашем аспекте борьбой "энергетических" уровней, и не в "этническом поле", а в самом человеке. Различные "химерные" образования и "антисистемы", раскрытые Гумилевым, возникают, как результат этой борьбы - борьбы несовпадающих культурных (ноуменальных) полей. Евреи, например, тысячу лет живут на Руси - И слава Богу! - своими "биополями" никак не влияют и не влияли на наших предков. Однако "ветхозаветные идеи" Маркса, брошенные на русскую почву, дали грандиозную "химеру" - СССР и антисистему - ленинизм. Рассматривая энергетические уровни (а попросту: борьбу Бога с бесом), мы имеем два противоположных механизма: "искушение - деяние" и "вдохновение - деяние" с различными результатами: покаяние - в первом случае и отдохновение - во втором. В обоих случаях толчок - "избыточная энергия", но результат!

5) Об этом, в общем виде (и жаль, что в конце) пишет Гумилев: "Можно было бы думать, что вандализм тоже является функцией пассионарности, нет! В природе планеты процессы аннигиляции (энтропийные - А.Г.) не наблюдаются... Это уже деяния, за которые он (человек - А.Г.) несет ответственность перед своей совестью. И разница между явлением и деянием принципиальна... деяния лежат в *полосе свободы*... Данный род деятельности (вандализм - А.Г.) не присущ человеку, как виду и является следствием... особого мироощущения, которое, видимо, сопутствовало процессу творческого этногенеза с самой глубокой древности" (стр. 461 - 463). Значит, энергия вовсе не нейтральна, как убеждал нас Лев Николаевич, а "естественный" процесс этногенеза оказывается все же "творческим". Итак, данью творческого характера этногенеза является агрессивная пассионарность. Далее Гумилев указывает, что антисистемы (системные энтропийные, мы бы сказали, агрессивные деяния) разрушают ландшафт и приводят к самоуничтожению этноса. Здесь-то и зарыта собака, если не целый мамонт: агрессивная пассионарность куда быстрее, чем ландшафт разрушает традиционную культуру (этику, эстетику, веру). В течение одного даже поколения полностью меняется "стереотип поведения" (национальный характер, душа народа) - этнос исчезает. То, что остается, носит то же название и, держась на привычках и необходимости, продолжает свой цикл этногенеза, пока не кончится ландшафт или не придут соседи. Однако, культурогенез нарушен и второго цикла уже не будет.

Сравним Рим и Русь. Генетически большинство итальянцев, может быть, и являются потомками римлян, но язык, песни, обряды - все другое, другой народ. А на Руси (по Л.Н.Гумилеву с XIV века на Руси идет новый цикл этногенеза) - разве мы говорим на другом языке, чем автор "Слова о полку..." Или изменилась мелодия "камаринского"? - за последние 30 тыс. лет вряд ли. Здесь мы имеем два разных типа этногенеза: в первом случае этнос исчезает вместе со своей

культурой, во втором - и то, и другое получают второе дыхание: "Два Рима пали, третий - стоит...". Лишь в первом случае, и то лишь статистически, применимо на наш взгляд, Гумилевское определение этноса, как закрытой системы, расходующей первоначальный импульс энергии. Во втором случае - система открытая. Открытость системы, приток энергии свыше определяет, будет ли второй (третий) толчок или на смену придут другие этносы. Таким образом, реализуется механизм самоустранения этносов, в агрессивности своей перешедших определенную грань. Надгробным камнем для них становится мертвая культура и мертвый язык. Ведь одни языки сохраняются с палеолита, хотя не раз перемешивается генофонд людей, говорящих на них, а другие исчезают за несколько столетий.

б) И наконец, "пассионарное напряжение" (мощность "биополя") определяется мощностью "ноуменальных полей" произведений культуры, сформировавших данного "пассионария" через традиционный быт, пение, игру, обряд и пр. Новый стереотип поведения не возникает из ничего, а представляет собой попытку (часто симулятивную) возрождения забытого стереотипа. Отсюда следует, что осознавая даже финальность нынешнего витка этногенеза, нужно спасать всякое явление традиционной культуры как основу будущего возрождения. Любая профанация в этом не только бессмысленна, но и опасна.

В заключение заметим, что древние воспринимали этногенез именно так, как рисует его Л.Н.Гумилев - природным явлением: "Время разбрасывать камни и время собирать камни...". Да и сами пророчества, будь то Экклесиаст или Иоанн Богослов, во многом обязаны интуитивному пониманию законов этногенеза.

Неизбежность природных процессов привела Экклесиаста к "антисистемному" выводу: "суета сует - все суета!" И хотя развитие и гибель традиции (культурогенез) еще более грандиозный и не менее естественный - не менее необратимый процесс, хочется вернуться к свободе выбора и закончить в пику Экклесиасту словами Высоцкого, с которого мы и начали:

Я уйду и скажу, что не все суета!

1984-86, 1992

Автор благодарит любителей и профессионалов фольклористов, этнографов, простых людей из деревни, всех, кто помог в написании этой книги, а также всех тех, кто занимался с нами русским боем, за тот опыт общения, который мы вынесли в заглавие нашей книги.

五門派

武 350001; РОССИЯ
г. КРАСНОДАР,
УЛИЦА ПАСЛОВА ДСМ 25.
術 ЧУЙКОВ КОНСТАНТИН
ВИКТОРОВИЧ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

(ОЧЕРКИ О КУЛАЧНОМ БОЕ)

1. ДВА СЛОВА ЭТНОГРАФАМ

И.П.Сахаров (1807-1863) является одним из первых отечественных этнографов, писавших о кулачном бое. Родился Иван Петрович в Туле в семье священника. Закончил медицинский факультет в Москве. Работал в Петербурге. Там же выпустил "Сказания русского народа" (1836) - один из первых этнографических сборников. Последний раз "Сказания..." переиздавались в 1885 году и ныне вышли в сокращении - М., 1991.

В неменьшем забвении находился один из известных этнографов Д.К.Зеленин (1878-1954). Родился Дмитрий Константинович в Вятке. Закончил историко-филологический факультет. Профессор Ленинградского университета. Фундаментальный труд Зеленина "Восточно-славянская этнография" был издан в 1927 году в Германии и сейчас впервые переведен на русский язык (М., 1991).

Интересно восприятие боя нашими предшественниками: всюду он попадает в раздел игр. У Сахарова "бой" между "бабками" и "редькой", у Зеленина - между описанием гармошки и устройством качелей. Одним из древнейших фольклорных жанров являются заговоры, приведенные в "Сказаниях русского народа". "Заговор ратного человека, идущего на войну:

Иду на гору высокую, далекую, по облакам, по водам, а на горе высокой стоит терем боярский, а во тереме боярском сидит зазноба, красная девица. Ты, девица, зазноба молодецкая, иду за тебя во рать на супсугатов моих, врагов-злодеев. Вынь ты, девица, отеческий меч-кладенец, достань ты, девица, панцирь дедовский, отомкни ты, девица, плем богатырский, отопри ты, девица, коня ворона. Мне, меч-кладенец, будь другом, мне, панцирь дедовский, будь братом, мне, плем богатырский, будь вещом обручальным, мне, конь вороной, будь удалым молодцом. Выйди ты, девица, во чисто поле, а во чистом поле стоит рать могучая, а в рати оружий нет сметы. Закрой ты, девица, меня своей фатой: от силы вражьей, от пицали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от ратоборца, от древа русского и заморского: от дуба, от вяза...от неверных людей: пагайских, немецких, мордвы, татар... вотяков, либанов, китайских людей. Вы, деревья, от меня, раба такого-то, воротитесь: вы, железо и медь, и сталь и злато, отлетайте, вы, люди неверные отбегайте. А буде я ворочусь по-живу, по-здорову, ино буду, красная девица, тобой похваляться, своей молодецкой поступью выказываться. Твоя фата крепка, как камень горюч Алатырь, моя молодецкая поступь сильна, как вода мельничная. Дух духом, всех пинком, нет никого, я один, по-живу, по-здорову."

Характерной чертой заговоров является связь сбирания на рать со свадебным обрядом и обрядом поминовения предков. А свадьба, в свою очередь, носит черты военного похода, впрочем, как и похорон. А похороны сопровождаются "битвой по мертвецы". Во фрагменте следующего заговора очевидны свадебные напутствия молодым: "...от нушек, пицалей, стрел, борцов, кулачных бойцов... бойцам тебя не требовать... топором, бердышом не сечь... ножом не уязвить... а быть тебе перед ними соколом, а им дроздами, а будь твое тело крепче камня, рубаха крепче железа... а будь ты: в доме добрым отцом, во поли молодцом, во рати удалцом, в миру на любованье, в девичьем терему на покрашенье, на брачном пиру без малого ухищрения, с отцом с матерью во миру, с женой во ладу, с детьми во согласии.

Заговариваю я сей заговор матерним заповеданием, а быть ему во всем, как там указано, во всем ненарушимо. Рать могуча, сердце мое ретиво, мой заговор всему превозмог".

Наконец, приведем главку "Кулачный бой" (в сокращении) из "Сказаний русского народа": "Кулачный бой в русской семейной жизни считался удалством, приводившим некогда в гордость и раздоры целые селения и города. Подвергать себя по доброй воле побоям, бить других без пощады было роскошным веселием для наших отцов и дедов... Кулачные бои начинались с зимнего Николая и продолжались до Соборного Воскресенья, но самый веселый разгул бывал на маслянице. Летом редко бывали бои, и то по приглашению бояр. Городские бойцы всегда брали преимущество перед сельскими, кулачные бои совершались разными видами. Более всех почитался: бой один на один, за ним - стена на стену, а менее всех спецьялка-свалка.

Лучшими бойцами один на один считались тульские. Там: Алеша Родимый, Никита Долговяз, братья Походкины, семейство Зубовых, Тереша Кункин почитались чудо-богатырями и с почестью развозились по городам. Они меряли свои силы с татарами, с калужанами, москвичами. Замечательная черта этих бойцов состояла в том: пить вино, за бесчестье почитать подарки, предлагаемые боярами, и не ходить стена на стену...

...Бои формально назначались по дням. Охотники задолго поили бойцов, одних сманивали подарками, на свою сторону, других страивали угрозами. Охота к такому бою походила на отъявленную страсть. Старики подзадоривали молодых рассказами и обещанием биться, молодые в ожидании "испить винца", переходили с вестями из двора во двор, дети выходили на "затравку" и составляли предвестников "спецьялки" из старых и молодых бойцов. Когда бились стена на стену, тогда запасные бойцы выдерживались в стороне с толпой людей, уговаривавших стоять за их стену и выпускались лишь тогда, когда неприятель пробивал стену. "Надежа-боец" летел с шапкою в зубах, бил груды на обе стороны, лежащего не трогал, а пробивши стену, возвращался, с толпой льстецов, прямо к кабаку. Часто случалось, что хитрые и слабые бойцы закладывали в рукавицы бабки-чугунки для поражения противников" (стр 176).

Уже в начале XIX века современники отмечают: "Ныне кулачный бой уже не тот, что прежде". Это и понятно - распадающаяся крестьянская община уносит с собой традиции обрядового боя - отсюда и кабак, и чугунки...

А вот что о маслянице у Зеленина: "Масляница, один из самых веселых праздников восточных славян, была когда-то, как и Рождество, посвящена поминовению покойников. Об этом неопровержимо свидетельствует обязательное при этом ритуальное блюдо - блины, кое-где сохранилось и другое блюдо, принятое на поминках - овсяный кисель... Кулачные бои, которые обычно устраивают на масляницу, также следует считать одним из элементов поминального обряда. У русских такие бои в некоторых районах сочетаются с сооружением замка из снега, целой снежной крепости, которую обливали водой. Всадники, штурмующие эту крепость, старались верхом на коне достичь ее вершины - сцена, которую изобразил Суриков в своей известной картине "Взятие снежного городка на маслянице". Защитники крепости были вооружены розгами. После взятия городка участники игры все вместе устраивали общую попойку".

Здесь также заметны мотивы свадебного обряда. В другом месте девушки,

вооруженные палками, защищали городок от мужчин и "те, кому удастся взять этот "город", получают право перецеловать всех девушек" (стр. 406).

Зеленин отмечает связь бойцовской традиции с музыкальной: "В станице Кавказская на Кубани на Рождество и в другие праздничные дни девушки устраивали на улице общий хоровод, а парни - кулачные бои, причем все население станицы делилось на две враждебные партии. Бой идет во все время пения хоровода, как только прекращаются песни в нем, парни один по одному убывают с той и другой стороны к хороводу и бой слабеет..." ("Этнографическое обозрение" XXXI, 1896, № 4, стр. 378).

Не так давно (М., 1990) появилось репринтное издание "Русского народа..." известного собирателя М.Забьлина (М., 1880): "Борьба и кулачный бой составляли издавна любимую народную потеху, преимущественно на сырной неделе, чему, между прочим, может быть способствовали морозы и случай погреться: эти гимнастические упражнения назывались играми или игрищами. Часто в старину кулачными боями любовались Цари и Князья наши" (стр. 42). "В Пензенской и Симбирской губерниях, в субботу на Маслянице, крестьянские ребята строят на реке из снега род города с башнями и двумя воротами между которыми сделана прорубь. Игра начинается так: Ребята разделяются на две партии - на конницу и пехоту. Конница осаждает город, а пехота защищает его.

Устраивая в боевой порядок, конные по данному знаку пускались во всю прыть на взятие городка, а пешие, вооруженные помелами и метлами, стараются маханием испугать лошадей, чтобы не допустить их к городку. Но некоторые из конных, не взирая на сопротивление, прорываются сквозь пехоту и на всем скаку въезжают в ледяные ворота, что и значит: взять городок. Победителя купают в проруби, после чего угощают вином всех ратоборцев, отличившихся в пехоте и в коннице. Потом, сломав крепость, возвращаются в деревню с песнями. Этой игрой оканчивается масляница" (стр. 44).

Но во все времена бой бою был рознь. Иностранец, описывающий масляницу в 1698, году не замечал веселия народного: "...Во всю масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство, так, что ужасно слышать о том всякому Христианину... заывают к себе гостей и упиваются медом, вином и водкою до упаду и бесчувственности. Во все время более ничего не слышно, как: того-то убили, того-то бросили в воду. В бытность мою у русских на этой неделе убитых нашлось более ста человек..." (стр. 36).

На основании подобных заметок было высказано много неверного о кулачном бое (по не Забылиным). Очевидно, жертвы возникали не в традиционных боях, а в результате "обжорства и пьянства". Разумеется, "обжиралось" не крестьянство а служилый и придворный люд, среди которого вертелся заморский гость. (Кроме того, в порядке вещей для иноземцев было наговаривать на Россию.) Всякий раз, когда речь идет о подобном бое, указывает Забылин и на негативное отношение церкви: "Это празднество сопровождалось играми и плясками, лакомством и пьянством, особенно кулачным боем. Преподобный Тихон уничтожил этот праздник" (стр. 83). Отсюда виден авторитет священника: кто сейчас смог бы запретить дискотеки или шоу-карате? С другой стороны, во многих местностях традиция сохранялась и ни о каких запретах не упоминается.

Что касается различных чар и колдовства или "энергетики", как сказали бы сейчас, практиковавшихся бойцами, то не только церковь, но и сам народ не одобрял этого. (Вспомним, как осрамился Вяземский в "Князе Серебряном" у

Толстого.) "В России, как и в других странах, существовали поединки судебные по характеру. И здесь чародей являлись на помощь, нередко случалось, что спорщики были готовы помириться, да чародей начинали снова *бить кудесы*, (смущать) и разжигали снова вражд. (см. Стоглав вопр. 17).

В этом случае чародей советовали таким образом запасаться силою для поединка судбнаго: "убей змею черную саблей или ножом, да вынь из нея язык, да вверти в тафту зеленую и в черную, да положи в сапог в левый, а обуи на том же месте. Идя прочь, назад не оглядывайся, а кто спросит где ты был, и ты с ним ничего не говори..." (стр. 407).

2. ОБ ЭПИЧЕСКОМ ЖАНРЕ

Становление отечественной фольклористики шло в русле развития нашей классической культуры. Здесь, конечно, и Петровские реформы, и явление Ломоносова, и увлечение немецкой филологией, но первый интерес к народной культуре у нарождающейся русской интеллигенции появился под влиянием Карамзина. Народ всегда был готов отдать науке свои сокровища - к началу XIX века наука созрела для этого.

Первые публикации (М.Д.Чулков, И.М.Снегирев, И.П.Сахаров и др.), при всем своем несовершенстве, были откровением для читающей публики. Неслучайную роль в изучении фольклора сыграл Пушкин. Он и сам был собирателем и щедро раздавал записи специалистам. Но, главное, через свое, быть может, неосознанное, громадное влияние на литературу сумел привить ей с первых шагов любовь к народной культуре. Люди его круга, далеко не все фольклористы по специальности: В.И.Даль, П.В.Киреевский - заложили основы науки. Но лишь следующему поколению выпало собрать золотой фонд нашего фольклора: А.Н.Афанасьев (записи 1840-50 гг.), П.Н.Рыбников (Олонецкий край 1860 г.), А.Ф.Гильфердинг (1871г.). Гильфердинг же впервые приглашает народного сказителя (Т.Г.Рябинина) для выступления в Петербург.

Удивительным образом, первое издание (М., 1804) было собрано не ученым, а самим сказителем - Киршей Даниловым, жившим в середине XVIII века. Возвращаясь к делам нашим ратоборским (а сегодня речь об эпическом жанре), сразу заметим, что реализм, тем более реализм боя, не свойственен народной традиции. Традиционный метафорический показ действия дает нечто большее, чем конкретные детали - дает возможность приобщиться к духу времени. Есть, конечно, если говорить о технике, и совершенно точные моменты: "Как махнет Илья - станет улица, отмахнет-от - переулочек..." или очень точные глаголы: "хлестанул... шелепугою". Но не это самое интересное... Вот змей нападает на безоружного Добрыню, нырнувшего в Пучай-реку ("Добрыня купался - змей унес"): Нагреб он шляпу песку желтого...

Налетел на него Змей Горыныче,
А хочет Добрыню огнем спалить,
огнем спалить, хоботом ушибить.
На то-то Добрынюшка не робок был:
бросает шляпу земли греческой

со темя пески желтыми
ко лютому Змею Горынчищу -
глаза запорошил и два хобота ушиб...
Упал Змей...
Схватил Добрыня дубину тут, убил до смерти...

Шляпа (колпак) появляется не случайно. Это не просто деталь. Шляпой же (без всякого песку) повергает противников и Илья (потом мы покажем, какую роль играла шапка атамана в кулачном бою). Если вспомнить, что богатырь - это когда-то и бог-громовник (см. например, у А.Н.Афанасьева), а колпак на голове - это туча, извергающая молнии...

Вот, казалось бы, реалистичная картина братщины (пир в складчину) в былинне "Василий и новгородцы":

А и будет день ко вечеру -
от малого до старого
начали уж ребята бороться,
а в ином кругу на кулаки битися.
От тое борьбы от ребячия,
от того бою от кулачного
началася драка великая.
Молоды Василий стал драку разнимать,
а иной дурак зашел с носка,
его по уху ошлел...

Заканчивается братщина грандиозным побоищем Васьки против всего Новгорода. Вряд ли традиционное игрище могло так легко перейти в уличный бой. Подобные побоища остались в летописях - и причины там совсем иные. Здесь мы видим не исторический факт, а условный прием завязки сюжета. Васька - иррациональное, разрушающее начало и гибнет он не от супротивника, а через собственное святотатство. В подобном сюжете невозможен положительный Илья или Добрыня, усмиряющий буйство. Естественно, сказитель не описывает технику боя - она известна слушателям. Он пользуется боевыми приемами для усиления приемов поэтических, повторяя в разных сюжетах некие единые обрядовые мотивы. Например, в схватке с Идолищем: метание кинжала, уход от него, захват, бросок: ...как схватил он со стола булатный нож

и кинул нож в Илью, Илью Муромца.
Тут-то Илье не к суду пришло:
увернулся он за печку муравленную,
а нож-то улетел во стоечку,
а стоечка улетела в задний тын,
а задний тын весь порассыпался.
Тут выходит Илья, Илья Муромец
из-за печки, печки муравленной...
как брал через стол, дубовый стол
брал татарина за желты кудри,
и здынул его выше буйной головушки,
и бросил татарина о кирпичный пол...
("Илья Муромец и Идолище").

У Алешы Поповича все то же:
Тутарин потемнел, как осенняя ночь,
выдернул чингалище булатное,
бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то верток был
не мог Тутарин попасть в него...

Здесь мы видим знакомую "маятниковую технику" ухода от ножа, а за ней - языческий образ пришлого бога-громовника, мечущего молнии в непокорных местных богов, что характерно для периода межплеменных войн. У греков это называлось титаномахией. Однако наши богатыри не любят долго пребывать в роли прикованного Прометея ("Ссора Ильи с князем Владимиром").

Бой Ильи с сыном или дочерью ("Илья Муромец и Сокольник" и т.д.) - типичные попытки богоборческого бунта. Вспомним у греков: Урана свергает его сын Кронос, а того, в свою очередь, его дети - Крокиды. Наш Святогор отдает свою силу Илье вполне добровольно и вот Сокольнику справиться с батюшкой уже не под силу. Дело в том, наверно, что славяне, в отличие от греков, жили при втором, а не третьем, поколении арийских богов, так как того цикла этно- и культурогенеза, который связан у греков с дорийским вторжением, у славян не случилось. Наш Уран - Сварог передает свои бразды Перуну, возглавившему к IX веку восточно-славянский пантеон. То, что Перун есть Илья Муромец (очевидна и связь с Ильей Пророком, занявшим место Перуна в небесной колеснице. Кстати, преподобный Илья Муромец канонизирован православной церковью) не раз отмечалось в фольклористике. Мы подчеркнули бы связь Святогора со Сварогом. "Святогор" воспринимается нами как перевод "Сварога" с праславянского. Никаких "святых гор" здесь нет - те горы, по которым он ездит, это ведь не горы в прямом смысле. Тема гор есть и в былинне, и в песне, и в частушке. "Ор", "Ар" - означает небесное. Во всем мировом эпосе богатыри рождаются из "горы" и в "гору" превращаются, "погибая" (Илья из печки исходит и за нее же прячется в трудную минуту. А печь - алтарь и жертвенник, символ горнего). Интересна кончина Святогора - никто его в тартар не свергает, а сам он ложится в дубовую колоду и окаменеваает. Еще интересней образ сына Ильи - Сокольника (или дочери Поляницы), этих богатырей, олицетворяющих, очевидно, те молодые этносы, что приходили волнами с Поля, чтобы разбиться о границу Руси:

Да съехались оны уже копьями -
только копьа-ты в кольцах попригнулисе...
Да съехались богатыри палками (т.е. палицами - А.Г.)
только палки по щербням отвернулисе.
Соскочили оны со добрых коней
да схватились оны на рукопашный бой.
Да хватил неверной богатырь Илью Муромца,
да шибал-де его о сыру землю...
("Илья Муромец и его сын").

Иногда бой более конкретизирован.

Еще эта Поляничница удалая
а й весьма она была да зла-догадлива,

й учена была бороться об одной ручке,
подходила-то ко старому казаке к Илье Муромцу,
подхватила-то Илью да на косу бодру,
да спустила-то на матушку сыру землю...
("Илья Муромец и дочь его").

Но "на бою-то смерть Илье не писана..." и в конце концов все заканчивается его победой. Два слова о муромских потомках: Сокольник - сокол - символ разрушающей, губящей силы (падающий сокол - в виде трезубца, повернутого вверх. На православных иконах мы видим "луч" в виде перевернутого трезубца). Сокола находим мы и на гербе у Рюриковичей, пришлых варягов. В XV веке сокола сменяет византийский "орел". "Поляницу" принято производить от "поля", но поется: "паляница" - не от слова ли "палити" (палица и пр.), т.е. разрушать?

Характерна и общая индоарийская деталь: мать скрывает от отца рождение ребенка: Зевс прячется от Кроноса, Сокольник от Ильи. Святогор прячет Илью в "корман", Гея прячет Зевса в пещере (горе, пещи), последний прячет потомство в собственном бедре, а Афина прячется в голове у громовержца и т.п. (отсюда ясно, что Зевс не человек, а гора). Параллелей много и все же: Святогор не просто умирает сам, но умирает во-время, передав дух свой Илье. В Сокольнике же дух дикого поля, отсутствие традиций и бесславная гибель. Ну а что сам Муромец - дитя русской колонизации угорской Муромы? - Едва ли. И Муром и село Карачарово - это мифическое место, вроде реки Смородины.

Рассматривая Илью как символ древнерусского этноса (а Святогора, в свою очередь, как праславянского), мы можем глубже взглянуть на известные сюжеты: "сидение сиднем" в "пещи" - инкубационный период этноса, "обретение ног" - становление его или переселение, многочисленные победы - собиранье племен, богов, культов вокруг Киева, ссора с Владимиром - междоусобица и т.п. За каждой схваткой целая эпоха.

История, в частности история образования Руси из множества племен, есть развитие и борьба религиозных идей и культов, понятных как сосредоточие культур и нашедших отражение в поэзии эпоса. Мы видим, что уже в языческий период становление Руси воспринимается как действие Провидения ("божья люди" - калики ставят Илью на ноги).

Рамки нашего очерка позволяют лишь обозначить тему, надеясь на пылкость читателя. В дальнейшем мы взглянем на иные аспекты воинской традиции: исторические, этнографические, художественные.

3. ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР

Начав с эпоса, доберемся мы и до частушки, но самым главным фольклорным "жанром" является сам язык. Поэтому слово этимологии и лингвистике. Древнерусское оружие: этимология и боевая практика.

ШЕЛЕПУГА - шеле, сле - копьё, палка (санскр.). Отсюда и русская "слега" и, вероятно, "шест". "Пуга" от "пугать". По свидетельству былин широкая часть палки выдалбливалась и заливалась свинцом. Иногда на конце оставался сучок, в виде крюка. Само название говорит о технике - вращением:

Стал по Волхову поскакивать,
червленым вязом помахивать.
Куды махнет - падут улицама,
а в перехват махнет - переулкама...

("Василий и новгородцы").

Работа шелепугой еще жива в нашей деревне. Другие названия: "шалыга" от "шалыгать" (бить, хлестать. Шалыгой же называют мешок, набитый тряпьем, которым играют ногами на манер футбола), "кол" от "коло" (т.е. круглый), "дрыш" от "драть" и т.п.

КИСТЕНЬ - от "кисть", что говорит о хлещущем ударе. Произошел кистень, очевидно, от пса, который тоже был оружием. Ручка у кистеня длиной до локтя, а продолжение ремненное, с грузиком на конце. Применялись кистени и без ручки. Заблокировать кистень затруднительно, кроме того, он удобен для мгновенных захватов за оружие, за руки и ноги противника.

МЕЧ - от "мечу", что означает как "разметываю", так и "оставляю мету". Техника работы близка к шелепуге: подхлесты в осевой плоскости в строю и "восьмерки" и "раскрутки" в индивидуальной работе. Известна техника работы двумя мечами. Она имеет древнейшее происхождение и известна в античном мире как "работа по-македонски". Техника эта отмечена у скифов, однако ни в Греции, ни в Риме распространения не получила, так как довольно сложна, да и неуместна в фаланге. Тем не менее, работу эту и по сей день демонстрируют донские казаки. В годы Отечественной войны "стрельбой по-македонски" называлась стрельба с двух пистолетов. "Маятник" при этом сохранялся.

ЛУК - "луц" - омоним солнечных лучей. Не случайно все арийские солнечные боги (Дажь-бог, Индра, Аполлон...) вооружены луком (ра-дугой).

ТУЛА - от "тулово". Колчан для лука и стрел. Отсюда и "притулить", т.е. сунуть куда-то, отсюда и "тулья" (у головного убора).

СЕКИРА - от "сечь", славянское название топора (тюркск.). Боевая часть секиры - "лезво", отсюда "лезвие" и "железо".

СУЛИЦА - сулить, посул, посол, слать. Короткое метательное копьё.

КОПЬЕ - копь, копать. Отсюда, возможно, и "копать", и "копоть" - копоть что-то можно, закопав в землю. Копьё, очевидно, первобытная палка-копалка. Лезвие копья называется "рожон", ибо прежде делалось из рога. Сохранилось выражение "лезть на рожон". Древко копья: "торч" (прямой удар в кулачном бою - "торчок" или "тычок").

РОГАТИНА - также от "рога". Более мощное копьё с лезвием до 60 см, позволяющим наносить секущие удары.

СОВНЯ - от "совать", рогатина с изогнутым лезвием.

ЧЕКАН - "чикать" - бить. "Чика" - игра, где надо бить по деревянной палочке-"чичу". Чекан - заостренный в виде топорика молоток, которым чеканили, т.е. рубили металл кузнецы. Чекан как оружие сочетал в себе палицу, секиру и походный молот.

КЛЕВЕЦ - так назывался чекан, заостренный в виде клюва (клева) - на манер кайла. Но если топор и секира позволяли использовать удары с "потягом" (с возвратом), то чекан и клевец нужны были для "прободания" доспеха.

НОЖ - от "нога", так как нож носился за сапогом. Использовался непосредственно в рукопашной, как это видно из былин. Для метания же применялся кинжал, висевший на поясе.

КИНЖАЛ - может быть: "кинъ жало". Кинжал, видимо, метался, как и нож в харлампиевской школе, от бедра, без вращения. См. бычины.

ШЕСТОПЕР - палица в шесть лезвий (перьев) - в сечении "громовой знак".

ПАЛИЦА - "палити", т.е. разрушать. Отсюда "полено", "палка", "палец". Оружие бога-громовника. Шестопер (скипетр), булава, чекан, как и палица - символ власти. Палица, кроме того, еще и фаллический символ.

КИЙ (КЫЙ) - та же палица, но обычно без зубцов (дубина). Кьем назывался и кузнечный молот.

КОЛЬЧУГА - из колец ("коло", "около" - вокруг). Известны с IX века. Кольчатая стальная рубашка (иногда со штанами), обычно с рукавами и с "бармицей" (от "бор" - защита) - кольчатым продолжением шлема, закрывающим голову.

БРОНЯ, БРОНЬ - от "боронить". Из пластин или чешуек (с XI века). И кольчуга, и броня объединены понятием "доспех" - от "доспевать", т.е. "быть готовым". Броню так же называли и "панцирем" (греч.).

ШЛЕМ, ШЕЛОМ - дословно: "холм". Металлический с IX века. Другое название: "шишак" от "шиша". "Шеломом" называли также и купол собора и бревно-конек на верху избы.

ЯЛОВЕЦ - возможно, от "ярый", "яр". Флажок на навершии шлема.

Для того, чтобы понять технику любого оружия, если она неизвестна из этнографических источников, нужно взять это оружие в руки и начать пляс ("ломание"). Результат получается один и тот же, если получается.

Наконец, слово "богатырь". У галлов - "богаур". У восточных соседей: "богатур", "батыр". Первая - часть от "бога", вторая - либо от "ур" в смысле "небесный", либо от "тур" (кур, tour) - бапня (фаллический символ), дословно: "к небу". В любом случае богатырь - человек, призванный богом для свершения особых дел (подвигов). По мнению Буслаева, термин этот нам принесло монгольское нашествие (а у галлов времен Цезаря откуда?). Так или иначе, эпос называет богатырей "добрыми молодцами".

А вот что находим мы по поводу кулачного боя у Владимира Ивановича Даля в знаменитом "Толковом словаре живого великорусского языка":

"КУЛАЧКИ - м.мн. Кулачный бой, драка кулаками, для забавы, из молодечества, англ. бокс. Наши кулачные бои были: одиночные, один на один и стена на стену, бой имел обычным правилом: лежачего не бьют, мазку (на ком кровь) не бьют, рукавички долой (для проверки - нет ли свинчаток - А.Г.), лежачий в драку не ходит и пр.

КУЛАЧНИК - м.-ница ж. - кто дерется кулаками, драчун, кулачный боец.

КУЛАЧИТЬ кого, что - бить кулаками, мять, толкать, месить.

КУЛОБОЙ - боец, бойка, драчун, охотник до кулачной расправы..."

(М., 1956, т. II, стр. 215).

Но еще более интересный материал обнаруживается в другом фундаментальном труде В.И.Даля: "Пословицы русского народа" (М., 1957), где собрано более 30000 пословиц и поговорок. Не одна сотня из них связана с боем. Мы замечаем, как вполне обычные словосочетания, ставшие идиомами, выдают характерную технику боя: "Задать кому трепку. Задать чесу. Испекли пирог во весь бок. Испекли лепешку во всю щечку. Дали похлебку в три охлебка. Отмочалить, отстрочить, навалить, отмять бока. Салазки (скулы) подбить, своротить. Перевалить со щеки на щеку. Со щеки на щеку умножить. В сусалы да под микитки (в рыло да в бок). Положить лоском, в лоск, наповал. Поднять прахом" и т.д. Собственно, поговорки содержат уже не столько технику, сколько этику кулачного боя: "Хочешь - дерись, да за тычком не гонись. Борись - не дерись. Сходись - бранись, а расходись - мирись. Сам погибай, а товарища - выручай. Лежачего не бьют. Не бей по роже - себе дороже. По голове не бей - загвоздишь память. Не хватай за бороду - сорвешься - убьешься..." и т.п.

4. ПРИПЕВКИ (частушки) "ПОД ДРАКУ"

К сожалению, в фольклорных сборниках вы не найдете частушек "под драку". И дело здесь не только в запретах - и дореволюционные исследователи обходят их стороной.

В определенный момент гулянки (когда наступала пора выяснения отношений), а может быть и не гулянки, а обрядового "прохода" на бой, а может быть и без боя и без соперников даже, а просто мужику нужно было выразить себя... тут начинали играть "под драку" и шло "ломание", шла заводка:

Вы сыпайте мне такого
"скобаря" потешного,
чтобы брюхо не болело
у меня у грешного. (Псков).

Вы сыпайте нам такого,
чтобы ноги дрыгали,
чтобы всяки соплиносы
перед нам не прыгали. (Екатеринбург).

Тут пелись порой и обычные лирические частушки или рекрутские (ибо дело в наигрыше - он и называется на псковщине "скобарем"), но существовали и целые циклы боевых частушек, которые, как и многое в народной культуре, полны парадоксов. Мы отмечали уже, что в свадебных обрядах имеются мотивы погребения (оплакивания), а в заговорах "на рать" - свадебные элементы. Мотив похорон нередок в колыбельной, где ребенку желают "уснуть-умереть" и т.п. Все это связано с оберегами, т.е. с желанием обмануть нечистую силу, хотя и не только с этим. Такова же, по нашему представлению, изрочитая агрессивность частушек "под драку" (ведь это - брачный бой) и совершенно напрасно пугаются их, видя тут варварство и упадок традиции:

Со кинжала кровь бежала,
на рубаху капала... (Псков).

...не болите мои кишки -
без кипок пойду домой. (Вологда).

Режьте тело, режьте бело,
режьте грудь напополам! (Урал) и т.д.

Все эти ужасы никак не связаны с подлинной резней - когда она бывает, там уж не до частушек (правда и нормальная гулянка могла резней закончиться, но тут действительно виноват упадок).

Все же чем более игровой, мирный характер носит бой (напомним, боя может и не быть вовсе), тем более "страшные" требуются частушки. Это заводка, это элемент воспитания (преодоление страха), это вызов соперника, но это и оберег от реальных ран:

Вы порезали, дак мало,
вы порежьте-ко еще -
мое тело молодое
зарастет хорошо. (Урал).

Определенное значение в заводке играет нож (дубина)- мужское начало, фаллический символ (когда-то - атрибут бога-громовника). Обрядовый смысл припевок о ноже ясно обозначается в "ломании":

У кинжала ручка ала,
ручка вьется, как змея -
заведу большую драку -
выручай, кинжал меня. (Урал).

Стыла, стыла - не застыла
петроградская Нева...
Нож воткнули, повернули -
покатилась голова. (Петербург).

После угрожающих выкриков и выпадов нож вовсе не пускается в дело, а втыкается в потолок в избе (в матицу - символ млечного пути)³⁸ или в землю на улице (земля - женское начало, нож - мужское). Нож, палица - это еще и символ молнии, а значит символ смерти: отказ бойца от претензий на жизнь. Позже нож заменяется огнестрельным оружием:

Ты наган мой вороненьй,
всему городу гроза:
Из-за тебя ж, мой вороненьй,
я не бегал ни раза! (Урал).

С разрушением традиции потешные "страсти" оборачиваются горькой реальностью. В жестокости этой прослеживается (на фрейдовском, разумеется, а не на культурном уровне) древняя языческая тяга к жертвоприношению.

Вторым важным моментом в частушках "под драку" является тема атамана, который, как когда-то "дядька" в дружине, являлся учителем и образцом. На атамана (аналогично и в эпическом жанре) переносятся функции языческого божества.

Тогда частушка звучит по-былинному - в четырех строчках мы видим целый сюжет:

Выходи на середину,
атаман-головорез,
заведу такую драку -
за шумит зеленый лес! (Пермь).

Выхожу во чисто поле -
предо мною цельна рать.
Эх, земляца, мать родная,
дай мне силы устоять! (Псков).

Из атаманских частушек узнаем мы и о конкретной роли атамана в его ватаге, особенно в самом бою:

Атаман не думал к ряду -
уложил их клиновых³⁹
и уж рвется в середину,
не дождавши остальных. (Урал).

Атаман серую шапку
на дорогу положил⁴⁰-
вынул ножик из кармана
и сказал: не побежим! (Тверь).

(38) Об избе - см. у С.Есенина "Ключи Марии".

(39) "Клиновые" - наиболее опытные бойцы, стоящие во "челе" (в центре) стенки, для прорыва клином ("свиньей") стены противника.

(40) Знак, обозначающий бой до последнего.

И, наконец, третье - тема сватовства, свидетельствующая о "яре" - кулачном игрище за невесту, как о предтече свадебного обряда. Помимо пения самих бойцов, в разных местах отмечается традиция женского пения под драку. Тут возможен и целый спектакль, где женский хор поет свою "партию", а атаманы и бойцы - свою. Оружие (нож, палка, ружье) также являются атрибутами свадьбы и ... похорон. Стрельба (кулачный бой) наблюдаются, когда тело опускают в могилу или когда свадебный поезд приближается к дому невесты. Не надо думать, что женитьба воспринимается, как смерть, напротив - смерть понимается, как переход к новой жизни, что и ознаменовывается боем и обрядовым действием с оружием. Таким переходом в иную действительность, подобно свадьбе, смерти, уходу в солдаты (рекрутские частушки), является выход на кулачный бой.

Тут поют о могиле, о смерти и тут же, неожиданно, о "милке":

Атамана у нас нету -
атаманом буду я.
Атаманова девчоночка
во век будет моя. (Псков).

Пусть меня побьют - порежут
и положат в уголок...
Пускай милочка пошлет
у моих холодных ног. (Пермь).

Здесь есть, конечно, и простое мужское желание разжалобить девку. Вместе с серьезным, "мистическим" содержанием соседствует юмор:

Финский ножик, финский ножик,
позолоченный носок.
Кто со мной подраться хочет -
приготовь на гроб досок. (Псков).

Ваньке стукнули свянчаткой
и подбили левый глаз.
А топерь ему косому
"и поесть" никто не даст. (Кострома).

Этот гамлетовский юмор, ввиду смертельной опасности, связан с переходом через Хаос (а бой - это кульминация хаоса). Нечто подобное мы видим и в обряде ряжения, когда все можно. Здесь уместно вспомнить языческие праздники Ивана Купалы, Ярилина дня и пр. Боец проходит через бой, как через реку "Смородину", отсюда, возможно, образ ворот -, очищается и выходит в "иное".

Состояние это знакомо нам по занятиям кулачным боем (см. первую часть книги). В этом состоянии можно пропустить нож в спину и не заметить.

Ниже мы публикуем частушки "под драку" не только как замечательные поэтические произведения, но и как конкретный материал для занятий кулачным боем. Начнем со "скобарских" частушек и первая - прямо-таки "пародия" на Святогора:

Кто-то едет, кто-то едет,
кто-то едет по горы...
Да на хромой, да на кобыле -
это наши скобари.

Нас побить, побить хотели
на высокой на горе.
Да не на тех нарвались -
мы и спим на топоре.

Поломаться, поломаться,
поломаться хочется...
А по правде вам сказать
и подраться хочется.

Восемь месяцев не дрался -
кулаки заржавляли.
Только вышли за ворота -
фонарей наставили.

Нас побить, побить хотели,
резать собирались.
А мы сами, а мы сами
того дожидались.

Из нагана выстрел грянул -
по реке пошел туман...
Что ж ты голову повесил,
наш веселый атаман.

Атаманова могила,
где береза белая.
Атамана погубила
пуля закоптелая.

Ах, не ходите, не водите
атамана своего.
У нас был такой "товарищ" -
мы зарезали его.

Атаман у нас молоденький,
Эх, не выдадим его!
Семерых в могилу вгоним
за него за одного.

Ой, товарищ мой, орел,
ты до чего ж меня довел!

Довел до леса темного,
до домика казенного...

С-под кинжала кровь бежала,
на рубашку капала.
повезли меня в больницу -
милочка заплакала.

Ах, товарищи, товарищи...
Ах, товарищи- бежать...
Меня оставили товарищи,
разбитого лежать.

А и где ножки точат -
мы туда гулять идём.
Или нас кого зарежут
или мы кого убьём.

Эх, у меня наган хреновый,
а у братишки есть и новый.
Если мой наган не вдаст -
то мне брательник новый даст.

Изгорода затрещала -
мой товарищ побежал.
Не надейся на товарища -
надейся на кинжал.

Меня били колотили,
как большого борова.
Всей деревней завалили
ох, досталось здорово!

Расколочена-разбита
моя буйна голова.
Перевязанные раны -
В лазарет везут меня.

Захотели меня вдарить,
а я не думал убежать.
Не такой вменя характер,
эх, чтоб поганых уважать.

Товарищи не бегали
и я не побегу -
У меня вырыта могила,
а за рекой на берегу.

Выходи, ребята, драться,
что зажмурившись ходить.
Я один сюда пришедший,
и слабо меня побить.

Эх, утаман большого роста
а закричал: "Ребята режь!"
А не успели развернуться
с руки вылетел обрез.

Скобарям отвечают новгородцы:

Скобари - ребята ловки,
новгородские - ловчей:
только вышли за ворота -
насовали кирпичей.

Варианты, подобные псковскому или новгородскому, сохранились во многих областях. Вот интересные уральские частушки, рассказывающие о тактике стенки (записал А.Каримов):

Мы ломили с батей клином
во кукуевцев чало.
Так на дулях их катили -
по-за самое село.

У атамана нашего
ножик пошире вашего.
Ножик пошире, подлинней -
атаман побоевей.

Эх, вы товарищи, гуляйте,
чтоб летели косяки...
А неужели нас посадят
да за такие пустяки?

Скобари, вы, скобари,
чего вы скобаритесь!
Давно побить меня хотели -
да начать боитесь.

Строй-ка выростки⁴¹ левее,
старики пойдут в центра.
Справа живо-ка огреем,
подтяните вы бока.

(41) "Выростки" - подростки, участвовавшие в стенке вместе со взрослыми.

Бей свиной по середине,
а по флангам - не могли.
Атаман-то ваш разиня,
где оставил кулаки?

Ваш Ерема с лева краю
побежал в центровики.
У Еремы резвость пули,
да не держутся портки!

Из того же цикла несколько частушек, где, возможно, отражается бой круговой. Упоминание о нем нам приходилось слышать в Вологодской, Екатеринбургской, Новосибирской и Киевской областях:

Это чей паренек
на кругу ломается?
Перед моей матанею
он не догадается.

Продолжим уральскую тему (Екатеринбургская обл.):

Атамана у нас нету,
но и я не атаман -
разбегайся к ядрене фене,
эх, беседа, по домам.

Проломили в нас середку:
ихний старший завопил.
Ноги дать уже хотели -
да "надежа" подкатил.

Атаман подал команду -
старники пошли в након.
Уходите, малолетки⁴²,
нынче вышел вам закон.

Эй, братан, там мой товарищ
еще бьется на круту.
Устает уже поди-кось -
я чуток лишь помогу.

Резко, резко пуля резко,
резко торопилася.
Атаману в грудь попала -
там остановилася.

(42) Малолетки, завязывавшие "сцеплялку" перед стенкой, уходят по команде атамана, очищая поле боя.

Из той стенки клич подали
и рассеялся туман.
Что ж ты голову повесил,
наш веселый атаман?

Финка ножик, финка ножик,
золоченая печать...
Я зарежу за измену
и не буду отвечать.

По головке трехфунтовка
гирька прокатилася -
моя белая рубаха
алой становилася.

Говорят, что утопили
атамана во реке.
Атаман идет по улице
у него кинжал в руке.

Финка ножик, финка ножик,
вылезай из-под полы!
Не найдешь ли, финка-ножик,
ты кудрявой головы?

Финский ножик, финский ножик,
финский ножик номер пять.
Если ты кого зарежешь,
я не буду отвечать.

У кинжала ручка ала,
ах какая темна ночь!
Со кинжала кровь бежала -
мать искала свою дочь...

Ты играй гармошка наша,
мы чужую разорвем!
Кулаки вострей наточим,
да под боки надаем.

Из нагана вылетала
черная смородина...
Атаману в грудь попала -
до свиданья, Родина!

У кинжала ручка ала,
золотая, витая.
Не была то и не будет
голова разбитая.

Хулиганом я родился,
хулиганом и помру!
На тот свет пойду с кинжалом -
там зарежу сатану!

Задушевного товарища
зарезали во ржи.
Ала кровь его бежала
со разбитой головы.

Эх, играй, играй, гармошка,
покуда не разбитая!
Эх, гуляй, гуляй, головушка,
покуда не убитая!

Прикамье (Пермская область):

Деревенька близко к лесу -
комары зажалили.
Три недели не дралися -
кулаки заржавляли.

Мы ребята-ежики,
у нас в карманах ножики.
Кто задет ежика,
тот получит ножика!

Режьте тело, режьте бело
режьте грудь напополам!
Задушевного товарища
в обидушку не дам!

Вот уже и все побегли,
только я не побежал -
на земельке я полеживал,
наганчик заряжал.

Мы ребята-ухачи,
у нас в карманах кирпичи.
Кто заденет ухача,
тот получит кирпича!

Финский нож советской стали -
позолоченный носок.
Если, милочка, изменишь -
припасай на гроб досок!

Финский ножик и кинжал -
это оборонушка:
хулиганить научила
дальняя сторонушка!

Заиграла хромка громко
двадцать пять на двадцать пять.
Наша маленькая шаечка
заухала опять.

Вот она заиграла:
двадцать пять на двадцать пять!
Начинай, ребята, драться -
наша вынесет опять!

Ты, товарищ, не повалишь,
и повалишь - не побьешь!
За меня за хулигана
во сыру землю пойдешь!

Ох, Сашку бьют
и рубашку рвут!
Я упала на него -
не троньте Сашку моего⁴³!

Никого мы не боимся,
кто дорогу преградит:
ну-ка шаечка на шаечку -
котора победит!

У матани русы волосы
по плечикам вились.
Мы за эти русы волосы
с товарищем дрались⁴⁴.

Из-за вас, из-за вас,
серенькие глазки,
из-за вас в который раз
хожу на перевязки.

(43) Здесь отражен интереснейший обычай. Если парня начинали забивать (речь, конечно, идет не о бое, а о драке, но и в драке работают некие этические нормы), девка могла упасть на него, закрыв собой, что и останавливало нападавших. Спасенный был обязан жениться на спасительнице.

(44) Смысл брачного боя очевиден.

Нам хотели запретить
по этой улице ходить.
Наши запретители,
по морде не хотите ли!

Из тюремного окошка
вижу город Вологду.
Принеси, сударка хлеба -
умираю с голоду.

Оп-на сразу
врезали по глазу!
А угадали по плечу -
я стою и хохочу!

Если, милочка, изменишь -
не живать тебе и мне:
будешь ты лежать в могиле,
буду я сидеть в тюрьме.

5. ИССЛЕДОВАТЕЛИ КУЛАЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Из специальных работ по кулачному бою наиболее интересны две: А.А.Лебедев "Из истории кулачных боев на Руси" ("Русская старина" 1913 г. № 6,7) и Г.И.Фомин "Кулачные бои в Воронежской губернии" ("Известия Воронежского краеведческого общества", 1925 г. № 3,5,6.). Из трудов неспециальных наиболее ценные сведения о кулачном бое находим у Д.А.Ровинского.

Кому холодно в тужурочке -
тулупчик надевай.
Кому хочется подраться,
тот наскокивай давай!

За товарища я встану,
никуда не побегу.
Все равно мне, хулигану,
умирать на берегу!

Эх, ты, юность моя юность,
юность молодость моя!
Прокатилась моя юность,
как по зеркалу вода!

Хулиганы, хулиганы,
хулиганы, да не мы:
есть такие хулиганы -
не выходят из тюрьмы.

Лебедев широко цитирует самых разных свидетелей боев, начиная с XI века. Ниже мы приведем ряд фрагментов из его труда, обращаясь к тем авторам, которых мы не касались в предыдущих статьях: "...Это совсем не была драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нечто вроде игрища..." (стр. 104) "В том виде, какой они (кулачные бои - А.Г.) имеют в России..., этого нигде и никогда не было..." "Об этом пишет еще Ровинский, что ни "стенки", ни вообще идеи праздничного боя, вне России не наблюдаются.

Лебедев указывает на интереснейшие воспоминания М.Л.Назимова (1812-1826) ("Русский вестник" 1876): "Общий уговор - не бить по голове, особливо в лицо и лежащего, руки иметь в рукавицах..." Речь идет об Арзамасе. Не бить в лицо, очевидно, традиция более древняя, местами сохраняющаяся, местами вытесняемая, в процессе перехода боя в драку, что характерно при распаде общинных отношений. Первые упоминания о боях - летописные. У Нестора под 1068 годом: "...превабями от Бога, трубами и скоморохи, и гуслими, и русальи, видит бо игрища утолчена, и людей много множество, яко упихати друга друга..." Упоминает Лебедев послание митрополита Кирилла (1274) и святого Иону митрополита московского (XV век). Говоря о реакции церкви на бои, приведем, к слову, авторов, оставшихся вне поля зрения Лебедева. О запретах на всякого рода игрища пишет А.Н.Афанасьев ("Живая вода и вещее слово" М., 1988). Менее известен замечательный фольклорист А.С.Фаминцин ("Скоморохи на Руси". СПб. 1889): на воскресном гулянии "Обрящещи ту овы (одни) гудуши (играющие на гусли) овы пляшущи... а другие борюшася, а другия помовающа (т.е. мотающиеся, м.б. "ломающиеся" - А.Г.) и помизающа друга друга на зло..." (т.е. на бой). Епископ Евсевий (XIII век).

"...Не чинить скарედных (т.е. скомороших - А.Г.) и смехотворных укоризи, не играть и не драться на кулачках..." Патриарх Иов (1604). Надо заметить, что все эти "не играть!" оставались благими пожеланиями и посему каждые 10-15 лет писалась новая грамота. Впрочем, патриархи и сами видели, что "боя не остановишь" и дальше угроз об отстранении от причастия не шли. В большинстве же губерний, вообще, ни о каких запретах не упоминается. А если запреты есть, то зачастую справедливые: "Многие люди не токмо, что младые, но и старые в толпы ставятся, и бывают бои кулачные великии и до смертного убойства..." Патриарх Иосиф (1636). Для наиболее заповоренных ортодоксов - любое проявление народной культуры "от беса": Фаминцин приводит интересное видение преподобного Иссания из Несторовой летописи сами бесы являются к преподобному в образе скоморохов и, "ударивши в сопели, в гусли", заставляют его плясать и т.д.

Цитирует Фаминцин, как и Лебедев, Ровинского, но о последнем мы поговорим отдельно, сейчас же обратимся к известному историку Н.И.Костомарову, чей рассказ о кулачном бое помещен у Лебедева. Этот же фрагмент, но уже без указания автора, помещен в известном словаре Брокгауза и Ефрона ("Энциклопедический словарь" под редакцией Андреевского. СПб, 1891, т. 7, стр. 226). У Костомарова это "Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII вв." СПб. 1860, стр 142: "...Бои кулачные и палочные составляют для русских своего рода потеху, увеселение, начиная с глубокой древности до недавнего времени. По свидетельству иностранцев и произведений нашей духовной литературы (бои православным проповедникам казались "богомерзкой забавой", за которую они карали отлучением от церкви,

проклятием и множеством других наказаний), бои происходили обычно в праздничные дни и при жилых местах, а зимою чаще всего на льду. Собирались охотники, составляли два враждебных лагеря и, по данному знаку свистком, бросались один на другого с криками. Для возбуждения охоты нередко тут же били в накры (литавры - А.Г.) и бубны...".

Отвлекаясь от сочинения Лебедева, обратимся к тем самым иностранцам, которые упомянуты выше. Одного из них мы цитировали в предыдущей статье, говоря о М. Забылине. К более ранним свидетелям относится С. Герберштейн ("Записки о московских делах". 1517-1526. Л., 1986 - "Россия XV-XII веков глазами иностранцев"): "Юноши, наравне с подростками, сходятся обычно по праздничным дням в городе на обширном и известном всем месте, так, что большинство может их там видеть и слышать, они созываются вместе неким свистом, который является как бы условным знаком, они тотчас сбегаются вместе и вступают в рукопашный бой, начинают они борьбу кулаками, а вскоре без разбору и с великой яростью бьют ногами по лицу, шее, груди, животу и детородным частям, и вообще каким только можно способом одни поражают других, состязаясь взаимно о победе, так что часто их уносят оттуда бездыханными. Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро выносит удары, получает особую похвалу в сравнении с прочими и считается славным победителем. Этот род состязания установлен для того, чтобы юноши привыкали сносить побои и терпеть какие угодно удары" (стр. 72).

Характерное для наблюдателей замечание - при разлагающейся этике (а дело происходит в "первопрестольной", идущей к своему "смутному времени") заметно сильное влияние традиции: "...начинают они борьбу кулаками, а вскоре..." Замечательно и то, что именно благодаря отсутствию кулачных боев в средневековой Европе появляется у путешественников желание растолковать суть дела своим соотечественникам и оставить нам, тем самым, ценные свидетельства. В другом месте Герберштейн замечает: "...что москвиты весьма сильны руками и мышцами..." (стр. 76).

Мы возвращаемся к Лебедеву, когда он пишет о современном Герберштейне судебнике Ивана III (1497). Речь идет о судебных поединках, которые назывались "поле". Секунданты ("стряпчие и поручники") следили за делом, зрители обычно не допускались. И истец, и ответчик имели право выставить за себя наемных бойцов (за женщину-истца боец выставлялся в обязательном порядке, если же ссорились две женщины, то им наемников не давалось и приходилось либо мириться, либо драться самим насмех толпе). Суд был прост - победивший в "поле" признавался правым. Это поражало иностранцев, хотя мы и знаем, что судебные поединки существовали и в Европе, еще в начале нашей эры.

"В судебнике 1497 года читаем: "А битися на поле бойцу с бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися." Отсюда очевидно, - подчеркивает Лебедев, - что еще в глубокой древности были специальные кулачные и другие бои".

По поводу судебного Н.М. Карамзин замечает, "что бойцы сражались у нас ослопами и дубинами" (Ист.изд. 1892, т. VI прим. 609, Лебедев - стр. 329). Судебные поединки отменены в 1556 году Иваном Грозным. Что же касается обрядовых боев - на Масленицу и т.д. - "Правительство... не преследовало

"кулачный бой"... вплоть до выхода полного собрания законов в 1832 году (т. 14 стр. 198)" (стр. 331).

Наконец, обратимся к Д.А.Ровинскому (1824-1895). Родившись в Москве, окончил Петербургское училище правоведения. Увлекался археологией, историей искусств, архитектурой. В дальнейшем - московский губернский прокурор, сенатор, общественный деятель. Принимает участие в этнографических экспедициях (1840-1850 гг.) вместе со своими друзьями: И.Е.Забелиным и Л.Д.Ахшарумовым. Сотрудничает с дядей - известным историком М.П.Погодиным, этнографом И.П.Сахаровым, критиком В.В.Стасовым и др. Широко дарит свои собрания (в Московский Румянцевский музей, в Петербургскую Публичную библиотеку, в Эрмитаж). Автор ряда фундаментальных трудов по изобразительному искусству, в том числе, "Русских народных картинок" (СПб., 1881), изданных на свой счет, фрагменты из которых мы приводим ниже. (О Ровинском см. О.Б.Враская в сб. "Народная гравюра и фольклор в России XVII-XIX вв". М., 1976.)

В Питере, как и в Москве, в отрыве от деревенской традиции, бои приобретали опасный характер. Лебедев был прав лишь отчасти, говоря о попустительстве правительства. Вот что у Ровинского: "21 июля 1726 года генерал-полицмейстер, граф Девьер: "Понеже Ея Императорскому Величеству учинилось известно, что в кулачных боях, которые бывають на Адмиралтейской стороне... и в прочих местах... случается, что многие, ножи вынув, за другими бойцами гоняются, а иные в рукавицах положи ядры и каменя и кистени, бьют многих без милости смертными побоями... и в которое убийство между подлыми и в убийство и в грехе не вменяют, так же и песком в глаза бросают, чего ради ныне Великая Государыня Императрица для охранения народа указала: ...тем кулачным боям при Санкт-Петербурге без дозволения главной Полицмейстерской канцелярии не быть... а кто впредь к таким кулачным боям для увеселения будет иметь желание, то им выбрать меж себя сотских, пятидесятских и десятских, явиться в главную Полицмейстерскую канцелярию, где их имена записывают и для того боя показывают места из полиции... что им означенных дерзостей отнюдь не чинить... что б никакого оружия и прочих инструментов ни под каким видом к увечному бою не было... да и во время того бою и драк между собою не чинили..."

Истинных любителей интересовал традиционный бой, а не та жестокость, которая во все времена порождалась жестокостью тирании. Такими любителями были братья Орловы. Алексей Орлов-Чесменский устраивал бои в Москве, в "Нескучном саду", а также в Манеже - по случаю приезда английского путешественника Вильяма Кокса (1778). Со слов последнего: "Мы отправились в Манеж... в бою участвовало всегда не более одной пары. На руках бойцов были рукавицы... многие били прямо ладонью. Бойцы выдвигали вперед левую сторону тела, и, размахивая правой рукою, которую держали несколько на отлете, левой отбивались от противника, они никогда не наносили ударов прямо, а большею частью кругообразно и били только в лицо и в голову... Если кому-нибудь удавалось повалить своего противника на землю, то его немедленно провозглашали победителем... Мы видели до двадцати подобных свалок. Некоторые из бойцов отличались большою силой, но они не могли сделать вреда, благодаря самому способу драки, здесь не бывает переломов и ушибов, какими часто сопровождаются кулачные бои в Англии..." ("Русская старина". 1877 г., февраль, стр. 319)".

В другом месте Ровинский продолжает: "Еще в недавнее время кулачные бои происходили у нас почти повсеместно: на Оке и на Волге собирались партии человек по пятьсот и более. В Костроме Дебряне ходили стена на стену против Сулян... а в Туле оружейники ходили против посадских в "цешляку-свалку". "...В анекдотах Нартова находим любопытный рассказ об одном шотландце, который бил всех лбом в грудь. Петр I выставил против него своего гренадера на пари и выиграл 500 гиней, так как гренадер успел ударить шотландца по шее и свалить его с ног. Этот гренадер, как сам сказывал, хаживал один за Сухаревой башней против кулачной стены. После этого единоборства Петр приказал своим гренадерам... сперва побороться, а потом и подраться на кулачки, чтобы показать англичанам русские ухватки." ("Московит" 1842, 42, стр. 452)(Русские народные картинки", т. IV, стр. 302-308).

А у Алексея Орлова в "Нескучном суде": "Перед боем привозили целыми возами кожаные рукавицы... Вся орава разделялась на двое и выстраивалась друг перед другом в две стены. Драку начинали в небольших боях - мальчики, в больших заправских боях - "заводные" - один на один, потом шли все остальные стена на стену, запасные бойцы стояли в стороне и принимали участие только тогда, когда их стену начинала теснить противная сторона. "Сцешляку-свалка", в которой бой обращался в беспорядочную свалку и бесцельное тузение по зубам, не причислялась к охотничьим боям..."

Вот что рассказывается о любимчиках Орлова: "...худой, поджарый приказный чиновник Ботин, такой же плюгавый фабричный Соколик и огромного роста силач фабричный Семен Трещала... Раз играл Трещала с чиновником Ботиным на бильярде в трактире, да поссорились, развернулся Трещала его ударить, да тот увернулся - Трещала и попал кулаком в печь, да так целый изразец из печи вон и вышиб. Тут ударил Трещалу Ботин, да угодил прямо в висок и убил его сразу..." ("Русские народные картинки" т. V, стр. 221, 222). Этот случай запечатлен в поэме Измайлова.

Статья Г.И.Фомина ("Кулачные бои в Воронежской губернии", 1925 г.) трудно назвать историческим исследованием, да они на это и не претендуют. Не широк круг авторов, приведенных Фоминым, но зато трудно припомнить другое такое же замечательно яркое описание очевидца. А главное, со слов Фомина становится ясно, что этика, да и вообще традиция не развиваются по линейной зависимости: прогресс-упадок. И в XX веке где-то традиционные отношения могут быть представлены более полно, чем в XVI-м.

"...бой начинался криками: "Давай, давай!" ...мальчишки вызывали противную сторону, бросались снежками... начиналась свалка, за которой взрослые той и другой стороны наблюдали некоторое время спокойно. Но когда какая-нибудь партия начинала брать явный перевес, на помощь избиваемым ввязывалось несколько взрослых, но противоположная сторона также не оставалась в долгу и спешила на помощь к своим и бой завязывался. Палочные бои назывались "дубинушки".(стр. 13).

"...когда кулачники замечали, что вокруг бойца от его ударов слишком уж много валится народа, на него бросались сразу несколько человек (в первую очередь, свои же - А.Г.) и обыскивали. Попавшись на месте преступления с зажатой в кулак гирькой или свинчаткой, виновный боец спешил бросить свое оружие подальше в снег, но это редко ему удавалось и большей частью тут же на месте производилась над ним расправа" (стр.15).

Разумеется, при такой постановке дела были просто невозможны "ножи и ядры", которые выше мы видели в Петербурге Екатерины I.

Далее, вынужденные опускать красочные описания Фомина, будем приводить лишь наиболее существенные места:

"...бывают случаи, когда одновременно идут два боя: один взрослый и другой, несколько в сторонке, детский... На некотором почтительном расстоянии располагаются зрители... , главным образом женщины. Замужние приходят полюбоваться боем нередко с грудными детьми на руках. Девушки разряжены по-праздничному..."

...кулачники сделали перерыв... только что отчаянно дравшиеся, как заклятые враги люди стояли теперь рядом друг с другом, мирно закуривали и оживленно беседовали о бое... С помощью снега стирали, удаляли кровь... Некоторые в сторонке сидели или отлеживались... а здесь он отлежится и через четверть часа снова будет драться, как ни в чем не бывало. Жалоб, злобы, стонів не слышно нигде. Настроение у всех совершенно мирное. В некоторых местах толпы слышен дружный смех... Наконец, когда прошло минут двадцать... в толпе, в которой было приблизительно 1500 человек, начали снова раздаваться характерные призывные крики и свист... Кто-то кого-то ударил... крики перешли в сплошной рев, смешанный со свистом... Издали центр толпы, где шел бой, производил впечатление каких-то танцующих людей..."

Сходились и расходились люди, поднимались и опускались для удара кулаки... Этот танец центра постепенно расширялся во все стороны... Сотни кулаков каждую секунду поднимались кверху, наносили удары, от которых стоял в воздухе своеобразный гул, не заглушавшийся даже криками и ревом дерущихся кулачников... "Толпа быстро перешагивает, замечает Фомин. Секунда - и наблюдатель сметен вместе со своим фотоаппаратом, зрители бросаются в переулки. Однако, все обходится благополучно. "-Бой не остановишь! Это все равно, что реку назад повернуть..." -замечают его участники, что как нельзя более верно говорит об интуитивном характере боя, о его "генетической" программе, которая исчезает только вместе с народной культурой:

Автор не скрывает, и не хочет скрывать того восторга, который охватил участников боя да и его самого: Сами бойцы о своих членовредительствах рассказывали с шутками, восторгаясь только что закончившимся боем, который в этом году, по их словам, особенно удался... Ни тени злобы, затаенной мести, в этих рассказах я не заметил..."

В прежние годы кулачный бой в Никольском (а Фомин описывает 1925 год, Воронежская губ., Новоперховский уезд, с.Никольское) начинался с 12-ти дня и заканчивался с первым ударом колокола к вечеру..." (т.е. в 17.00 - А.Г.).

6. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Помимо фольклористов, писали о кулачном бое и литераторы, журналисты, в первую очередь. Суждения их были самые поверхностные: "Гуляние первого мая (а речь идет о рубеже XVIII и XIX веков - А.Г.) обыкновенно праздновались в Екатерингофе... сколько разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, песен, плясок и пр. было там... виднелся шалаш с единственными украшениями: дымящимся самоваром и простым пастушеским рожком для акомпанемента поющих и шляпущих поклонников алкоголя.

Здесь же на потеху народу завязывался кулачный бой, в который вступая, по русскому обычаю, соперники троекратно целовались и обнимались. Победителем на таких боях долго славился целовальник Гордей.

Кулачные бои происходили также каждое воскресенье на Неве, в Великом посту, боролись и дрались охтяне с фабричными стежляного и фафороваго заводов.

Что же касается до боев на зеленом поле, то в старину они в Петербурге процветали." Отвлекаясь от описания кавалькад на кулачный бой, автор неожиданно переходит к рассказу о карточной игре. И то, и другое для него явление повсеместное и вполне заурядное. (М.И.Пыляев "Старый Петербург", СПб., 1889) (Л., 1990, стр. 435)

А вот что вспоминает о московских кулачных боях конца прошлого века журналист Д.А.Покровский ("Страницы минувшего". М., 1991): "Стенка замышлялась чуть не за неделю, обсуждалась на военном совете, который собирался в том или другом фабричном трактире, и окончательные решения по организации битвы принимались военачальниками обеих сторон по взаимному соглашению. О месте и времени побоища становилось известно каждому дня за два, так что к созерцанию грандиозного зрелища собиралась буквально со всей Москвы масса любителей. Подробнейшие инструкции заправилам стенки сообщались ее главнейшими распорядителями в течение всего праздничного дня в каком-либо из трактиров возле Покровского моста, на котором целый день толкались будущие герои..."

Еще доселе свежи предания о непобедимых рыцарях кулачного боя и мужественных вождах стенок. Это были, конечно, простые фабричные, искусившиеся в энергических приемах русского бокса, блиставшие атлетическими формами, выделявшиеся непомерной физической силой, прямые потомки тех богатырей, что ломали червонцы, как мятный пряник, сгибали подкову... На кулачные бои они смотрели не как на забаву, а как на дело, к которому они предназначены самой судьбой, как артист смотрит на подмостки, и к этому делу относились с суровой, добросовестной педантичностью.

Рыцарские уставы кулачных боев, правда, немногочисленные, блюли они с самой идеальной нелюбезной строгостью, и нарушение их, особенно сознательное и намеренное, карали с драконовской беспощадностью..."

Подобные возвышенные описания не нуждались бы ни в каких комментариях, если бы не было других, более жестких описаний, свидетельствующих об упадке кулачного боя.

Говоря о русской прозе, можно назвать много известных авторов, так или иначе упоминавших о кулачных боях: С.Аксаков, К.Паустовский, В.Гиляровский, П.Бажов, А.Горький и др. Мы приведем фрагменты, на наш взгляд, наиболее точного - на грани этнографического описания-изображения боя. Николай Помяловский (1835-1863), "Поречане": "...-Дай бою, дай бою! - слышалось на Озерной. Дай бою, дай бою! - откликалось с другого берега. Дрались пока мальчишки. Но к трем часам собралось кульеносное и пореченское воинство... Озерная покрылась массами бойцов и экипажами любителей из купцов и военных, берега были полны народом. Любопытно было посмотреть на поречанок, а особенно послушать: страшный визг, вылетающий из их грудных мехов, волновал воздух... Поречане строились. Построившись на середине реки, они тихо, почти не говоря ни слова между собою, дожидались врага. Совершалось что-то торжественное... Все окрестности смолкли... Даже пореченские дамы на время рот застегнули... В колясках и санях привстали на ноги офицеры и купцы... Воздух замер..."

Стена муравьев подошла к стене поречан и завопила благим воем: -Дай бою, дай бою! -Поречане вызывали их со своей стороны... -бей их! -скомандовали братья-силачи. Мужики, сверх своего обыкновения, дружно и стойко ударили на поречан. Поречане стойко приняли их... Одни боевые вошли производили потрясающее впечатление. На этот вой пореченские дамы, расцветившие берег своими платьями и кацавейками, отозвались оглушающим упи визгом. Застонала окрестность... Хлестнев, дав страшную затрещину противнику, крикнул своим: -Бей в середку! - Но в ту же минуту он был отброшен противником. Поречане по его приказу ударили в центр неприятеля, но этот натиск, будучи предугадан... был отражен... Поречане смешались... -Бегут! -крикнули муравьи, -лупи их!.. бей их!.. Поречане от такого крика совершенно растерялись... Что поделалось с окрестностями! -Наших бьют... бегут наши! -кричали, растегнувши рты пореченские девицы и бабы...

...-Стройся, ребята! кричал Хлестнев... Характер битвы переменялся. Стали биться очень плотно, дружно и хлестко. Поречане хотя были и теперь теснимы, но отступали в строгом порядке, по вершку... Они сыпали друг другу страшные удары, но лица их и грудь окаменели... ни один не сделает фальшивого полуоборота, изучают каждый взмах и удар друг друга. Это шла уже не игра, а какое-то глубоко-сосредоточенное, научно-кулачное занятие. Душа замирает у бойцов но при замирании сохраняется полное присутствие духа... Хлестнев первый не выдержал характера... -Бей их! лопи! -Поречане стали мешаться... побежали. Мужики тяжело преследовали их ...поречанки рот расстегнули и голосисто взвыли... поречан выпнали на горку... Между тем мужики отошли на середину реки, построились здесь и ожидали поречан для новой схватки. -Дай бою!... -вопили они теперь вполне самонадеянно..." (из сборника "Жизнерадостные люди" М., 1991).

Не обошла стороной нашу тему и поэзия, хрестоматийным стала Державинская "Фелица" (1782):

Или музыкой и певцами,
Органом и вольнкой вдруг,
Или кулачными бойцами
и пляской весело мой дух...

А.П.Сумароков ("Кулачный бой") демонстрировал официально-презрительную точку зрения:

Каких вы, зрители, здесь ищите утех,
где только варварство позорища успех?

Совершенно противоположного мнения был Пушкин (см. "Полтаву"), а кто не помнит восторженного лермонтовского: "Уж мы пойдем ломить стеною..." Не говоря уже о знаменитом "Купце Калашникове". Наконец, уже известный нам Измайлов с его басней "Кулачные бойцы":

В Москве фабричный был Семен, силач, боец,
зараз из печи изразец
своею вышибал железной пятернею.
Когда же на бою являлся пред стеною,
все опрокидывал и гнал перед собою.
Страх, ужас перед ним,
а клики радости и похвала за ним.

По окончании сраженья,
героя нашего ведут все с торжеством
в питейный дом
для угощенья.

Говоря о поэзии XVIII века, следует отметить, что хоть она (поэзия) хотела быть и "античной" и "западной", а писалась зачастую русским раешным стихом. Но далеко не всем он был по зубам, и чем дальше, тем меньше поэтов бралось за него. Это Пушкин, со своим непревзойденным Балдой, затем - Хармс с Чуковским, а в наше время - разве что Высоцкий.

Во времена Пушкина и Крылова стих этот был еще жив в народе и, разумеется, придумали его не раешники, а наоборот - он, как жанр архаический, создал и раек, и ту форму фольклорного театра, которую мы знаем. Безусловно, стих этот древнее и "дедушки" Крылова и самых что ни на есть доисторических скоморохов. Отголоски этого жанра видим мы на лубочных картинках (№202 у Ровинского. "Кулачные бойцы - казак дерется с солдатом"):

О-хо-хо, брат, в глаза кулаком -
хочет меня сделать дураком.
Добро ты бешен как коза -
нескоро подобьешь мне глаза.
Запоешь ты и сам в голоса,
как влеплю тебе в волосы!
А что постой, брат, маленько
постулю я с тобой бодренько:
рожа-т у тебя плоска,
а я хвачу бить с носка... и т.д.

Глядя на картинку, нетрудно вообразить, как эти ряженые могли на ярмарке передразнивать того же Семена Трещалу.

Закончим мы наш этюд "незабвенным" Иваном Барковым, выдавшим в 1777 году свою "Девичью игрушку" (СПб., 1992). Барков превзошел всех вместе взятых скоморохов в скабрёзности, однако не смог постичь народного юмора. Среди прочего, находим мы у него оду "Кулачному бойцу", где имеется масса интереснейших деталей:

Ударят в бубны, барабаны,
удалы добры молодцы,
в тазы и ложки и стаканы
фабричны славные певцы...

(Вот является Бузник)

Среди кулачного я боя
узрел тычков, пинков героя...
(напомним, что тычки категорически запрещались)

(Мы видим бой пьяный, увечный, что и восторгает Баркова)

Между хмельнистых лбов и рдьях,
между солдат, между ткачей...
Алешу вижу я стояща.
Ливрею синюю спустил,
разит противников грозяща...
Он руки быстро простирает,
в висок ударит, в жабр жадаст...

(Противник Бузника вполне "достойный" - висок, жабр (кадык) - наиболее запрещенные для ударов места. За что казнили Калашникова? - За намеренный удар в висок.)

Расквасивши иному маску,
зубов повыбрал целый ряд.
Из губ пустив другому краску,
пихнул его в толпу назад...

(Меж тем Бузник:)

Сильнейшую узревши схватку
и стену где холоп пробил,
схватил с себя, взял в зубы шапку,
по локти длани оголил,
вскричал, взревел он страшным зевом,
небось, ребята, наши, стой!..
Пошел Бузник, тускнеют вежды,
исчез от пыли свет в глазах,
летят клочки волос, одежды,
гремят целчки, тузы в боках...

(Щелчки, тузы - виды ударов?)

Стеной так в стену ударяют,
меж щек, сверх глаз тычкой сверкают...
Бузник не равен Геркулесу,
вступив в размахку, начал пхать...

(размахка - обмен ударами на дистанции)

Кулак его везде летает,
крушит он зубы внутрь десен...
хребты имеючи согбенны,
претвердо берцы утвердив,
как луки мышцы напряженны,
стоят, взнося удар пытлив

(в нетрадиционном бою и стойка нетрадиционная - без "сгрудки")

друг друга в силе искушают,
махнув, вперед, назад ступают.
Не долго длилась размахка,
Алеша двинул в жабры, в зоб,
но пестрая в ответ рубашка -
лизнул Бузник Алешу в лоб.
Исчезла бодрость вмиг, отвага,
как сноп упал, чуть жив лежит...
На падшего Бузник героя
других бросает, как ребят...
Фабричны, в вые разъяренны,
тузят во след их в сильных мах.
Меж стен открылось всюду поле.
Бузник не зрит противных боле.
Фабричны славу торжествуют
и Бузника вокруг идут,
кровавы руки показывают,
победоносну песно поют,
глася: врагов ступленно жало.
Гулять восходят на кружалю.
...Уже стаканы загремели,
считают все свои трофеи,
который что в бою смахал,
иной, плясав, себя ломал.

(а вот и знакомое "ломание")

Пьянка в кабаке кончается тем, что туда врывается карательный отряд солдат. Таким образом, наша оценка боя совпадает с мнением полиции.

7. ОТ ОБЗОРОВ ДО ДИССЕРТАЦИЙ

Теперь обратимся к наиболее полному исследованию советского периода: Грачев А.В., Коган М.С. "История физической культуры в СССР с древнейших времен до конца XVIII в", ФизС, М-Л, 1940. Хрестоматия Грачева и Когана не свободна от ленинско-сталинских установок, вследствие чего многие выводы авторов на сегодняшний день звучат почти комически. Тем не менее, в книге цитируются многочисленные и труднодоступные первоисточники.

"Радимичи и Вятичи и Северяне один обычай имяху... ..межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съвещашеся"... (т.е. по соглашению - А.Г.) Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет. 1872" (стр. 8).

"Я видел руссов, когда они пришли со своими товарищами и расположились по реке Итиль, и я не видел более совершенных членами, чем они, как будто они пальмовые деревья, они рыжи, не надевают ни курток, ни кафтанов... каждый из них имеет при себе неразлучно меч, нож и секиру..." "Сказания мусульманских писателей о славянах..." СПб., 1870. Ибн Фадлан Ахмед - посол багдадского халифа к болгарам, 921 год. (стр. 9).

140

"...Но виноватый мог, не выплачивая денег, вызвать правого на бой, даже и после присяги. На Москве было много бойцов, которые за деньги бились за каждого. И кто выигрывал дело присягой, а противная сторона (судебным) решением была не довольна, тот должен был биться на бою со своим соперником или же нанять за себя бойца." "Т. Штаден" О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника" М., 192. (стр. 45).

"В праздничные дни молодые люди имеют обыкновение собираться и развлекаться ударами кулаков и палок, обижаться за это считается между ними неприличным... есть между ними такие, которые очень хорошо умеют бороться". "Описание Московии при реляциях гр. Карлейля". "Историческая библиотека" 1879, N5 (стр. 49).

"...От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси в Белгород воеводе нашему... ведомо нам учинилось, что... люди и жены их, и дети в воскресные и господские дни... к церквам Божиим не ходят, и умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество.. и многие люди тем прелестникам и скоморохам следуют... сходятся по вечерам и во всенощных позорищах на улицах и на полях, и богомерзких и скверных песней и всяких бесовских игр слушают... и на кулашных боях меж собою драку делают, и на качелях колышутца в круг и на веревках... и в ночи чародействуют, с солнечного восхода первого дня луны смотрят и в громное громление на реках и озерах купаются, чают себе от того здоровья и с серебра умываются, и медведи водят, и с собаками пляшут, зерною, и в карты, и в шахматы, и лодыгами (в бабки - А.Г.) играют, и бесчинное скакание, плесание и поют бесовские песни... И мы, великий государь, жалее о православных крестьянех, велел... бить батоги, а которые люди от того не отстанут... велено ссылат в Украинне города... Писан в Москве лета 7157 (1648) декабря в пятый день" (стр. 54).

Встречаясь с подобными документами, всякий раз необходимо определить, идет ли речь о вырождении культуры (видим ли мы своего рода поп-культуру XVII века) или же бесноватыми являются конкретные ортодоксы, не способные видеть высокой духовности народных традиций? Очевидно, верны обе точки зрения и от их путаницы в административных мозгах проистекали все недоразумения. Во всяком случае, фактом остается то, что все эти меры ни к чему не приводили, да и сами государь и иерархи порой вели себя неподобающим образом:

"О неправедном житие. Аще кто... или ловы творит с собаками, и со птицами, и с медведи и всякое дьявольское угоды творит, скоморохи и их дело, плясанье и сопели, песни бесовские всегда любя и зерною, и шахматы, и тавлеи сам государь и его дети и христиане тако творят, а государь о том и возбраняет... -все вкупе будут во аде, а зде прокляты" (Домострой, гл. 26).

Мы видим, что в предыдущем фрагменте Алексей Михайлович цитирует Домострой и велит бить батогами. Добавим к этому еще одну цитату: "В царствование Алексея Михайловича охота доведена была до необычайной роскоши и являлась едва ли не первой среди царских охот всех иностранных дворов..." и т.д. (А.Е.Зарин. "Царские развлечения и забавы за 300 лет". Л., 1991, стр. 9).

Вернемся снова к хрестоматии Грачева и Когана:

"...Люди для забавы выходят на кулачки, так медленны и умеют делать такие прыжки... Бойцы, когда бьют разом и руками и ногами, готовы кажется

съесть один другого.. а все-таки остаются лучшими друзьями, когда дело кончено... К подобным упражнениям они приучаются с юных лет... Мы видели такие бои и между самыми маленькими ребятами ". Дневник Ф.В.Берхгольца (1699-1765) М., 1902 (стр. 69).

Здесь мы видим традиционный обрядовый бой и, хотя между Берхгольцем и, допустим, Фоминым или Покровским ложится не одно столетие, заметно, что очевидцев поражает одно и то же: "остаются лучшими друзьями".

Мы хотим закончить краткий обзор работы Грачева и Когана на стр. 107: "Кулачная потеха на Руси известна со времен ее самобытности. Летописцы наши говорят об ней еще в начале XIII века (XI - А.Г.) с какою-то восторженностью. Великий Князь Киевский, Мстислав, и князь псковский Владимир, обозря перед битвою своих союзников - новгородцев и смолян, представляют им волю: сразиться на конях или пешими. Новгородцы отвечали: "Мы не хотим на конях, но сразимся, по примеру наших предков, пешими и на кулаках". А.Терещенко "Быт русского народа" СПб., 1847.

Из специальных работ отметим следующие: диссертация Н.П.Новоселова "Военные игры русского народа и их отношение к эпохе военной демократии", 1948 г. (эту работу увидеть нам не удалось) и диссертация Б.В.Горбунова "Народные виды спортивной борьбы в традиционно-бытовой культуре восточных славян XIX - начала XX в.", 1990, автореферат которой содержит много интересных наблюдений. Не можем мы только согласиться с заключительными выводами Горбунова, что кулачный бой устарел и пропагандировать следует одну борьбу.

Наконец, последним изданием, посвященным нашей теме, было: "И были схватки боевые" (Лукашев, М., 1990). Мы благодарны Лукашеву за неутомимую популяризаторскую деятельность, досадно, однако, что автор не всегда приводит ссылки на первоисточники.

Завершая обзор литературного наследия кулачного боя, заметим, что мы старались не избегать "дискредитирующих" свидетельств, описаний, рисующих обряд кулачного боя как пережиток варварских времен. С другой стороны, мы не злоупотребляли цитатами восторженных современников. Кулачный бой как явление народной культуры был разным во все времена. Наша задача изучать и пропагандировать его традиционную форму, немислимую вне воссоздания целостной культурной традиции: бытовой, фольклорной, духовной (православной).

8. ОБРЯД БОЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (краткий очерк)

1. Два слова о медведях и рогатых богах

Не раз говорили мы о том, что бой, по крайней мере, в своей архаичной форме - форме русского кулачного боя, есть не соперничество, не борьба за место под солнцем, а обрядовый танец, в животном мире - брачный танец, у человека - танец, связанный с религиозным, символическим действием, призванным влиять на действительность. Наконец, бой это и театрализация эпоса - фольклорный театр, в широком смысле слова. Таким образом, исследуя

произведения древнего изобразительного искусства, нам следует обращать внимание, в первую очередь, на обрядовые действия, а не на бои, как таковые. Так например, росписи гробницы Бени-Гассана (Египет, III тыс. до Р.Х.), хотя и дают представление об арсенале приемов, ничего не говорят ни о шпастике, ни о технике - они орнаментальны.

Начнем наш очерк с мужика, числящегося "поводырем медведя" на бронзовых бляшках из Торслунда (VII в., Швеция., рис. 1) - бронза, надо думать, выполняла те же обереговые функции, что и вышивка. Сей рогатый мужик (или мальчик, т.е. "женщина" - коза, в русской "медвежьей потехе") восходит, вероятно, к образу бога-быка. О последнем см. у С.В.Жарниковой ("Обрядовые функции северного женского народного костюма", Вологда, 1991).

Рис. 1 "Поводырь медведя". Швеция(VII век).

Наш славянский Род, а с ним и Индрик, греческий Дионис (Зевс) и даже бог китайский (ритуальный бой в древней борьбе Го-ти с бычьими масками на головах), индусский Рудра, скандинавский Тор (Тур?)⁴⁵ со своей турьей колесницей - все это боги-быки и, очевидно, именно такого бога изображает варяжский (?) шаман из ТОРслунда. И копыя - символы молний - в его руках тому подтверждение. Характерны так же лунообразные рога (луна - символ Рода, Рудры и пр.) и бычьи уши, на рогах же, видимо, колокольчики. И медведь, и "бык" весьма похожи на соответствующие изображения русского лубка "медведь и коза" (см. у Д.Ровинского, рис. 2), где колокольчики на рогах - обязательный атрибут.

(45) Тур - бык и башня (фаллический символ). По славянски башня - "кур", в Европе - tour - буквально "к небу". Тур и турпа, как объекты прославления, характерны для святочных песен, "Яр тур Всеволод" в "Слове..." и т.д. А наш европейский театр - что это? -Отголоски великих Дионисий - пляски ряженых козлов, в честь бога-быка.

Рис. 2 "Медведь и коза". Русский лубок (XVIII век)

Часто вместо молний в руках верховного бога Рода или богини-продолжательницы жизни Рожаницы мы видим змей (рис. 3).

Рис. 3 "Рожаница". Рисунок на камне. Остров Готланд (VI век)

"...Целый ряд русских женских головных уборов имеет рога:... женщина уподобляется корове или козе - существам, с древней поры считавшимся связанным с символической плодородия..." (Жарникова, стр. 22).

Этакий Лаокоон не раз встречается в книжной миниатюре впечатным в тератологический (от *teras* - чудовище) орнамент. Образ молнии легко переходил в образ небесного (горнего) змея.

Надо заметить, что Род, рог и Рожаница - слова однокоренные: по-славянски "рог" во множественном числе - "рожи", отсюда наконецник копыя называется "рожон". Копье, как и рог, символ изобилия и объяснение тому двойное - копые из рога и копые кормит охотника, а кроме того, рог - мужской признак у всяческой скотины. И не случайно из рога (рожка) кормили младенцев.

Медведь же является типичным индоарийским символом рода - достаточно вспомнить образы медведя из нашего фольклора. Медведь - хозяин, барин, сравним *beag*, *bägin* - медведь или медведица (англ., нем.). В руках (отнюдь не в лапах - медведь-то ряженный и чужие ноги выдают его) у торсуидского медведя опять же копые. Если говорить о лубочном медведе (XVIII в.), оно заменено дудкой или балалайкой, однако у ряженого на фреске собора Св. Софии (Киев, 1120-1125 гг., северная башня) - рис. 4, копые натуральное.

Рис. 4 "Ряженные". Фреска в св. Софии. Киев (XII век).

Всюду и везде медведь и бык шляпнут, а если точнее - "ломаются". Сам танец "ломания" и доньше у псковичей называется "шляпать горбатого" (горб, гора - *Berg* - гора), т.е. медведя, а соответствие шлястики VII в. и нынешнего кулачного боя - палица: "...появившись таким образом, он начинает дергать за веревочку, отчего обе дощечки, из которых сооружена морда ("козы" - А.Г.), целкают в такт уродливым прыжкам парня, который перешлетая ногами, время от времени подсакивает к медведю и щекочет его своими вилами (рогами) ...хозяин бросил шлясуну (т.е. медведю) свою толстую палку, и тот, немного огрызнувшись, поймал в охапку и оперся на нее всюю тяжестью своего неуклюжего тела" (С.Максимов "Сергач" в сб. "Фольклорный театр", М., 1988).

Очевидно, наша "медвежья потеха" - след забытого доисторического обряда (а испанские торреро, а греческие гекатомбы?). Напомним, что итог "потехи" - единоборство человека ("вожака", "быка", "козы") с медведем. Существует множество поверий на этот счет: "потенный" медведь излечивает, дает здоровье, девки стараются потрогать его и т.д. Победа человека (Рода-

Творца) над природным началом (медведем) имеет религиозный, мистический смысл. Практический результат - выход в иное состояние, знакомое нам по занятиям кулачным боем. Напомним пословицы, которые приводит В.И. Даль в разделе о боях: "Медведь умер - и пляска стала".

На примере "медвежьей потехи" мы пытались показать необходимость системного подхода: искусствоведческого, фольклорно-этнографического и технического. Для того, чтобы увидеть в лубке, вышивке, фреске боевую технику и понять смысл ее, надо иметь о ней понятие.

2. Два слова о древнерусской живописи

Древнерусское изобразительное искусство известно нам века с десятого. Безусловно, первыми учителями русских художников (как тогда писали: "иконьник", "писец", "хитрець", "мастер" и т.д.) были греки. "Повесть временных лет" под 989 годом говорит о том, как князь Владимир "пославъ приведе мастера от Грекъ" для постройки и росписи Десятинной церкви (989-996). Греки, однако, работали не в одиночку. Среди русских ремесленников, за много веков до греков создававших замечательные произведения ювелирного, гончарного, военного и прочих искусств, дошедшие до нас, и не дошедшей до нас деревянной архитектуры и, возможно, языческой живописи, вероятно, было нетрудно отыскать учеников для греческих "писцов". В последующие пять веков летописи лишь четыре раза упоминают о греческих мастерах (см. В. Лазарев "Древнерусские мозаики и фрески", М., 1973) и вовсе не потому, что греки (а также болгары, сербы) редко "подписывали" наши храмы. А потому, что возможно было свободное проникновение культур: русской, византийской, южнославянской и, отчасти, западноевропейской. Византийцы, как нам представляется, не могли быть ни великими учителями, ни конкурентами русских, а просто работали рука об руку. Нет сомнения, что византийская традиция через икону, фреску, миниатюру повлияла на стиль народного творчества: лубок, росписи прялок, ларцов, резьбу изб и пр. - всего того, что стало частью фольклора. Однако, как нам думается, гораздо существеннее обратное: отечественное дохристианское искусство, не совсем дошедшее до нас, определило направление и саму возможность внедрения византийской культуры. Сращение двух культур на общей почве - общих индоарийских корнях, которые до сих пор говорят с нами через палеолитическую живопись, через язык орнамента и т.п. - дало то Древнерусское искусство, которое мы знаем, или, вернее, еще только начинаем узнавать. В силу сказанного оказалось возможным восприятие или, точнее, наследование религиозной культуры.

Первый, киевский период истории древнерусского искусства ограничивают началом XIII века. На самом раннем этапе вместе с подражанием грекам характерно и нечто неповторимо русское во всех жанрах.

Во втором периоде (XIII-XIV вв.) заметно развитие самостоятельных школ во Владимире, Новгороде, Пскове. В связи с монгольским нашествием исчезает мозаика, приходит в упадок архитектура, иконопись начинает быстро развиваться. К рубежу XIV и XV веков относится творчество таких выдающихся мастеров, как Феофан Грек (около 1340-1410) и Андрей Рублев (около 1360-1430). Школе последнего приписывается создание "высокого русского иконостаса" - системы икон, отгородивших стеной алтарь от подкупольного пространства. Вообще с именем Рублева связано все то безмятежное, радостное и, вместе с тем, глубокое, что отличает русское искусство.

Третий период - XV век - расцвет русской культуры. Здесь заметна выдающаяся фигура Дионисия (около 1440-1509), а также целая плеяда безымянных творцов, запечатлевших воскресение на третьем веку распятой и кровоточащей от междоусобий и нашествий России. В XVI, XVII вв. русская живопись приходит к реализму - то был знак упадка, утраты духовного содержания: "По попущению Божию умножилось в русской земле иконного письма неподобного. Изографы пишут, а власти соблаговоляют им, и все грядут в пропасть погибели, друг за другом уцепившиеся. Пишут образ Спасов... и весь яко немчин учинен, лишь сабли при бедре не написано. А все то Никон враг умыслил, будто живых писати... Старые добрые изографы писали не так подобие святых: лицо и руки и все чувства отончали, измождали от поста и труда и всякие скорби, а вы ныне подобие изменили, пишете таковых же, каковы сами" (протопоп Аввакум).

Упадок культуры был связан, с одной стороны, с объединением России как государства, а с другой, - вел к Смуте и религиозному расколу. XVII век обозначился не только упадком искусства, но и тенденцией подражательства Западу. Теперь уже иноземная традиция не сливалась, а вытесняла отечественную. Вместе с упадком иконописи сложился обычай укрывать изображение ризами (оставляя лишь лик да руки), погребая под золотым саркофагом замысел художника. Не воинствующие атеисты, а глубоко верующие художники утратили способность понимать своих предшественников - сбивали фрески, записывали их по новой, выбрасывали потемневшие иконы.

ФРЕСКА. В отличие от итальянской, русская фреска писалась без предварительного рисунка на первом слое грунта. Второй наносился участками, определявшимися дневной нормой мастера (например, "крещение" - церковь Спаса-Преображения на Нередице - более 9 кв.м и т.п.). Русская норма была на порядок больше западной. Эскиз делался самый общий, чаще всего, обозначались лишь габариты изображения с помощью паралин (графы). Заполняя плоскость темными тонами, "писец" со своей "дружиною" (где было от двух до шести и более учеников-помощников) наносили последовательно более светлые краски, вплоть до белильных бликов ("оживков"), таким образом, фигуры постепенно выступали из мрака стены. Ни техникой, во всяком случае, не только техникой, определялся молниеносный темп работы (ведь в результате - Покой и Любовь). Если бы дело только в сохнувшей штукатурке, то наши предки писали бы фигуры кусочками, как итальянцы. Дело, видимо, в состоянии, в религиозном чувстве, наполнявшем художника. Он не ставил перед собой задач поразить или напугать, он вообще не интересовался плотскими задачами передачи эмоций. Он просто творил в особом состоянии и дал нам, тем самым, шанс самим опутить Нечто, открывшееся ему. Не разумом писал наш предок, но сердцем. Не от того ли наше искусство оставалось символическим, а Запад уже в XIII веке пришел к реализму. Эпоха не располагала к "покою и воле", философские обобщения были неуместны, а жизнь живописца не стояла ни гроша.

ИКОНА. Иконы на Руси, как правило, писала та же дружина, что и "подписывала" храм. Ни в чем, быть может, разве в самой храмовой архитектуре, русский гений не достиг таких высот, как в иконе. Иконописное дело требовало колоссального труда. Весь мир - в самом прямом смысле - терпением "иконника" преображался в чудо иконы: доска строгалась из липы, покрывалась левкасом, (что значит: белый - греч.), что варился из осетровых пузырей на толченом мелу, цветная галька собиралась по всем речкам, толклась в пух,

замешивалась на яичном желтке, "вишневую камедь" (смола) надо было собирать по крупцам с весенних вишен, для "калек" требовался чеснок и угольная пыль, для кистей - беличий хвост, для лака - по верху краски - янтарь. Золото нимбов клеили из настоящего золота, расковав червонец на тысячу лепестков, еще нужны были золотые руки мастера и вся его жизнь.

И все это в большинстве случаев сгорало через 15-20 лет вместе с деревянной церковью. Или приходили ордынцы или собственные опричники, что были почище ордынцев. И все же, если мастер оставался жив, он начинал все сначала - скоблил доску. (Так, в 1405 году Андрей Рублев, совместно с Феофаном Греком и Прохором с Городца, расписывал Благовещенский собор в Кремле, а в 1415-м собор вместе со всей Москвой "выгоре". На следующий год возводится новый собор, и Рублев, как предполагают исследователи, вновь "подписывает" его. А в 1467 году на месте рухнувшего собора стоял уже третий по счету.) Бывало хуже, когда по старой закопченной иконе внуки ушедших мастеров в угоду изменившейся догме или упавшим вкусам писали уже совсем иного Христа. Но чем короче был век иконы, чем безнадежнее судьба, тем упорнее творил мастер, воспринимавший свое ремесло как Служение.

"Окном в иной мир" назвал икону Павел Флоренский. Видели ли нас, сквозь икону Страшного Суда мастера XV века, мы не знаем, но нам дано увидеть их.

Вернемся к теме. Фреска, икона - произведение духовное. Бытовой сюжет (борьба, бой) возможен здесь лишь как символ. Последний есть содержание вообще всякой традиционной живописи. Но не говоря уже о духовном плане, даже в чисто техническом, символическое изображение дает более, чем изображение реалистическое. Здесь мы обратим внимание на русскую посадку "в сгрудке" на коне - откинутае назад, расслабленное тело. На это обращает внимание Гирберштейн (начало XVI века): "Седла приспособлены у них с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться, натягивать лук... Хотя они вместе и одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и безо всякого затруднения умеют пользоваться ими." Именно такую посадку видим мы у св. Георгия, Бориса и Глеба, волхвов, поспешающих к Рождеству, везде, где под кистью русского живописца возникает человек на коне - символы, подчиненные тысячелетней традиции. Впрочем, такую же посадку мы видим и на ранних византийских фресках и на фронтоне Парфенона (Фидий, V век до Р.Х.) и т.д. Но в XVI веке она, неизвестная европейцу, сохраняется на Руси. "Сгрудка", как стойка бойцовская, жива по сей день.

Напрасно мы будем искать в Дмитрие Солунском или Св. войнах образ русского богатыря: оружие почти всегда - символично, доспех - греко-римский, но во всем облике и повадке узнается русская пластика. Наконец, распространенная сцена: борьба Иакова с ангелом (рис. 5).

Рис.5 "Борьба Иакова с ангелом". Фреска из церкви Успения на Волотовом поле (Новгород).

Мы взяли изображение из церкви Успения на Волотовом поле (XIV век). Автор, очевидно, равнодушен к борьбе - внешне спокойная, уравновешенная композиция наполнена внутренней динамикой, ее невозможно спутать ни с греческой, ни с древнееврейской, динамика эта проявится потом в лубке, а позже в классической гравюре. И вовсе не потому, что художник XIX века копировал иконопись, а в силу стойкой традиции изображаемой пластики.

КНИЖНАЯ МИНИАТЮРА. Книжная миниатюра появилась на Руси довольно рано - с первыми греческими и болгарскими книгами IX, X веков. Книги переписывались (в основном, в монастырях), разумеется, вместе с миниатюрами, ибо представляли собой "единство словесного и изобразительного материала" (А.Амосов), а это, т.е. то, что дошло до нас, в лучшем случае, век XVI-й. Однако, переписывание на тему нашей не отзовется - постоянство манеры изображения соответствует постоянству пластики движений.

Над миниатюрой работали большие живописцы, иногда такие "иконники", как Андрей Рублев. В миниатюре больше архаики и индивидуального мастерства, в ней есть более свободный выбор сюжетов по сравнению с иконой, в ней прямейшая связь с народной - через орнамент - традицией, наконец, в ней есть некая кинематографичность, лист за листом ведущая нас по канве событий. Последнее воплотится потом в лубочном искусстве, особенно в райке. От времен киевской Руси сохранилось только три рукописи: Остромирово Евангелие (1056-1057), Изборник Святослава (1073), Кодекс Гертруды (между 1078 и 78 гг.). Из тех произведений, которые переиздавались в наше время и где можно увидеть миниатюру в цвете, укажем следующие: "Житие Александра Невского" (Л., 1990), "Повесть о куликовской битве" из "Лицевого летописного свода" - 1570 г. (Л., 1984), "Сказание о мамеевом побоище" (М., 1980), Киевская псалтирь 1397 года" (М., 1978) и др.

Огромное количество батальных сцен находится в Лицевом (т.е. изображающем в лицах) летописном своде Ивана Грозного, по определению А.Преснякова

"Московской исторической энциклопедии". Только в цикле о Мамаевом побоище - 180 иллюстраций, а всего в 11 томах (из них 10 дошло до нас) - 16 тысяч иллюстраций!

Миниатюра, в силу своих особенностей, уже на самом раннем, киевском этапе, далеко вышла за рамки греческой традиции. Именно в миниатюре на небольшом формате листа русскому человеку было где развернуться. Судьба книг была пожалуй более завидной, чем у икон и у фресок: их успевали выносить из горящей церкви и прятать перед нашествием, но их также не щадило время. К концу XIV века "создается особый, синтезированный Андреем Рублевым стиль, который станет национальным русским и ляжет в основу письма и миниатюр, и икон, и фресок (О. Попова)⁴⁶". Мы приводим несколько миниатюр из "Радзивилловской или кенигсбергской летописи" (Фотомеханическое воспроизведение, СПб., 1902). В XVII веке рукопись эта попала в Кенигсберг, а после Петр I "взял" ее почитать и не вернул. Вот знакомая "сгрудка" (рис. 6), вот Св. Владимир - см. выше о посадке на коне (рис. 7), вот Ян Усмарь борется с печенегом (рис. 8), а это разве не "ломание" (рис. 9)?

Рис. 6 Миниатюра. "Радзивилловская летопись"

Культурный упадок XVI - XVII веков для миниатюры совпал с распространением книгопечатания в России. Это ускорило падение жанра. Но, вместе с тем, появилась возможность жанра нового.

ЛУБОК. Лубки получили распространение с середины XVII века. Сначала рисунок резали на лубе (верхний слой древесины, липы, в основном), позже стали изготавливать на медных досках, на манер западной гравюры.

(46) О истории русской книги можно прочесть в сборниках "Древнерусское искусство". М., 1972, 74, 83, 84...

Рис. 7 Миниатюра. "Радзивилловская летопись"

Однако жанры эти на Руси никак не смешивались: лубок имел свою стилистику, свою тематику и, в отличие от обычной гравюры, был частью фольклора, т.е. являл единство текста и рисунка. Скорее можно говорить о влиянии лубка на гравюру, чем наоборот.

На луб наносили краску, покрывали бумагой и - под пресс, затем сушили, как белье на веревках, раскрашивали вручную. Сотни, тысячи экземпляров позволили сделать лубок поистине народным явлением. Петр и его последователи оценили силу лубка (впрочем, как и народного театра) и пытались сделать из него своего рода "агитатора и горлана", рядили Илью Муромца в Петровский камзол, а Соловья-разбойника - под Карла XII. И все же лубок остался лубком - настенным фольклорным театром.

Рис. 8 и 9 Миниатюра. "Радзивилловская летопись"

Начиная разговор о лубке, мы неизбежно обращаемся к капитальному труду Д.А.Ровинского (1824-1895) - о нем мы уже писали в предыдущих статьях. Пятитомник "Русские народные картинки" (СПб., 1881) вобрал в себя все известные лубки, опубликованные до 1839 года (это дата введения цензуры на лубок).

Обычно пишущие о кулачном бое ограничиваются известными лубками: "Добрые молодцы - кулачные бойцы" (Ермошка с Парамошкой), "Храбрые молодцы - удалые борцы" и т.п. картинки конца XVII - начала XVIII века, числящиеся у Ровинского под №198-202. Картинки эти, являясь по жанру (а он определяется стихотворным текстом) карикатурными, казалось бы, мало что говорят о кулачном бое. Хотя и здесь заметны национальные особенности: раскрытая стойка, поднятая голова, расслабленное тело... Известна также гравюра, приводимая Ровинским из издания А.Олеария "Описания путешествия в Московию". Гравюры, повидимому, были сделаны художником Гартманом Грамани, путешествовавшим вместе с Олеарием (1633-35гг.). Здесь слева от кукольника мы видим ломающегося мужичка (рис 10). Он отнюдь не дерется - рядом музыканты, он именно "ломается".

Во многих лубках, казалось бы, совершенно не по теме, мелькает знакомая "хореография" (например, "Аз есть хмель, высокая голова"). Замечательны картинки "Семика и Масленица" (№92) - здесь целая серия кулачных боев (рис. 11 и 12): опять бойцы в "сгрудке" - голова поднята, руки вразлет.

Рис. 10 С гравюры из издания А.Олеария "Описание путешествия в Московию" (XVII век) Рис. 11 "Семика и Масленица". Лубок конца XVII-начала XVIII в

На рис. 12 второй и третий слева мужики ломаются, скрещивая ноги на манер торелундского "вожака". Помимо картинок из собрания Ровинского в Петербургской "Публичной библиотеке", благодаря любезной помощи Н.И.Рудаковой, обнаружилось еще два любопытнейших лубка: "Кулачные бойцы" (1878 г.) - рис. 13 и "Песня про кушца Калашникова и молодого опричника Кирибеевича" (около 1905 г.) - рис. 14 и 15.

Рис. 12 "Семика и Масленица". Лубок.

Рис. 13 "Кулачные бойцы". Лубок(1878 г.).

Эти картинки просто замечательны - стилистика лубка такова, что она выделяет главное в пластике и динамике движения, чего даже на фото - сохранилось несколько снимков начала века - не всегда видно. Кирибеевич (рис. 14) явно "проваливается" на ударе, который "подхватывает" локтем Калашников. После боя Калашников расслаблен и опять в "сгрудке" - рис. 15.

Рис. 14 "Песня про купца Калашникова...". Лубок (около 1905 года).

рис. 15

Замечателен текст под лубком "Кулачные бойцы", который просто не возможно не привести:

Два мужичка
 вышли из кабачка,
 нога за ногу пошлелись,
 разговорились и подрались,
 Да из-за чего началась драка
 Почему конь не собака.
 Ссора предмета пустая
 возгорелась драка злая.
 Публика над ними смеется
 Ванька с Гаранькой дерется.
 У Ваньки от Гаранькина кулака
 заболели бока.
 А Ване нос
 по милости десницы в рукавице
 на неделю завязали с корицей в тряпицы
 Да дело быть может кончилось бы не так
 Если бы не подвернулся в компанию третий кулак.
 Хожалой между ними мир усталил
 и обоих бойцов на бичовочке в часть отправил.

ГРАВИЮРА. Гравюры XVII - XIX вв. (фонды "Русского музея") представляют собой богатейший материал для этнографа: костюмы, сценки из жизни, праздники, игры.

Интересны работы известного рисовальщика Мартынова ("Русские сцены" 1800-1810 гг.). Здесь пляски, борьба на поясах, поводырь с медведями - все нам хорошо знакомо. Прекрасно нарисована борьба у И.Щедровского (альбом "Вот наши с натуры", СПб., 1846). Обратим внимание на "Коллекцию А.Орловского, включающую двенадцать сцен" (1827). Здесь пляшущие (ломающиеся?) под балалайку: "Танцующие крестьяне у кабака". Кулачный бой, вместе с описанием (по-французски) находим в альбоме из 12 картинок И.Г.Гейслера "Русские сцены" (Leipzig, 1805 г), выполненные, возможно, по рисункам Корнеева. Одного из типичных бойцов мы и приводим (рис. 16).

Рис. 16 "Русские сцены".
 Гравюра(1905 г.).

У Гейслера же есть ряженые медведи - мужики в масках, ломающиеся, как у Олеария, касаясь руками пола. Гейслер выпускал цветные литографии и отдельными листами: "Драка на постоялом дворе" (1800 г.). Мы видим "свалку-специалку" (фрагмент на рис 17): пара слева продолжает борьбу на земле, справа - знакомая подсечка. И характер борьбы, и реакция зрителей - все говорит за то, что это борьба, а не драка, как переведено с немецкого.

Рис. 17 "Драка на постоялом дворе". Литография (1800 г.).

Из отдельных листов уникальна литография Кольмана (1822-1825): "Пляшущие в трактире" (рис.18) - конечно, мы не можем утверждать, что это "скобарь", но почему бы и нет?

Надо иметь в виду, что в то время не было еще принято рисовать с натуры - тем типичнее запомнившиеся художнику позы, если, разумеется, отбросить явные домыслы и копии с европейского.

Из популярных изданий по гравюре мы рекомендовали бы книгу Н.Н.Гончаровой "Е.М.Корнеев..." (М., 1987). Емельян Михайлович Корнеев - замечательный русский художник начала прошлого века. Сохранились сотни гравюр, выполненных известными мастерами (и им самим) по его рисункам. На рис. 2 и 3 (в издании Гончаровой) мы видим русские игры: конный бой, пристенок, городки. Примечательно, что в городки играют не палками, а палицами. Уместно вспомнить, как упражняются палицами в былинах - бросая под облака и ловя на всем скаку. Там же часто упоминается прием бросания палицы в противника. Гравюра 72. Мы не думаем, что в этой сцене художник - а нарисована баня изнутри - упражнялся в рисунке на античный манер.

Скорее всего, поголовное прекрасное телосложение русских мужиков - исторический факт. Вот что пишет средневековый наблюдатель: "Москвичи роста высокого, хорошего сложения, очень здоровы и имеют довольно гибкие ноги для бега" ("Описание Московии при реляциях гр. Карлефия"). Гравюра 83. "Подмосковный крестьянин Сила Богатырев бьет топором француза" (гравюра Ухтомского по рис. Корнеева) - рис. 19.

Рис. 18 "Пляшущие в трактире". Литография (1822-1825 гг.)

Рис. 19 "Подмосковный крестьянин Сила Богатырев бьет топором француза". Гравюра (1812 г.).

Далее мы видим целую серию агитационных картинок 1812-го года, своего рода лубок на страницах столичных журналов. Гравюра 84 и 85. Те же авторы: "Дочь старостихи Василисы управляется вилами с французом" (гравюра 85 - с двумя французами). Интересно, как захватывает француза казак на гравюре 86, а на 88-й: "Чем победил врага? - Нагайкою!" и т.п. Наконец, замечательная гравюра 92. И.С.Бугаевский-Благоверный (?): "Сычевцы". Подпись: "Чудо-богатырь города Сычевки, села Левшина неустрашимостью и силой подобно Геркулесу затворя в избе дверь привел в трепет 31-го француза, которые и взяты в плен подоспевшими крестьянами" ("Сын отечества" 1812г. №6, стр. 246). Закончим наш обзор этим чудо-богатырем с палицею в руках (рис. 20).

Рис. 20 "Сычевцы". Гравюра (1812 г.).

1991-92

P.S. Зарисовки с оригиналов и репродукций сделаны автором.

Автор благодарит коллективы АОЗТ "Силикатчик" и НВПФ "СТИС" за содействие в издании книги.

АОЗТ "Силикатчик"

- производство кирпича, проектные, строительно-монтажные работы, мелкооптовая торговля.
тел. 314-46-68

НВПФ "СТИС"

- программное обеспечение, вычислительная техника, научно-исследовательские и проектные работы, производство майоликовых изделий, ремонт офисов, мелкооптовая торговля.
тел. 312-93-97

